ПИОНЕР

Июнь

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1937 г.

6

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в Издательство «Правда».

Адрес: Москва, 40, ул. «Правды», 24, комн. № 216.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

П 29
34

Гос. Публичная Б-ка

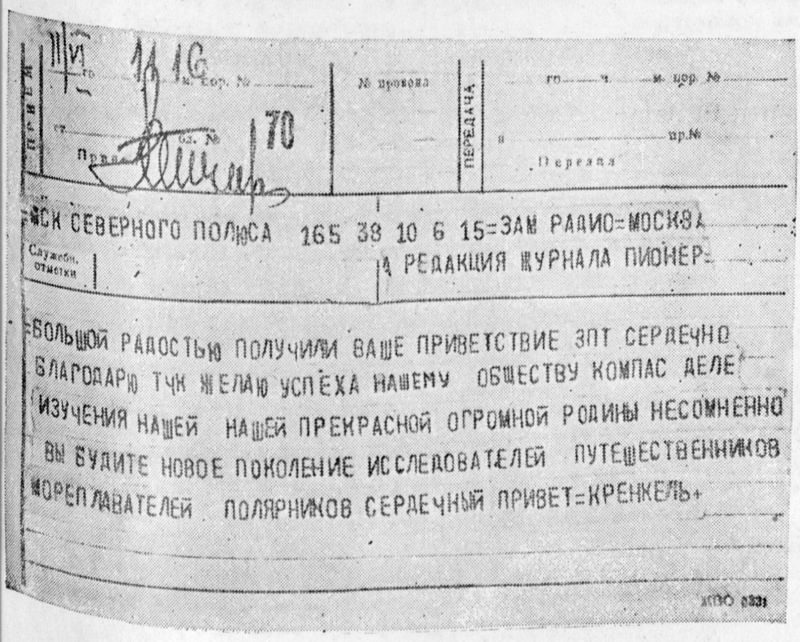
ЭТУ ТЕЛЕГРАММУ НА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС МЫ ПОСЛАЛИ 5 ИЮНЯ:

ДРЕЙФУЮЩАЯ СТАНЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС» ШМИДТУ И КРЕНКЕЛЮ

Члены Географического общества «Компас» салютуют победителям полюса тчк Особенно горячо приветствуем членов совета нашего Общества Шмидта и Кренкеля

Географическое общество «Компас» и редакция журнала «Пионер»

11-го ИЮНЯ МЫ ПОЛУЧИЛИ ОТВЕТ. ВОТ ОН:



ИСК СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА 165 38 10 6 15=ЗАМ РАДИО=МОСКВА

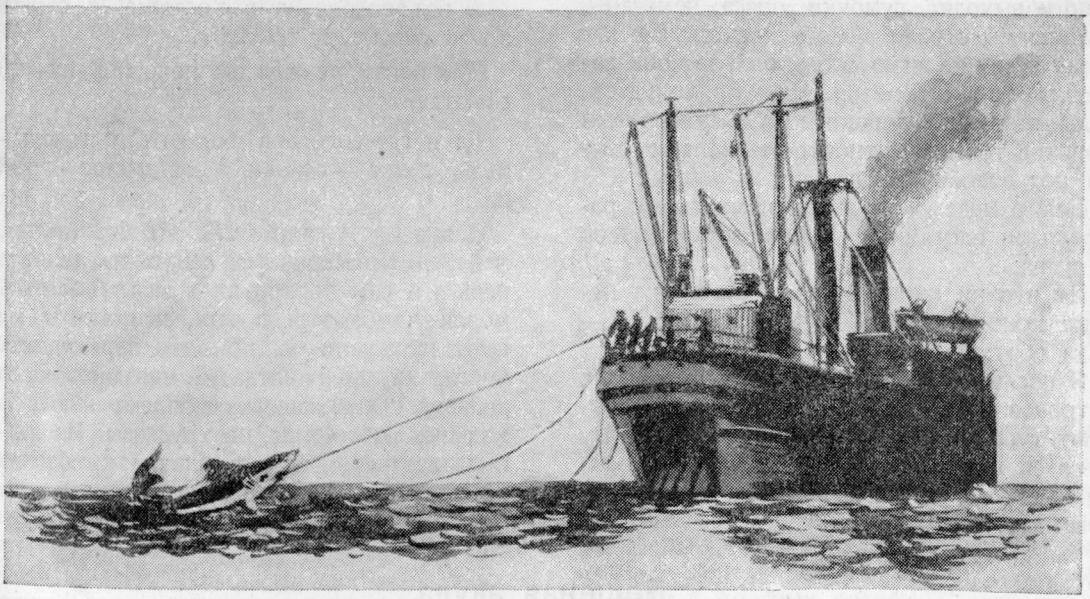
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ПИОНЕР=

БОЛЬШОЙ РАДОСТЬЮ ПОЛУЧИЛИ ВАШЕ ПРИВЕТСТВИЕ ЗПТ СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРЮ ТЧК ЖЕЛАЮ УСПЕХА НАШЕМУ ОБЩЕСТВУ КОМПАС ДЕЛЕ ИЗУЧЕНИЯ НАШЕЙ НАШЕЙ ПРЕКРАСНОЙ ОГРОМНОЙ РОДИНЫ НЕСОМНЕННО ВЫ БУДИТЕ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ ПОЛЯРНИКОВ СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ=КРЕНКЕЛЬ+

№ 6

Июнь

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“



А к у л ы

Рассказ К. Золотовского *Рис. Е. Шевякова*

Первое знакомство

Еще совсем молодым водолазом впервые встретил я настоящую, крупную акулу в Белом море.

Правда, не под водой. Ее поймал тральщик. Пришел я посмотреть.

Огромная акула лежала на палубе и, выгибаясь, била упругим хвостом. Вокруг толпилась команда. Один матрос протягивал акуле конец палки. Маленькие злые глазки акулы поблескивали, она пыталась перевернуться вверх брюхом и укусить кого-нибудь из матросов. Наконец, она изловчилась, цапнула протянутую палку и перекусила ее, как спичку.

Маленький черноглазый кок тральщика поднял с палубы откушенный конец палки толщиной в его руку и удивленно почмокал губами.

Когда акулу утащили куда-то в трюм, я зашел в каюту к тралмейстеру. Тралмейстер был человек богатырского роста, белокурый и степенный. Мы были с ним уже немного знакомы и разговорились. Тралмейстер рассказал мне, как он впервые ловил акул.

— Был я тогда матросом на китобойном судне, которые мы закупили в Америке, — рассказывал тралмейстер.—Судно это было целый завод. Чтобы не идти к себе в СССР пустыми, испробовали мы тут же, в Великом океане, наши гарпуны: поймали кита. Накинули ему петлю из цепей на хвост, потому что в хвосте у него страшная сила, потом подошли на шлюпке и рыбными ножами отсекли ему плавники хвоста. В это время из глубины вышли акулы. Вода прозрачней слезы. Глядим, как врежут они зубы в кита, так целая яма, полтонны недочет. Разрешили нам наказать акул. Загнули мы в мастерской большие стальные крючки, поджарили тюленя, нацепили на удочки по пуду пахучего мяса и кинули.

Враз одна с'ела и попалась. А другая час около крючка кружилась, наконец, замутилась у ней башка от запаха, она и хапнула — вытянули и эту. Ну мясо ее не интересно: нехорошее. Вырезали ее пасть, а зубы у нее белые, защелкиваются, как замки. Из плавников акульих клей сварили, жир ее растопили для какого-то лекарства.

А кожу акул отдали одному матросу — спецу по этому делу. Из акульей кожи добрые сапоги выходят, сумочки, пояса, чемоданы.

Пока мы стояли, подобралось акул к нашему судну не знаю сколько. Чуют они запах за три километра. Нюх прямо удивительный у них! Запахи вода растворяет, а морские течения разносят эти запахи далеко под водой.

Целую неделю акулы за нами шли с разинутыми пастями и глотали всякий мусор с судна.

Им что ни кинь! Бросали для смеха пустые консервные банки; жиром смажем — и за борт, а та хап — и проглотит.

Я после был в плавании у Филиппинских островов. Туземцы там, ныряльщики, добывают губки и раковины, тем и живут. Ну и калек среди них: у кого руки нет, одна культяпка, у другого ноги, на палке подпрыгивает!

В тех местах из-за акул и не купались— на палубе душ устраивали.

А вот водолазов в костюме, я слышал, акулы совсем не трогают.

Или запах резины им нехорош или стесняются?

Да и где водолаза схватить: с головы — медь, с ног — свинец, а остальное — резина!

Давно рассказывал мне это бравый тралмейстер. Примерно лет девять назад. А теперь я и сам поработал в дальневосточных морях и убедился в том, что акулы хватают купальщиков, пополам перекусывают иногда их, но никогда не нападают на водолазов. Они жадны, издалека чуют, нахальны, любопытны, но трусливы. Из любопытства подходят они близко к водолазу, но только пусти в них золотником пузырей, они и бежать.

Бешеная акула

В 1931 году работал я в дальневосточной партии Эпрона. И вот там-то с тремя моими приятелями-водолазами, с которыми я жил на одной базе, случилась эта необыкновенная история.

Работали водолазы на затонувшем судне «Красный партизан».

Работали с двух новеньких моторных, самоходных баркасов.

Меж баркасов стояла пузатая баржа. Водолазы на дне стропили груз, а баржа длинным крамболом [1] тянула груз наверх и опускала в свои просторные трюмы.

Груз был ценный — оборудование для нефтяных промыслов.

Соленая вода его быстро портила, и поэтому водолазы непрерывно работали днем и ночью.

Лучше всего работал баркас старшины Криволапова с водолазами Авдеевым и Глобусом.

По ночам водолазы копошились в трюмах «Красного партизана» с электрическими лампами.

А вокруг судна ходили маленькие зеленые огоньки: то были глаза акул. Водолазы давно привыкли к акулам и не обращали на них внимания, будто это комнатные мухи.

Груз с «Красного партизана» водолазы подняли раньше срока, назначенного начальством базы.

Теперь надо было до штормов поднять самого «Красного партизана».

Но случилась где-то авария: пассажирский пароход напоролся на камни. Первый баркас с водолазами спешно послали на аварию.

А для работ на «Красном партизане» оставили Криволапова с Авдеевым и Глобусом.

Но у них забрали моторный самоходный баркас, а вместо него привели старый рабочий кунгас. Кунгас был грязен, на палубе его виднелись лужицы рыбьей крови, растоптанные пузыри и жир.

Рыбаки с него ловили и тут же потрошили пойманную добычу. Водолазы перегрузили на кунгас все водолазное имущество, а на корму навесили железный трап. Старшина — водолаз Криволапов, коренастый, немного сутулый мужчина с седеющими как у моржа усами, с широкой волосатой грудью под растегнутой фланелью — поскользнулся на рыбьем жире и сказал:

— Это, птички-воробушки,— не дело, надо сперва палубу помыть!

— Тогда весь день пропадет, — ответил Авдеев, долговязый, жилистый водолаз. — Погода не ждет, сегодня тихо, а завтра глядишь — шторма, надо нам скорее стропа подрезать, а палубу помыть и после успеем.

[1] Приспособление на носу судна ввиде бруса с блоком на конце, которое служит для под'ема грузов из воды.

— Верно, давайте скорее судно поднимать,— поддержал Авдеева молодой подвижной водолаз Глобус, известный водолазам врун и певец.

И Глобус стал натягивать на себя водолазную рубаху, на свой рост № 2, чтобы идти под воду.

— Не люблю грязную палубу, — проворчал Криволапов, но махнул рукой и крикнул на буксир, чтобы приготовили для подрезки под судно стальной трехдюймовый трос.

Качальщики взялись за ручки маховиков водолазной помпы и стали качать воздух, а на одетого уже и стоявшего на трапе Глобуса навесили груза и закрепили гайками шлем. Ходили в воду без оттяжки. Оттяжка — веревка; один конец ее привязывают к баркасу, другой, на дне, — к затонувшему судну, чтобы водолаз придерживался ее в темной воде или на быстром течении. Но здесь видимость под водой была хорошая, течения, которое бы относило водолаза в сторону, не замечалось, а глубина была всего 12 сажен.

Глобус взглянул на буек и быстро спустился под воду. На грунте Глобус по обыкновению пел.

С флотским маршем «Старые друзья» подошел он к разгруженному судну, взял в руки трос и перенес его к форштевню. Тут ему показалось, что сегодня вокруг него слишком много акул.

Глобус удивился, поднял голову и, протерев носом затуманенное от дыхания стекло, посмотрел через иллюминатор вверх.

Почти над самой головой его, чертя острыми плавниками большие круги, плавало целое стадо белобрюхих акул.

«Откуда это их понаперло вдруг столько? — подумал Глобус. — А ну-ка пугну я их!»

Он нажал головой на золотник шлема. Из шлема вырвалась вверх рокочущая цепь пузырей.

Акулы бросились в стороны, но через каких-нибудь полминуты вернулись назад, еще ближе к водолазу. Глобус перестал петь.

— Пузыри не помогли,— сказал он и поднял с ракушечного грунта увесистую кувалду.

Сильно размахнувшись, он бухнул несколько раз по корпусу судна. Удары в воде громче чем в воздухе. Акулы разбежались. Глобус принялся за прерванную работу, а минут через пять снова увидел сквозь стекло очень большую акулу, которая шла к нему. Глобус ждал, что она свернет. Но она не сворачивала. Тогда Глобус решил сам уступить ей дорогу и отошел шага на три. Акула круто повернула за ним. Тогда Глобус подобрал сигнал и шланг и всплыл на палубу затонувшего судна. Акула метнулась за ним на «Красный партизан».

Глобус дал сигнал «Поднимай кверху!», и его стали поднимать. Акула повернулась вверх брюхом, чтобы схватить его.

Глобус дернул сигнал «тревога» и, не стравливая воздух, стремительно понесся кверху.

Акула погналась по пятам.

Еще секунда — и Глобус на трапе, но акула догнала его и сильно рванула за ногу. Глобус выскочил на самые верхние ступеньки трапа и с грохотом повалился на кунгас. Водолазы сняли с Глобуса шлем. Феска у него сбилась на мокрый лоб, и лицо было в красных пятнах. С него сняли груз, и Криволапов спросил:

— Ты чего выскочил?

Глобус не ответил.

Он поднял ногу и посмотрел на нее — цела. Поднял вторую, а на ботинке нет свинцовой подметки.

— Это как же, птички-воробушки? — удивился Криволапов.

— Акула откусила.

— Свинцовую-то подметку? — улыбнулся Авдеев. — С каких это пор акулы свинец едят? Не врешь по привычке?

— Честное слово, откусила! — сказал Глобус.

— Может, для смеха отрезал? — спросил Криволапов и строго взглянул сперва на водолазный нож у пояса в медном позеленевшем футляре, а потом на самого водолаза.

— Не отрезал я, — обиделся Глобус, — и в воду больше не пойду, опять схватит!

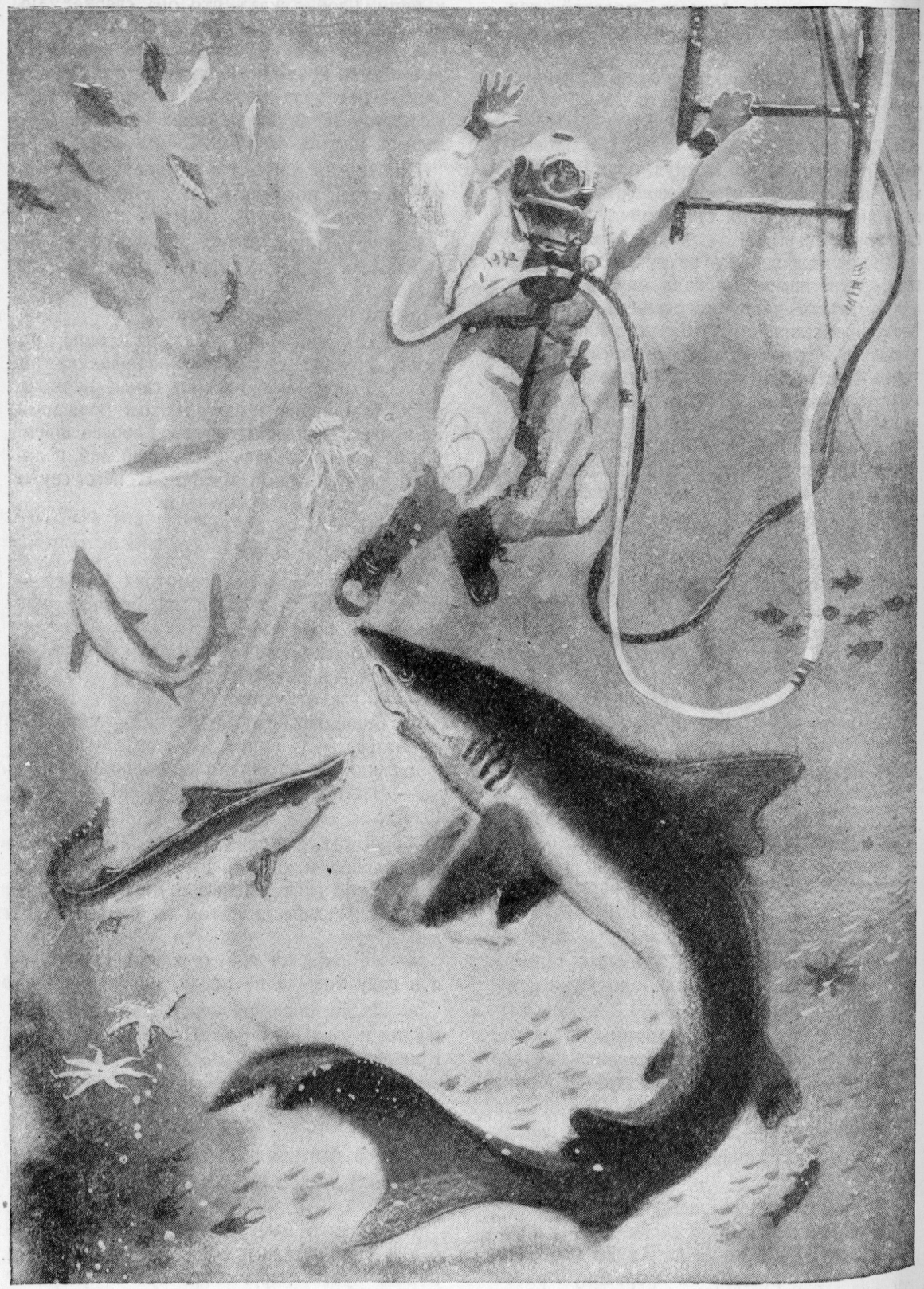
— Ладно, после разберем, как на работе шутки шутить,— строгим голосом произнес Криволапов.

— Авдеев!

— Есть, — отозвался Авдеев, — уже одеваюсь.

Авдеев шагнул на трап, на него надели шлем, он улыбнулся за стеклом и быстро ушел под воду.

Но прошло минуты три, сигнальная веревка затрепетала в руках у Криволапова, и весь кунгас вдруг вздрогнул от удара о днище. У трапа, среди клокочущих пузы-



...Акула догнала Глобуса и сильно рванула за ногу.

рей, выскочили из воды ноги. Водолазы быстро подобрали и натянули шланг и сигнал, ноги кувыркнулись обратно под воду, а вместо них вынырнул шлем водолаза. Водолаз схватился за трап, вскарабкался по ступенькам и так быстро перебросил ноги на кунгас, будто на ногах были туфли, а не пудовые ботинки. Сняли шлем. Авдеев отдышаться не может:

— Акула... едва убежал!..

— Вот я же говорил,— сказал Глобус,— я же говорил!

— Что ты говорил? — накинулся на него Криволапов. — Да где это видано, чтобы акула гналась за водолазом? Что она тигр? — Криволапов подергал седеющие усы. — Я здесь двадцать пять лет работаю, ни одна не трогала. Птички-воробушки! Тьфу! — утер усы Криволапов. — Засмеют ведь, если рассказать!..

— Давай рубаху! — сказал Криволапов качальщику.

Качальщик вынес из рубки водолазную рубаху. Криволапов сел к борту и, сердито отдуваясь, просунул в костюм ноги.

Авдеев и Глобус взялись за упругий фланец рубахи, натянули Криволапову костюм и надели манишку. Потом застегнули ремнями ботинки-калоши, и Криволапов, ступая по ошметкам жира на палубе, прошел на корму и встал на трап. На трапе ему навесили груза и надели шлем. За стеклом иллюминатора лицо Криволапова смотрело сердито. Моржевые усы шевелились. Криволапов, переваливаясь, качая широкими плечами, шагнул вниз по гулким ступенькам железного трапа и скрылся под водой.

Авдеев и Глобус тревожно стояли со шлангом и сигналом в руках.

«И с чего она на меня набросилась? — думал Глобус. — Может, оттого, что я пел? Так я всегда под водой пою, и никогда акулы не бросались. Может, оттого, что я вежливо уступил ей дорогу, а она подумала: я молодой, неопытный, струсил. Но Авдеев старше меня, а тоже накинулась. Неужели и на Криволапова бросится? Уж он-то водолаз самый старый и опытный...»

И только подумал это Глобус, как из воды, подпрыгнув на метр, вылетел Криволапов. Он, взмахнув руками, ухватился за трап. Выходить из воды на трап в шестипудовом костюме не просто: на плечах у водолаза будто два человека сидят. Но Криволапов загрохал по трапу так тяжело и скоро, что водолазы даже сигнал и шланг подобрать не успели.

А Криволапов поджал под себя ноги и грохнулся на палубу. Сняли с него шлем.

Криволапов облегченно вздохнул всей грудью и смахнул с лица крупные капли пота.

— Ну что? Я же говорил! — сказал Глобус.

— Снимай груза! — сердито ответил ему Криволапов.

С Криволапова сняли груза, манишку и стянули костюм. Криволапов не любил стоять без дела ни минуты. Он схватил фуражку, пнул ногой рыбий пузырь и сказал качальщикам:

— Прибирай палубу.

Качальщики взялись за швабры, резинки и совки.

— А как же с работой быть? — спросил Авдеев.

— Нельзя,— ответил Криволапов,— сбесилась акула.

Криволапов недовольно дернул себя за усы.

— А с чего она бешеная, не знаю.

— Нам и не узнать, — сказал Авдеев,— а вот на рыбной станции есть ученый рыбовед, старик Холодеев, тот бы нам сразу сказал.

— Сказать-то бы сказал, — согласился Криволапов, — да стоит ли гнать за 30 километров на станцию?

— Давай сгоняю! — весело вызвался Глобус. — В момент ихтиолога Холодеева на кунгас доставлю. Я как раз с его дочкой знаком.

И Глобус, напевая, полез за веслами и уключинами.

Качальщики старательно лопатили палубу, а совками подхватывали жирную грязь и бросали за борт.

Криволапов свернул папироску и подошел к борту закурить. Брошенная из совка грязь медленно расплывалась в воде, меняла очертания, и радужные блестки жира всплывали кверху.

И тут Криволапов увидел, как из прозрачной глубины вышли две акулы, перевернулись вверх брюхами и жадно глотнули кинутую из совка жирную грязь. Криволапов даже пальцы обжег.

— Птички-воробушки! — вырвалось у него.

Он швырнул окурок и быстро поднял с палубы водолазный ботинок. С ботинком в руке он перегнулся через борт, погрузил ботинок в воду и стал соскабливать с подметки грязный жир.

Акулы так и метнулись к ботинку: еще миг — и хапнули бы его вместе с руками.

Но Криволапов моментально выдернул ботинок из воды и довольно усмехнулся в усы:

— Ну, птички-воробушки, теперь нам и Холодеева не надо.

В это время Глобус скрипнул уключинами, оттолкнулся от кунгаса и крикнул на прощанье:

— Ну я пошел!

— Стой!—остановил его Криволапов.— Разве я велел? Выходи на кунгас мыть палубу.

Глобус удивленно пробормотал: «Есть!»— и выбрался из шлюпки на кунгас. Он снял новенькую, пахнущую одеколоном фланельку, снял новые ботинки и, надев болотные сапоги, стал помогать Криволапову, который, засучив рукава, со всего маху скатывал палубу из ведра.

Потом Криволапов забрал на шлюпку все водолазные рубахи, груза и ботинки, отплыл от кунгаса и долго тер все это песком, отскабливал, мыл мылом и полоскал. Потом вылез из шлюпки, сложил рубахи, груза, ботинки на вымытую палубу и пошел по кунгасу, внимательно его осматривая. Там, где он замечал пятна, проводил пальцем, потом подносил палец к глазам и даже нюхал его.

И после этого сел и стал надевать водолазный костюм.

— Под воду? — удивились водолазы.

— Ну да.

— Цапнет,— в один голос сказали Авдеев и Глобус.

— Нет, — ухмыльнулся Криволапов, — теперь с палубы жир счистили.

Водолазы не поняли.

— А при чем тут жир на палубе? — спросил Глобус. — Ведь акула взбесилась. Я сам видел, какие у нее глаза бешеные.

— Не бешеная она, а голодная, птички-воробушки! — сказал Криволапов. — Акула-то чуткая?

— Чуткая! — ответил Глобус.

— Любит жир?

— Очень даже.

— Ты на палубе жир ботинками растаптывал?

— Растаптывал.

— Ну вот, ты первый акуле на подметке жир с кунгаса и поднес, а слизывать не дал.

Глобус смущенно рассмеялся:

— Правильно, значит: она меня за подметку цапнула, а я-то думал...

— Выходит, она не за нами гонялась, а за жиром, — сказал Авдеев.

Но хотя все и понятно стало, а когда Криволапов опустился под воду, водолазы еще тревожились за него и часто дергали сигнал. Криволапов отвечал им на сигналы и спокойно работал целых два часа.

Когда он вышел, на смену ему пошел под воду Авдеев, а за Авдеевым — Глобус. И никакая акула больше не трогала их.

Вечером, после работы, кунгас снова помыли и старательно протерли палубу сухой шваброй. Криволапов внимательно осмотрел кунгас, в некоторых местах потер пальцем, поднес к глазам и даже понюхал.

— Ну теперь не тронет,— сказал Глобус.

— Все равно палубу будем два раза мыть, — ответил хозяйственно Криволапов, — чтобы все блестело как чортов глаз, а то, птички-воробушки, — Криволапов взглянул на Глобуса, — на вас подметок свинцовых не напасешься.

Охота в Голубой бухте

Случилось это через месяц после истории с рыбьим жиром в одной голубой, прозрачной бухточке, недалеко от Владивостока. На берегу этой бухточки стоял дом отдыха. Берег бухты был пологий, песчаный, усеянный мелкой ракушкой и обточенными морем цветными камешками. Влево виднелся желтый мыс, а на нем неизменно, как лягуха, сидела небольшая пушка. Возле пушки ходил дежурный краснофлотец береговой обороны.

Стоял один из жарких, июльских дней. Отдыхающие купались и загорали. Вдруг чей-то пронзительный вопль:

— Акула!

Купальщики как ошпаренные повыпрыгивали из воды.

К берегу медленно двигалась темная спина с острым черным плавником.

Акула описала полукруг и пошла обратно. На берегу собралась большая толпа отдыхающих. Полосатая, как уссурийский тигр, купальщица испуганно вращала круглыми глазами-блюдечками — и рассказывала, как она нырнула в прозрачную воду и к ней бросилась с разинутой пастью акула.

— Да,— заметил один из толпы,— могла

бы ногу или руку начисто откусить — у нее зубы как бритва.

— Могла бы и совсем скушать,— заметил другой, бородатый дядя и стал рассказывать случай.

Но его не слушали. Всем очень хотелось купаться, а купаться из-за акулы было страшно. Надо было ждать, когда акула снова всплывет на поверхность и ее застрелят. Стали ждать. На середину бухты вышла шлюпка с тремя молодыми ребятами — снайперами. В руках у них были мелкокалиберки. Ждали долго. Акула не показывалась. Может, она уже ушла из бухты? Но как узнать?

Заведующий домом отдыха позвонил во Владивосток и затребовал помощи. Через час к бухте уже шли водолазные баркасы. Баркас Криволапова развивал полный ход, обгоняя нас.

— Что вы мчитесь как угорелые?—крикнул Криволапову мой старшина Окороков.— Приз хотите за гонки получить?

— Ему акулу поскорей! — крикнул Глобус.— Думает, не эта ли с'ела мою подметку. Он теперь злой на акул!

Криволапов сердито дернул ус и велел Глобусу прокачивать шланги, которых Глобус не любил. На баркасах расхохотались. Я не смеялся. Я сочувствовал Криволапову. Он был самый акуратный и хороший водолаз, много раз премированный. Но ложка дегтя портит бочку меду. Дней пять назад была ревизия по проверке состояния водолазного имущества. Водолазные старшины отвечают за водолазное имущество на баркасе. У всех старшин оказалось имущество в полном порядке, а у Криволапова на одном водолазном ботинке не хватало свинцовой подметки.

Ревизор сказал, что Криволапов продал ее охотникам на дробь. Глобус в сотый раз рассказывал историю с откушенной подметкой. Никто не верил.

Признаться, и я сомневался: Глобус мог мне наврать, а Криволапов отмалчивался.

Когда наши баркасы перешли через узкое горло в бухту, появилось судно, встало поперек входа и опустило до дна металлическую сеть.

Выход из бухты был закрыт для акулы.

Водолазы оделись и спустились на дно, чтобы найти акулу и выгнать ее на поверхность. В руках у них были багры. Криволапов на своем баркасе стоял рядом с Авдеевым. Он теребил седой ус и, глядя на пузырьки, покрикивал в телефон:

— Вправо пошла! Стой! Не ходи дальше! Так! Верно! А, птички-воробушки, коли ее! Что-о? Не достать? Пусти золотником пузырей! Ходу ей не давай! Регулируй воздух!.. Какой же ты после этого водолаз? Что-о? Не успел? А вот как закачу два наряда вне очереди — успеешь!

С других баркасов тоже раздавались возгласы водолазных старшин. По всей поверхности бухты подскакивали и лопались пузырьки.

Наш баркас задержался из-за порчи моторного компрессора. И как только его наладили, я взял в руки багор со стальным наконечником и спустился под воду.

Глубина была 8 сажен. Я встал на грунт и оглянулся.

Вода была прозрачная, колыхались разноцветные медузы, пробегала рыбья мелюзга с золотыми перышками. Под ногами, на песке лежали перламутровые ракушки, а местами виднелись крупные, океанские звезды, которые шевелили как осьминоги длинными красноватыми лучами-щупальцами.

Я осмотрелся еще раз по сторонам и двинулся вперед.

Сделал я шагов десять и увидел: впереди мелькнуло что-то темное. Вгляделся через стекло: акула. Огромная акула, первый раз такую встретил.

«Такая вполне может сожрать свинцовую подметку»,— подумал я.

Акула шла в мою сторону.

Я крепко сжал багор в кулаке. И стал следить за акулой. Тут заметил я вдали водолаза, который смешно качал головой и сильно бурлил золотником: от него акула и бежала.

Справа от меня показался другой водолаз с багром в руке.

Слева как из тумана вышла медная макушка третьего.

Водолазы шли на акулу, отчаянно бурлили из шлемов и качали баграми.

Я ждал акулу, накапливая в костюме воздух.

Вот акула уже саженях в двух от меня, даже видны ее маленькие злые глазки. Тут я сильно надавил головой на пуговку золотника и выпустил из шлема бурный столб пузырей. Акула изогнулась и помчалась кверху.

А я оторвался вслед за ней от грунта, поднял обеими руками багор и ткнул им в белое акулье брюхо.

Не знаю точно, больно ли уколол я, но она моментально скрылась из виду.

Пока я стоял на грунте и смотрел через иллюминатор, с баркаса по телефону мой старшина Окороков сообщил:

— Выходи, акула пошла поверху.

Я вышел на поверхность, забрался на трап баркаса, освободился от шлема и сразу оглянулся. Шлюпка с молодыми снайперами качалась. Это акула, выйдя из воды, качнула ее, а сама как торпеда, выставив острый плавник, мчалась к тихому мысу, где один из краснофлотцев наводил на акулу пушку. Другой его товарищ шутил над ним и стоял с винтовкой наготове. Ребята со шлюпки выпалили почти одновременно. Они попали, но крохотные пули лишь ковырнули акулью кожу, и она еще сильней прибавила ходу.

Водолазные баркасы наши отошли к левому берегу. Краснофлотец выстрелил из винтовки и тяжело ранил акулу. Оказалось, чтобы убить ее, одной пули мало. Акула круто выгнулась и уже было нырнула вглубь. Но тут грохнула пушка. Бухта дрогнула вся. Акула странно подпрыгнула и упала всей тяжестью, разрыв воду. Через несколько секунд она шумно перевернулась на спину, сверкнув на солнце длинным мраморным брюхом. Купальщики на берегу закричали: «Ура!»

Еще не разошлись круги, а молодые купальщики, отфыркиваясь, уже плыли к акуле. Минут через двадцать буксир зацепил акулу крюком и отбуксировал к берегу. Акула была тяжелая — ее поднимал из воды плавучий кран.

Акуле разрезали брюхо. Собралась большая толпа. Пришли и водолазы. Всторонке стоял Криволапов.

Из огромного желудка акулы вытащили непрожеванную швабру, полмешка картошки, матросские парусовые штаны, козью ножку с шерстью и копытцем.

Публика была удивлена невиданной прожорливостью.

Больше в брюхе не нашли ничего особенного: только одну полупрожеванную рыбку, краба с обломанными ногами и какую-то облипшую жиром плитку. Весь этот инвентарь из акульего брюха выбросили в яму. Тут набежали собаки, зарычали и стали драться из-за добычи.

Мы с Глобусом пошли на баркас.

— Прямо кладовка,— сообщил Глобус Криволапову,— и чего только в ее брюхе нет: рублей на пятьсот добра всякого!

— Птички-воробушки! — обрадовался хозяйственный Криволапов и, наклонившись к Глобусу, чтобы я не слышал, сказал ему тихонько:

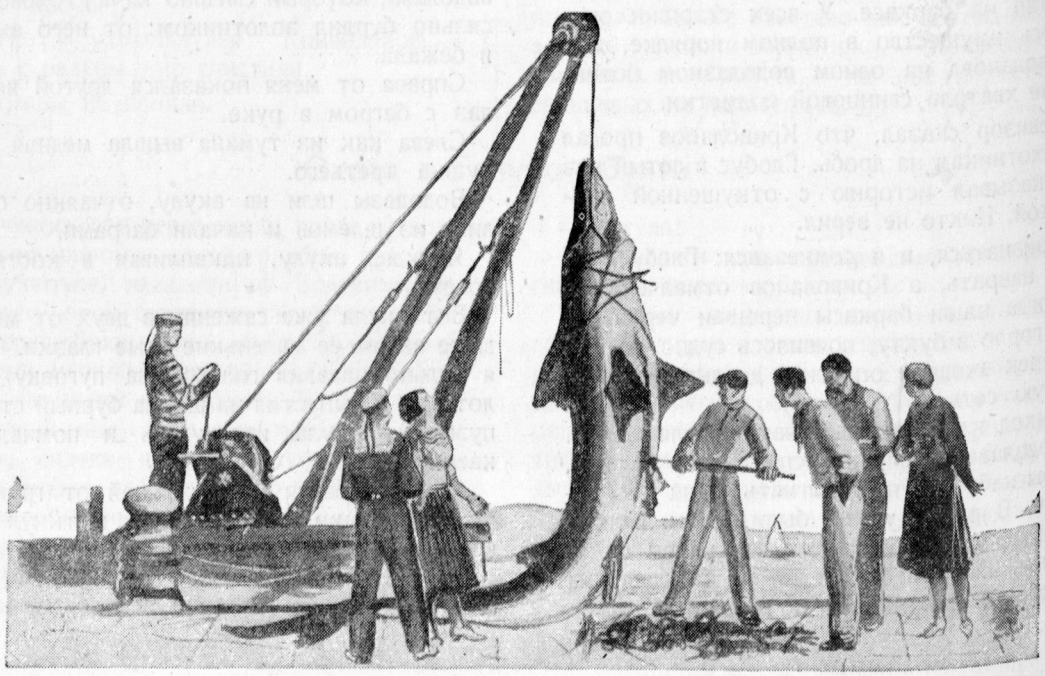
— А ну-ка, сбегай, посмотри, нет ли там нашей свинцовой подметки?

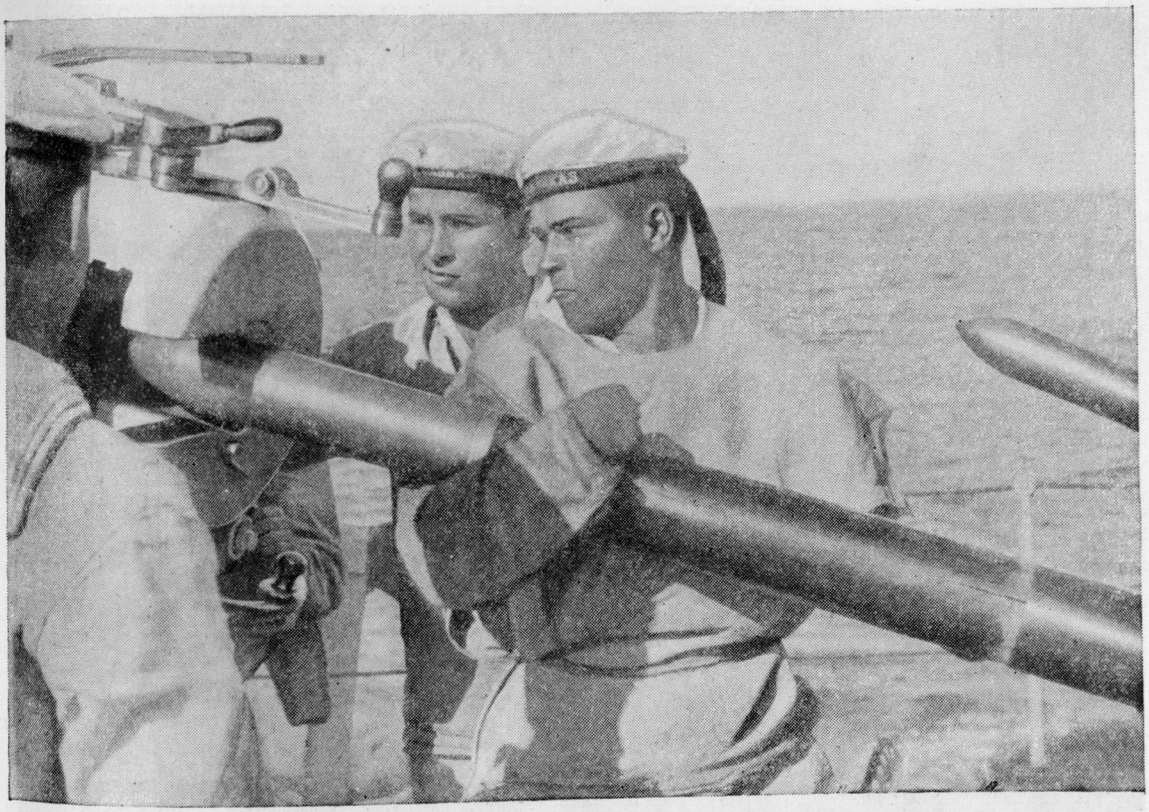
Глобус вернулся и спросил матросов, которые резали акуле брюхо, не попадалась ли им свинцовая подметка.

— Медный сундук нашли,— засмеялись матросы,— а свинца нет: наверно, в животе растопился.

Подметку Глобуса я увидел у собаки: она держала в лапах свинцовую плитку и слизывала с нее акулий жир.

Я прогнал собаку и вручил подметку Глобусу.





На линкоре

Линейный корабль, или, сокращенно, линкор, — самая крупная боевая единица военного флота.

Основное оружие линкора — дальнобойные пушки, стреляющие самыми тяжелыми снарядами.

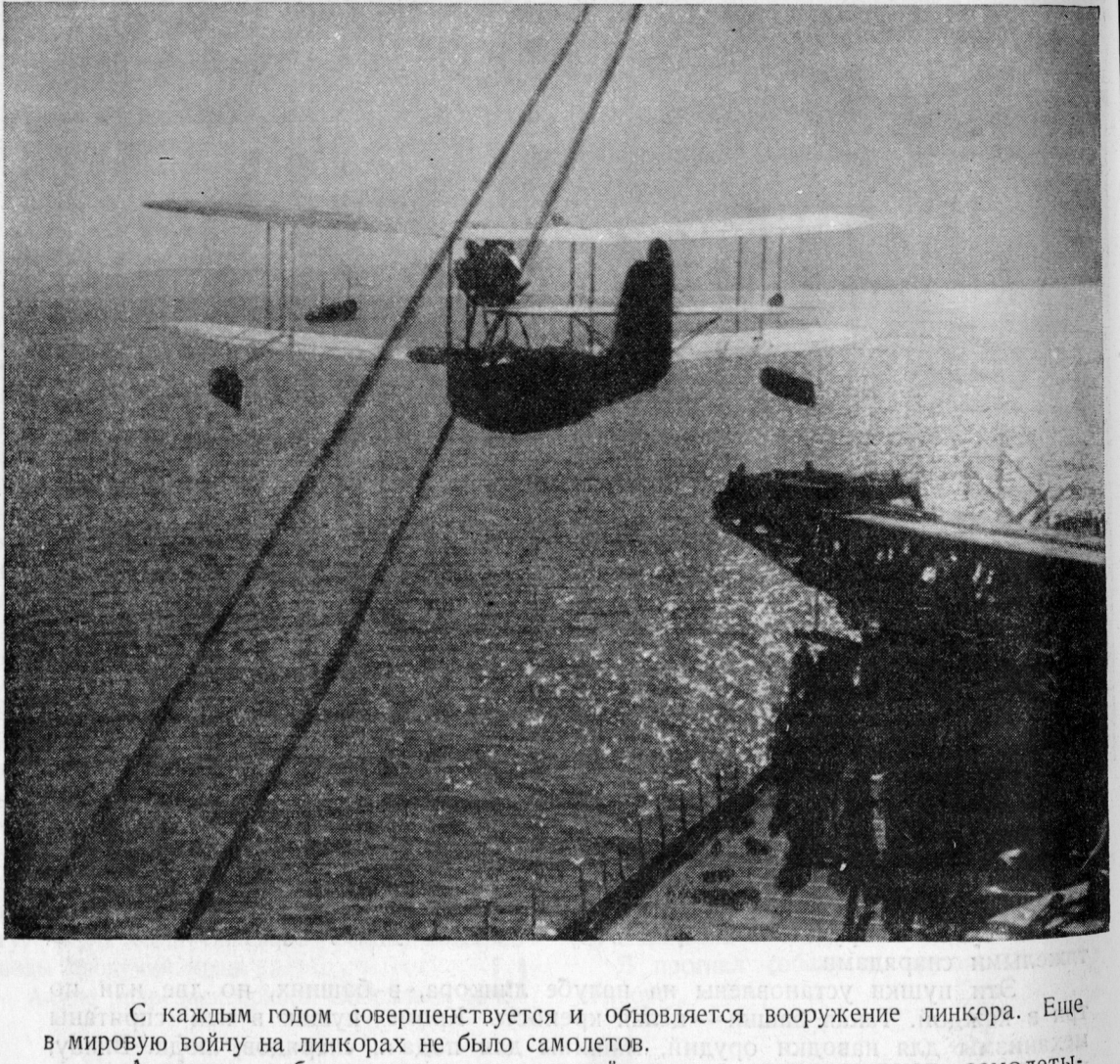
Эти пушки установлены на палубе линкора, в башнях, по две или по три в каждой. Такая башня — целая крепость. Кроме пушек в ней спрятаны механизмы для наводки орудий, машины для подачи снарядов, люди. Внизу, под башней, в глубоких «погребах» линкора, хранятся боевые припасы, а сверху все покрыто тяжелым, стальным колпаком чуть ли не в полметра толщиной. И палуба, и борта, и боевые рубки на линкоре тоже защищены толстыми броневыми плитами, поэтому линкоры называют броненосцами.

Но одной башенной артиллерии мало. Для поражения кораблей противника иногда, кроме артиллерии, нужны торпеды. Поэтому в подводной части линкора устроены торпедные аппараты. А для стрельбы по легким крейсерам, по миноносцам и подводным лодкам ненужны такие мощные пушки, и на линкорах ставят легкую «противоминную» артиллерию, защищенную казематами, а иногда и вовсе ничем не защищенную.

Вообще современный линейный корабль — это сложнейший комбинат, в котором взаимно связаны мощные механизмы, различные виды вооружения и люди, управляющие всем этим огромным хозяйством.

От согласованной, четкой, точной работы этих трех элементов зависит боевая мощь линкора. Поэтому на линкорах Красного флота ни на минуту не прекращается боевая учеба.

На этой фотографии показана казенная часть незащищенного броней палубного морского орудия. Краснофлотцы, подающие снаряд, называются «номерами». Но это не только «номера» — это живые люди, и от того, насколько умело, насколько быстро они делают свою ответственную работу, зависят и скорость стрельбы и срок службы орудия. Ведь щепотка песку, попавшая в канал ствола вместе со снарядом, может вывести орудие из строя. Поэтому так внимательно смотрят «номера» на снаряд.



С каждым годом совершенствуется и обновляется вооружение линкора. Еще в мировую войну на линкорах не было самолетов.

А теперь в бою и в походе каждый линкор сопровождают самолеты-гидропланы.

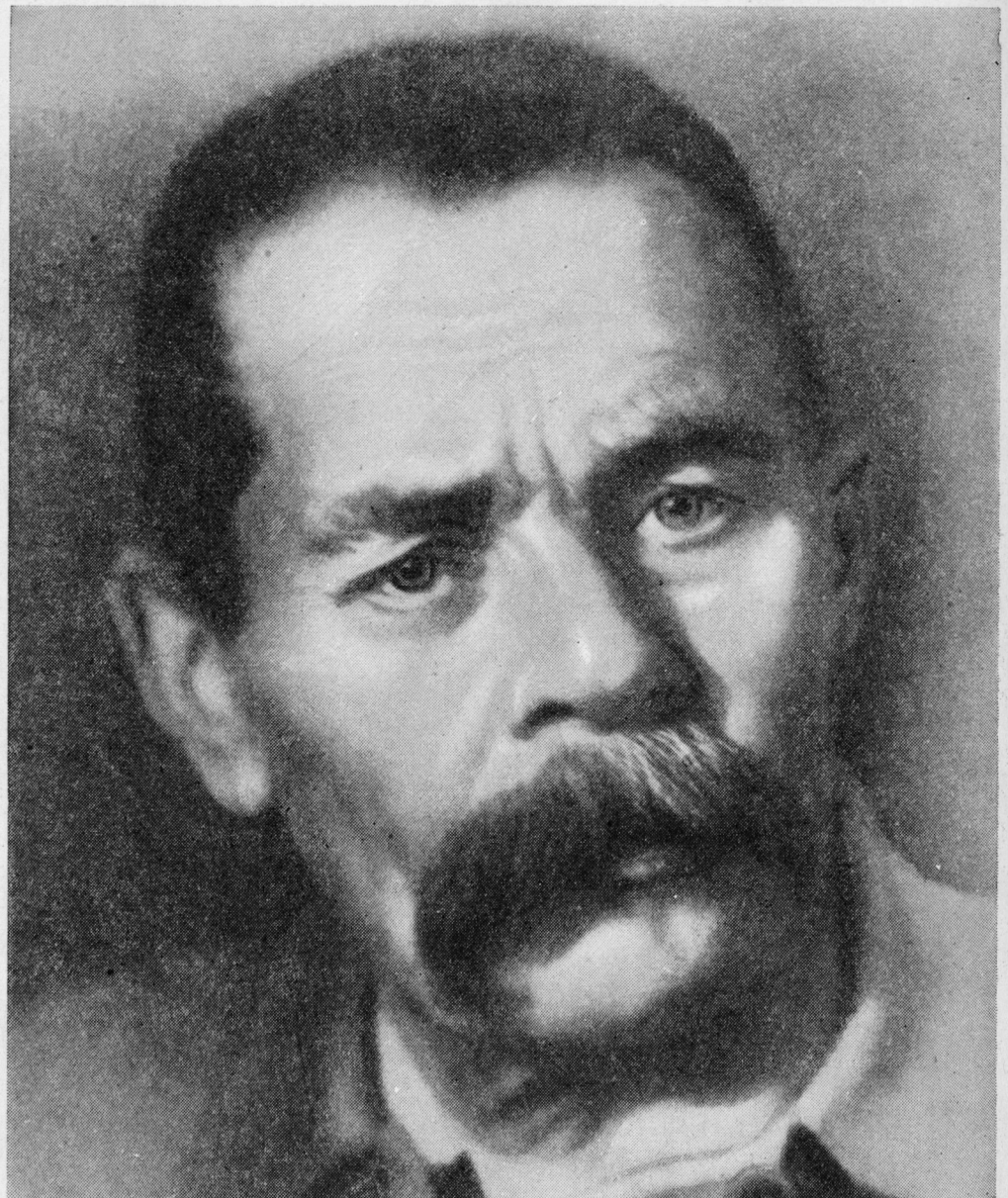
Сесть гидроплан может где угодно, была бы вода. А вот взлететь — это не так просто. Нужно долго разбегаться, а перед этим еще поднять гидроплан с палубы и спустить на воду. Это займет много времени. А если море неспокойно, взлететь вообще трудно, а особенно в обстановке боя, когда дорога каждая секунда.

И вот придумали специальные приспособления для взлета гидропланов с палубы: устроили длинные рельсы, по которым катится тележка с установленным на ней самолетом. Тележка катится так быстро, что к концу пути гидроплан набирает нужную для взлета скорость, отрывается и идет в воздух. Называется это приспособление катапульта и теперь на многих линкорах установлены катапульты: гидропланы с линкоров в несколько секунд взлетают с них в воздух.

На снимке момент взлета гидроплана-разведчика с катапульты. С гидроплана, с большой высоты, наблюдатель помогает артиллерии и видит то, что ни в какие бинокли не могут разглядеть люди с марса линкора. С самолета можно разглядеть противника, скрывшегося за горизонтом или за дымовой завесой. С самолета хорошо видны мели, плавучие мины и подводные лодки. Поэтому морскую разведочную авиацию называют глазами линкора.

А у авиации есть свои глаза. Летчику нужно знать, какая погода будет в районе его полета. И вот на линкорах появляются новые люди — синоптики и метеорологи, «колдуны», как их в шутку называют.

Здесь, на снимке, военморы-синоптики отправляют в полет шар-зонд. Шар-зонд укажет направление и силу ветра в разных слоях атмосферы, а маленькая автоматическая радиостанция, подвешенная к шару-зонду, сообщит давление, температуру и еще целый ряд нужных для предсказания погоды сведений. Но, чтобы шар-зонд выполнил свою задачу, нужно не ошибиться, нужно тщательно подготовить его к полету. Здесь синоптики измеряют шар перед полетом, чтобы определить, достаточно ли газа он принял.



Алексей Максимович Горький.
18 июня 1936—18 июня 1937

На реке

Рассказ Р. Фраермана *Рис. П. Кузьмичева*

Мы плыли по широкой реке, убегавшей на север, и вода в ней была уже холодна, хотя на нашем берегу, на скалах, среди мха и тонкой осенней травы, еще росли камнеломки — маленькие цветы без запаха, а на манчжурской стороне еще совсем по-летнему стояли в синем дыме горы.

На пароходе было тесно: и корма и нос были забиты грузом — пустыми бочками и солью — обычным грузом для этих мест, богатых рыбой. А на скамьях, на якорных цепях, на кнехтах — повсюду сидели амурские рыбаки и старатели — люди все рослые, в огромных ичигах, с багровыми от ветра лицами цвета дубленой кожи; тут же толпой, присев на корточки, ютились среди бочек корейцы — огородники с нижних деревень; портовые рабочие, облокотясь на дубовые перила палубы, молча провожали высокий берег, все убегавший от борта налево. И невесело было у всех на душе: Владивосток был занят японцами, на Хабаровск наступали чехи, калмыковцы. Хоть на короткое время, но враг одолел, и приходилось кому уходить в тайгу, кому скрываться в городе или уезжать в места, где тебя никто не мог бы узнать.

Среди этой толпы был и я. Глядя, как холодно плещется вода в реке, я думал о том, о чем думает человек, который в последние дни ел очень редко. Я был страшно худ от голода, и не только лицо мое, но даже кожа на моих руках приобрела тусклый, неживой цвет. У меня ничего не было: ни сундучка, ни денег, ни хлеба. Обувь моя была разбита, и одежда протерлась во многих местах.

Но, правда, я мог бы продать свою тужурку. Она была почти новая, из хорошего сукна, и мне дали бы за нее немного денег. Я заметил даже человека, которому мог бы ее предложить. Он был обут в прекрасные желтые сапоги, носил синюю чиновничью фуражку и, наверное, любил крепкие и прочные вещи. Я даже спросил у него, сколько может стоить такая тужурка, как у меня.

— Сколько бы она ни стоила, — сказал он мне,— ее все равно украдут.

При этом он показал на вертевшегося повсюду человека. По его светлым глазам и их безмятежному взгляду можно было сразу узнать вора.

Может быть, он был прав, этот маленький чиновник в сапогах!

Однако как я ни был голоден, но тужуркой своей дорожил больше чем хлебом. Она была подбита ватином, и если плотно застегнуть ее на все пуговицы, то в ней можно было постоять на носу парохода, где ветер напоминал мне о севере, куда уносила нас река. Наконец, я подстилал ее под спину, когда ложился спать на палубе, потому что собственные кости причиняли мне нестерпимую боль. Я складывал свою тужурку вдвое, а под голову клал книгу «Детство» и «В людях» Максима Горького. Эту книгу я унес из библиотеки общества трезвости на углу Базарной улицы и Кривой.

Я должен признаться, что не книги заставили меня вчера в полдень переступить порог этой библиотеки. Кроме книг там давали бесплатно еще кусок хлеба и кипяток. Я попросил свой хлеб и взял книгу, первую, какую предложили мне. Усевшись на скамье у окна, я раскрыл ее посередине, потом с начала и, грызя хлеб, принадлежащий обществу трезвости, долго читал, заливаясь слезами.

— И я, и я прошел через это страшное детство. И я был теперь в людях!

И поглядывая в окно на улицу, я не видел никого кругом. Только двое китайцев, присев у бумажной ширмочки под окном, брили друг другу головы бритвами, тяжелыми, как мечи.

Хлеб я с'ел, а книгу потихоньку унес, оставив у библиотекаря свой залог — сибирскую папаху из манчжурской овцы.

Это была хорошая папаха.

«Но зачем, — думал я, — нужна шапка человеку, которому все равно негде преклонить голову?»

И вот теперь я стоял на носу парохода без шапки и голодный, но с книгой, засунутой за ремень, свободно болтавшийся на моем исхудалом теле. Я глядел на мелкие волны реки и слушал, как шипела у борта вода. И все мне казалось, что я скоро умру. Я отвернулся от блеска этой вечно подвижной воды и побрел по палубе, отыски-

И я начал читать.

вая себе свободное место. Я нашел его и сел, прикрыв усталые веки рукой.

Но вскоре какой-то хруст, похожий на громкое скрипение снега, заставил меня снова открыть их. Двое пассажиров, сидевших напротив на скамье, завтракали—ели огурцы с хлебом. В открытом мешке, который один из них держал на коленях, кроме огурцов и хлеба, лежала еще соленая рыба, сало и несколько пучков черемши, без которой ни один таежный житель не решался отправиться в путь.

Это были старатели. Я узнал их не только по острому запаху черемши, но и по их одежде, очень просторной, сшитой из синей китайской дабы. Ножи, которыми они чистили огурцы, были тоже старательские, из тяжелой якутской стали, узкие и острые, как шило. Таким ножом можно заколоть оленя или одним взмахом распороть брюхо медведю, вставшему надыбы.

Запах хлеба и сала заставил меня содрогнуться всем телом. Снова закружилась голова, и снова я закрыл глаза. Но запах еды от этого только усилился.

Я вскочил со скамьи, подошел к баку и, дрожа от голода, напился холодной воды. Потом снова сел на свое место, глядя прямо в лицо старателей.

«Неужели,—думал я,—они не предложат мне поесть?» Но старатели продолжали грызть огурцы, не замечая моих взглядов.

Тогда я спросил их:

— Знаете ли вы Максима Горького?

Они удивились. Оба перестали есть и, подумав секунду, ответили:

— Слыхали, паря, как же!

— Ну то-то,— сказал я, строго посмотрев на их огурцы и хлеб.— А хотите, я вам прочту его книгу.

И я начал читать. Голос мой порой затихал от слабости, и горло сжимали спазмы, но я долго читал им дивную повесть о великой судьбе и великих страданиях Алексея Пешкова.

Когда же я кончил и посмотрел вокруг, то удивился глубокой тишине и молчанию.

Старатели сидели задумавшись, опустив глаза и руки, и ножи их, с которыми они не расставались, были тоже опущены вниз.

Молчали и другие пассажиры, слушавшие меня, молчал, задумавшись, и юркий человек со светлыми глазами, на которого давеча указал мне чиновник.

Старатели, наконец, подняли головы, и один из них, постарше, сказал мне:

— Дружок, побереги эту книгу для нас.

— А куда вы едете? — спросил я.

— Куда все едут,— ответил он и показал в ту сторону, откуда наплывали на нас горы, черные от хвойных лесов.

— Что вы будете делать?

— На рыбные промысла наймемся, а нето в тайгу, на прииска, золото рыть.

Я не знал ничего: ни как золото роют, ни как ловят рыбу — и сказал без всякой надежды:

— Не возьмете ли вы меня с собой?

Старатель посмотрел на меня с недоверием. Я был мал ростом и тощ. Но все же он потрогал пальцами мои мускулы, чтобы узнать, есть ли хоть какая-нибудь сила в руках. Ее было очень мало.

Старатель вздохнул. Но, заглянув в мои голодные глаза и потом в книгу, лежавшую у меня на коленях, он молча протянул мне на острие ножа кусок сала.

— Прости, друг,— сказал он,— до того не догадался. А теперь ешь. Ешь хорошо,— повторил он,— и побереги эту книгу для нас. Будем вместе артелить.

В эту ночь я лег на палубу сытый и был сыт на другой день, обретя в этих людях друзей, с которыми потом в тайге, в партизанских отрядах провел счастливый год.

Но этой, дорогой для меня книги мне не удалось сохранить.

Мы приехали на место под вечер и ночевали в городской ночлежке, стоявшей под горой, у самой реки. Даже с порога можно было слышать, как подмывает берег вода, как журчит она, стекая с камней. И на полреки падала тень от горы.

В самой же ночлежке ничего не было слышно: так громко плакали дети, ютившиеся вместе с женщинами в дальнем углу.

Я лег на нары рядом со старателями и заснул, положив под голову книгу.

Проснулся я утром от холода. Тужурка, которой я вчера укрылся, моя прекрасная тужурка из дорогого сукна, валялась на полу возле нар. А книги не было. И нигде не было видно человека с ясными глазами, ночевавшего рядом со мной.

До самого полудня вместе со старателями искал я эту книгу.

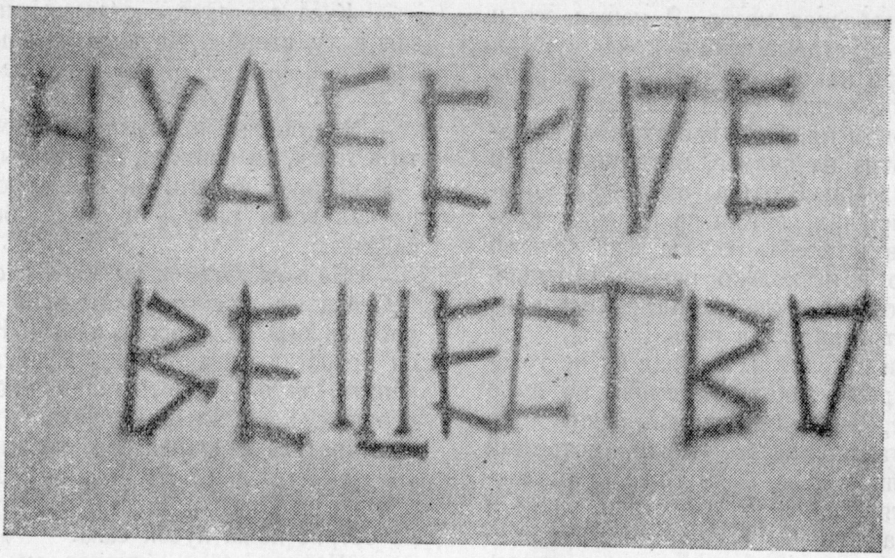
Мы ее не нашли. Но часто потом вспоминали о ней, где бы мы ни были, в гиляцких ли стойбищах или в тайге у костра, когда стеной вставала вокруг нас ночь.

И один из старателей говорил:

— Вор-человек. На что польстился? Ведь душу из нас вынул.

А другой, постарше, отвечал:

— Что вор, то верно. А что польстился, значит, и ему она нужна.



И. В. Петрянов

В великой сокровищнице природы есть немало удивительных вещей, но среди них немногие могут сравниться с чудесным веществом.

Что это такое?

Это — то, что никогда не остывает, хотя и никогда не было нагрето. Это — то, что рождается и умирает, хотя никогда не бывает живым.

За десятки лет упорных поисков все человечество не смогло найти больше чем несколько сотен граммов чудесного вещества, хотя нет на земле места, где бы его не было.

Прикосновение к чудесному веществу причиняет ужасные раны и язвы, но вместе с тем оно лечит людей от самых страшных болезней.

Это оно, как думают теперь многие ученые, вызывает землетрясения, сдвигает с места горы и перемещает океаны по поверхности земного шара. И это оно рассказало нам, сколько лет самому земному шару.

Это вещество дает металлургам возможность рассмотреть, что делается в толще огромной стальной оси, заранее обнаруживать ее недостатки и предупреждать катастрофы с машинами.

И, наконец, благодаря этому веществу осуществилась многовековая мечта ученых: мы теперь с его помощью сумели не только обнаружить один отдельный атом, но и взвесить, измерить его и даже заглянуть в его внутреннее строение.

Здесь мы перечислили только ничтожную часть всех замечательных свойств этого вещества. Ученые открыли их гораздо больше. Но еще больше загадок оно таит в себе, и еще много тайн природы предстоит разгадать науке с его помощью.

Это вещество называется радием.

Как был открыт радий

Посмотрите внимательнее на заголовок этой статьи. Это не рисунок, сделанный художником: эту надпись сделал радий.

У меня в лаборатории есть некоторое количество радия.

Я завернул в черную бумагу фотографическую пластинку, разложил на бумаге маленькие винтики так, чтобы получилась нужная надпись, а потом на некоторое время сверху над пластинкой подвесил коробочку, в которой хранится радий.

После того как я проявил пластинку, на ней и обнаружилась эта надпись, сделанная радием.

Свойство радия действовать каким-то таинственным образом на фотографическую пластинку, завернутую в черную бумагу (совершенно не пропускающую световых лучей!), и позволило французскому ученому Анри Беккерелю впервые открыть радиоактивность.

Есть замечательное явление, называемое флуоресценцией.

Приходилось ли вам когда-нибудь видеть, как светится керосин, когда на него падает солнечный луч? Если нет, то посмотрите. Синеватое сияние, которое он начинает испускать, как только на него попадет луч

света, очень красиво. Это и есть явление флуоресценции. Оно интересовало многих ученых.

Занимался его изучением и профессор Беккерель. Он делал опыты с лучами, испускаемыми флуоресцирующим телом. Один из опытов был такой.

Беккерель брал различные флуоресцирующие тела, клал их на пластинку, завернутую в черную бумагу, и выставлял на солнце.

И вот 1 марта 1896 года (с тех пор все физики помнят это число!) профессор Беккерель был очень озадачен.

За несколько дней до этого он взял минерал, содержащий особое вещество — уран, положил его на пластинку, но забыл выставить на солнце (кажется потому, что была плохая погода). Он запер пластинку в шкап, где она и пролежала в темноте довольно долго.

Все-таки Беккерель попробовал проявить ее. Но как же удивился он, когда на пластинке появился четкий отпечаток лежавшего на ней куска руды!

В истории науки бывают иногда такие великие случайности. Если бы старый профессор взял не урановую руду, а какой-нибудь другой минерал, если бы он не вздумал проявлять ее, не выставляя на солнце, то человечеству пришлось бы, может быть, еще несколько лет дожидаться открытия чудеснейшего из явлений природы — радиоактивности.

В поисках радия

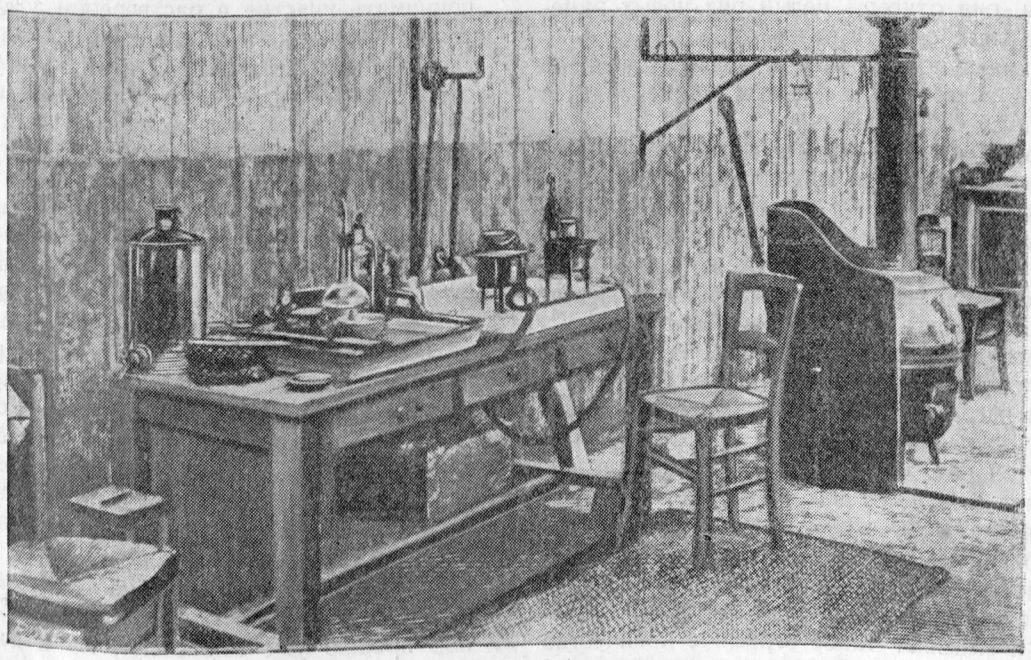
Беккерель стал делать опыт за опытом, исследуя странные свойства куска урановой руды.

Когда Беккерель опубликовал свои наблюдения, они как громом поразили ученых всего мира. Особенное впечатление они произвели на молодого, никому неизвестного, начинающего физика Марию Складовскую-Кюри. Она решила посвятить себя работе над таинственными лучами Беккереля.

Начала она с поисков, нет ли еще каких-нибудь веществ, помимо урана, обладающих такими же свойствами. И очень скоро обнаружила, что, помимо урана, загадочные лучи испускает металл торий и его соединения.

В 1898 году Мария Кюри получила из Австрии несколько образцов руды, из которой добывают уран. Тут она заметила еще один странный факт: оказалось, что некоторые куски руды действуют на пластинку даже сильнее чистого урана, хотя урана-то в этих кусках руды было очень немного.

Она рассказала об этом своему мужу —



В этой лаборатории Мария и Пьер Кюри открыли радий.

Пьеру Кюри, известному французскому физику. Могло быть только одно об'яснение для этого странного факта: в австрийской руде, очевидно, содержится какое-то неизвестное вещество.

И они решили отыскать это вещество.

Это была нелегкая задача.

Трудно даже представить себе всю ее сложность и кропотливость и то неимоверное терпение и настойчивость, с которыми вели работу Кюри.

Они выпросили у австрийского правительства два вагона отбросов, получающихся при добыче урана из руды, и перевезли их к себе в «лабораторию». Так они с гордостью называли большой сырой и холодный сарай без вентиляции и почти без всяких приборов. В этом сарае-лаборатории и начались поиски загадочного вещества.

Имя для него было готово. Супруги Кюри наперед назвали его р а д и е м, что значит «лучистый».

Четыре долгих года работали Мария и Пьер Кюри. В 1902 году у них в руках было, наконец, несколько белых кристалликов, крошечных, весом в какую-нибудь долю грамма. Это было все, что содержалось в огромной груде руды!

Кристаллики оказались хлористым радием — соединением нового вещества радия с хлором.

Но эти крупинки были в миллионы раз «радиоактивнее» урана.

А еще через шесть лет упорной работы Мария Кюри получила серебристый блестящий металл — чистый радий.

Пьеру Кюри не пришлось увидеть это чудесное вещество: он умер, сшибленный ломовиком на одной из улиц Парижа.

Много химиков охотится теперь за радием.

Радий — самое драгоценное вещество в мире: он ценится неизмеримо дороже золота и алмазов; один грамм радия стоит сотни тысяч рублей.

Чтобы получить один грамм радия, сто пятьдесят квалифицированных химиков и рабочих должны работать больше месяца, переработать за это время пятьсот тысяч килограммов руды и потратить пятьсот тысяч килограммов различных реактивов, тысячу тонн угля и целое озеро — десять тысяч кубических метров — чистейшей дистиллированной воды.

Теперь понятно, почему во всем мире до сих пор добыто всего только около семисот граммов радия!

Радий-исцелитель

Когда Мария Кюри научилась получать радиоактивные препараты значительной силы, она открыла целый ряд новых замечательных свойств радия.

Алмаз, поднесенный к радию, начинает сиять голубоватым блеском. Еще сильнее светится сернистый цинк.

Заряженные электричеством тела быстро разряжаются, если приблизить к ним трубочку с радием.

Но самым замечательным свойством радия, которое больше всего заинтересовало физиков, является его способность без всякого внешнего воздействия непрерывно выделять довольно много тепла. Радий всегда теплее окружающих его предметов. Он сам себя нагревает; каждый грамм радия выделяет в течение часа 140 калорий тепла. Это значит, что каждый грамм радия выделяет в час столько тепла, что его было бы достаточно, чтобы нагреть на 1 градус небольшой пузырек воды. И при этом радий остается без всякого заметного изменения. Выходит, что за миллион лет радий выделил и выделяет такое огромное количество тепла, как никакой другой источник тепла на земле.

Но есть еще одно удивительное свойство радия. Несколько лет назад мне пришлось принимать участие в растворении довольно значительного количества радия. Это очень сложная и трудная работа. Химики должны очень тщательно следить, чтобы не потерять даже самой ничтожной крупицы драгоценного вещества во время всех длительных и сложных химических операций.

И вот одна очень квалифицированная сотрудница, на мгновенье упустив из виду, что она имеет дело с радием, взяла на несколько секунд платиновый тигель, в котором находился радий, просто голыми пальцами, без перчаток из толстой резины и без длинных щипцов. Она хотела немного передвинуть тигель. Но это ей очень дорого обошлось: через несколько дней те пальцы, которыми она дотронулась до тигля с радием, начали болеть, потом появились страшные язвы, и врачи уже хотели было удалить кончики пальцев.

По счастью, этого удалось избежать. Спустя долгое время язвы зажили. С тех пор прошло уже много лет, но и до сих пор у этой сотрудницы болят пораженные радием пальцы.

В свое время сильно пострадал сам Беккерель, который, не подозревая о коварных свойствах радия, однажды попросил у Кюри трубочку с радием, чтобы сделать опыты на лекции.

Беккерель сунул трубочку в карман жилета, где она и пролежала несколько часов. А через десять дней на груди, как раз против жилетного кармана, он заметил красное пятно, которое начало расти, пока не приняло размеров и формы трубочки с радием. Пятно превратилось в рану; она очень долго не заживала и оставила после себя глубокий шрам.

Случай с Беккерелем обратил на себя внимание врачей. Они решили: если радий оказывает такое сильное действие на кожу человека, то, очевидно, его можно сделать в иных случаях и очень полезным. И действительно, теперь мы знаем, что радий является могущественнейшим средством против самой ужасной болезни, от которой умирает множество людей и которая до тех пор считалась неизлечимой, — от рака.

Часто под действием лучей радия раковая опухоль быстро проходит, если только она не слишком запущена.

Семья Кюри. Маленькая девочка — Ирэна — теперь сама стала знаменитым физиком. Она продолжает дело своей матери, изучая радиоактивность. Недавно она приезжала в Москву читать научные лекции.

Загадочные лучи

Эти чудесные свойства радия, эта загадка его таинственных лучей сразу же привлекли к себе внимание ученых.

Изучать их начали сами Кюри.

Они сделали такой опыт: в толстом свинцовом цилиндре высверлили узкий канал, на дно канала положили сильный препарат радия, так что лучи могли выходить из отверстия узеньким пучком.

Потом к этому пучку они поднесли сильный магнит и обнаружили, что невидимый поток лучей распался на три части: часть лучей под действием магнита немного отклонилась направо, другая — сильно отклонилась налево, а на третью часть магнит как будто не действовал. Все это было очень легко заметить, поднося экран, покрытый составом, светящимся под действием лучей радия. Физики назвали ту часть лучей, которая отклоняется магнитом слабее, — альфа-лучами; ту, которая очень сильно отклоняется в противоположную сторону, — бета-лучами; а лучи, на которые магнит совсем не действует, — гамма-лучами.

Оказалось, что они обладают совершенно различными свойствами: альфа-лучи вызывают особенно сильные ожоги на коже человека, но они почти не проникают в глубину тканей, их легко задержать простым листочком бумаги.

Бета-лучи проникают гораздо глубже: они проходят не только сквозь листок бумаги, но даже сквозь довольно толстый слой алюминия.

А гамма-лучи обладают совершенно необыкновенной способностью проходить сквозь различные непрозрачные вещества.

Рассказывают, что когда Беккерель читал свою лекцию, а в жилетном кармане у него лежала трубочка с радием, то экраны, покрытые сернистым цинком, светились даже тогда, когда он к ним поворачивался спиной. Они светились потому, что до них доходили гамма-лучи, прошедшие сквозь тело Беккереля.

Гамма-лучами можно даже просветить насквозь толстую стальную плиту.

Но как раз эта способность лучей — поразному отклоняться под действием магнита — и помогла физикам разгадать тайну лучей радия.

Бета-лучи оказались потоком электронов. Это мельчайшие, во много раз меньше атома частицы, несущие отрицательный электрический заряд и летящие почти со скоростью света — больше двухсот тысяч километров в секунду.

Скорость альфа-лучей значительно меньше, но все же больше десяти тысяч километров в секунду. Но зато эти лучи оказались состоящими из тяжелых частиц — атомов газа гелия, несущих на себе по два положительных электрических заряда.

А гамма-лучи во всем сходны со светом, только состоящим из очень коротких волн.

Как рождается и умирает радий

Во время своей работы с сильными образцами радия Кюри однажды заметила, что воздух вокруг радия тоже становится радиоактивным.

Это странное явление очень заинтересовало двух молодых английских физиков — Резерфорда и Содди. Они рассуждали так: откуда же появились эти необычайные свойства в воздухе? Очевидно, радий выделяет какое-то новое газообразное вещество, которое обладает, так же как и радий, сильными радиоактивными свойствами.

После долгой и упорной работы им удалось собрать это вещество. Они назвали его эманацией радия.

Она вела себя действительно необычайно: когда эманацию запаяли в стеклянную трубочку, так, чтобы она не могла никуда выйти, то оказалось, что все-таки через каждые 3—4 дня сила радиоактивного излучения убывала наполовину, так что уже через месяц в трубочке нельзя было заметить никаких следов бывшей там раньше эманации.

Она исчезла. Совсем исчезла? Нет. Когда стали подробнее изучать, что же находится в трубочке, то оказалось, что там появился новый газ, которого раньше не было, — гелий.

Это было поразительное открытие. До того времени были твердо уверены, что каждый химический элемент вечен: никогда не уничтожается и не появляется. И вдруг открыли загадочный газ, который сам собой исчезает! Но этого мало. Содди вскоре открыл еще много новых веществ, которые образовывались во время исчезновения эманации радия.

Это было очень трудное и запутанное исследование, но оно привело к удивительным результатам.

Оказалось, что радий сам образуется из урана. Причем не сразу. Каждый атом урана, раньше чем превратиться в атом радия, испытывает длинную цепь превращений, образуя множество радиоактивных веществ с разной продолжительностью жизни. А радий превращается в эманацию, которая в свою очередь порождает длинный ряд веществ, из которых последним оказался обыкновенный свинец! При этом каждое превращение сопровождается испусканием или альфа- или бета-частиц.

Уран живет миллиарды лет. Радий распадается наполовину за 1800 лет, а среди других радиоактивных веществ есть такое, которое живет всего только одну миллионную долю секунды.

Сейчас ученые и врачи широко пользуются способностью радия выделять эманацию. Вместо того чтобы перевозить из больницы в больницу драгоценный радий, рискуя его потерять, рассылают во все концы страны в маленьких, как иголочки, стеклянных трубочках ту эманацию, которую радий непрерывно выделяет. Сам же радий теперь хранится в одном месте, в полной безопасности от всяких случайностей. Так что радием, находящимся в Москве, можно лечить больных в аулах Кавказа, на острове Диксон и в юртах Казахстана.

Сколько лет земному шару

Уран распадается наполовину за пять миллиардов лет, превращаясь в конце концов, как мы уже знаем, в свинец.

Геологи воспользовались этим, чтобы определять возраст горных пород.

Кажется, невероятная вещь: как можно

сказать, сколько лет вот этой скале, вот этой глыбе руды?

Но с тех пор как мы узнали свойство радиоактивных веществ, в определении возраста многих скал и пород нет ничего сложного. Дают горную породу химикам и просят произвести химический анализ: сказать, сколько в ней содержится урана и сколько свинца.

Допустим, что урана и свинца как раз поровну и весь этот свинец образовался из урана (свинец, образующийся из урана, можно всегда узнать). Значит, можно сразу сказать, что этому куску породы как раз пять миллиардов лет. А если свинца окажется меньше, то и горная порода должна быть моложе, и легко сосчитать, насколько.

Есть и другие способы определения возраста горных пород, основанные тоже на явлениях радиоактивности.

Наше чудесное вещество является настоящими геологическими часами, которые дают возможность ученым узнать, сколько лет назад по земной поверхности бродили гигантские ящерицы, неуклюжие бронтозавры и плавали в морях страшные, хищные ихтиозавры!

Самая древняя горная порода найдена недавно у нас, в СССР, в Карелии: ей почти два миллиарда лет.

И мы можем быть уверены, что наш земной шар не моложе этого возраста.

Отчего бывают землетрясения

Для того чтобы химик мог заметить присутствие, например, меди, нужно, чтобы в породе было много сотен миллионов атомов меди. Иначе химик скажет: «Здесь меди нет». А замечательные свойства радия и других радиоактивных элементов позволяют ученым открыть его даже тогда, когда его ничтожно мало—всего-навсего несколько атомов.

И вот обнаружилось, что радий есть буквально повсюду: на земном шаре нет ни одного уголка, где бы его не было. Ничтожные количества его, как химики говорят, «следы», можно найти в любом камне, лежащем на дороге, в любой почве. Он растворен в воде каждой речки. Даже в нашем теле физиологи находят радиоактивные вещества. Но этих «следов» радиоактивных веществ так бесконечно мало, что нет никакой возможности собрать их.

Но если подсчитать общее количество радиоактивных веществ, находящихся в земной коре, то получится, что на земле находятся огромные запасы радия и его собратьев.

Радий постоянно выделяет довольно много тепла. И если учесть огромные размеры земного шара, то окажется, что радиоактивные вещества — это настоящая печка, которая непрерывно подогревает землю.

Ученые высчитали, что если бы не было в земной коре радиоактивных веществ, то вся земля — от поверхности до центра — должна была бы давным давно остыть.

Известный геолог Джоли недавно высказал интересное предположение. Он думает, что извержения вулканов, землетрясения, геологические процессы, благодаря которым в течение сотен миллионов лет подымаются горы, образуются материки и океаны, — все они происходят потому, что в земной коре есть «следы» радиоактивных веществ.

В течение многих и многих миллионов лет ничтожные примеси радия в глубинных породах земной коры медленно, но непрерывно выделяют все новые и новые количества тепла. Это тепло никуда не может уйти: оно остается, как в термосе, под землей, под многими километрами толщи земной коры.

Теплота все накапливается и накапливается, и, в конце концов, твердая горная порода превращается в расплавленную магму — очаг будущего вулкана. Раскаляясь и плавясь, горная порода расширяется. Она сотрясает земную кору землетрясениями, пробивает себе дорогу кратерами вулканов, медленно перемещает колоссальные земные пласты. Образуются океаны там, где раньше была суша, вырастают новые гигантские горные хребты.

Многое можно еще рассказать о радие. Есть ученые, которые считают, что и то тепло и свет, которые мы получаем от солнца, тоже обязаны своим происхождением загадочным радиоактивным превращениям на далеком солнечном шаре.

Но сразу всего не расскажешь. До другого раза отложим также рассказ о том, сколько тайн внутри атома открыло для человечества наше чудесное вещество.

Н. А. Щорс на командном пункте.

Рисунок Ю. Мещерского.

РАССКАЗЫ О ЩОРСЕ

Е. Герасимов и М. Эрлих

Детство и юность

Летним днем вверх по глубокой и тихой реке Снови медленно плыло гуськом несколько рыбацких лодок, переполненных детворой. Кроме плеска весел ни одного звука не доносилось до берега. Все ребятишки, сидевшие в лодках, были увешаны самодельными деревянными ружьями, шашками, кинжалами. Они молча следили за берегом. Там, на заливных лугах, среди небольших озер, густо заросших очеретом и резаком, раз'езжали верхом ингуши, завезенные княгиней Милорадович с Кавказа для охраны своих богатых покосов, рыбных и охотничьих угодий. Дело было вскоре после революции 1905 года, когда напуганные помещики обзаводились вооруженной охраной.

Ребячьей флотилией командовал Коля Щорс—худощавый мальчик лет одиннадцати. Наметив место высадки, он повелительным взмахом руки приказал гребцам остановить лодки, выхватил из-за пояса большой деревянный, искусно вырезанный пистолет и выпрыгнул на берег в тень старых верб. Несколько минут атаман внимательно вглядывался в даль, потом резко повернулся и скомандовал:

— Отряд, на берег!

Высадка произошла молниеносно. Опустевшие лодки были вытащены на берег. 50 мальчишек выстроилось на лугу.

Атаман, проходя вдоль колонны, строго осматривал своих бойцов.

— Подтяни ремень—потеряешь кинжал.

— Я и так подтянул, чего придираешься!

— Солдаты не разговаривают. Выполняй приказание.

— Ладно, ты, Колька, больно не задавайся. Командёр!

Атаман нахмурил брови.

— Отобрать у него оружие!—приказал он.—Исключается из отряда на два дня.

Ребята тут же обезоружили и вытолкнули бунтовщика из рядов. Это был длинноногий парень Митя Хвощ, давнишний друг атамана. В отряде их дружба начала разлаживаться. Митя Хвощ учился играть на скрипке, был избалован вниманием взрослых и не любил никому подчиняться. А Коля-атаман не признавал никаких исключений.

Изгнанный Митька отошел подальше и крикнул:

— Солдатики оловянные, ружья деревянные!—потом показал язык и во весь дух понесся берегом.

Двое ребят побежали было за Митькой, но атаман остановил их.

— Мы еще с ним повстречаемся,—сказал он многозначительно.

Ребята играли в русско-японскую войну, о которой наслышались из рассказов солдат, недавно вернувшихся из Манчжурии.

— Есаулы!—начал атаман, собрав в кружок вооруженных до зубов есаулов. — Мы должны отбить назад крепость Порт-Артур. Ее захватил японский генерал Ноги. Море будет озеро Андруши, там и Порт-Артур. Мы идем в наступление. Устроим засаду в камышах. Есаул Колбаско, ты пойдешь в разведку с пластунами. Только, чтобы до самого озера на брюхе ползти и чтоб без обмана у меня. Нечего брюха жалеть: успеете еще отрастить.

Ваня Колбаско скомандовал пластунам:

— Кинжалы в зубы! За мной на брюхе!

Пластуны ползли высокой травой, сжимая в зубах кинжалы. За пластунами атаман вел главные силы отряда. Впереди лежала чужая, враждебная страна—владения княгини Милорадович. На просторе лугов, в чащах зеленых зарослей поблескивали на солнце мелкие озера, за густым ивняком и ольховником прятались болотистые протоки. Тинистым протоком плыл молодой выводок чирков. Деревянными шашками в

один миг можно было бы посшибать им головы. Но сейчас было не до того.

Отряд приближался к крепости Порт-Артур, и воображение ребят рисовало вокруг, на месте родных лугов, озер, протоков и перелесков, сопки далекой Манчжурии. Таинственная фанза китайцев, загадочное растение гаолян, Желтое море, совсем желтое как песок, и на горизонте дымки эскадры адмирала Того.

А враг был уже на виду. Два ингуша, сидя на корточках перед костром на берегу озера, мирно жарили рыбу. Синий дымок курился над неподвижными зарослями очерета. Вдали, на лугу, паслись две оседланные лошади.

Вытянув шеи, тяжело поднялось над озером несколько кряков и тут же, как будто оглядев окрестность и успокоившись, опустилось. Где-то плеснула рыба, где-то бултыхнулась в воду лягушка, и снова тишина кругом, только в солнечном воздухе не умолкает звон стрекоз. Вслед за атаманом весь отряд скрылся в озерных зарослях. Озеро здесь мелкое, но резак больно жжет икры, илистое дно проваливается под ногами.

Отряд идет по следам пластунов. А вот и они! Лежат в воде у самого берега.

Коля-атаман знаком останавливает ребят.

Ванька-есаул не спускает глаз с крепости Порт-Артур. Время от времени он поворачивает голову и жестами, гримасами передает свои наблюдения атаману. Облизываясь, он показывает, что ингуши обедают. Потом они свертывают цыгарки, курят, зевают, потягиваются. Наконец, Ваня-есаул закрывает глаза и сонно кивает головой, — значит, послеобеденный сон уже одолел ингушей. Тогда атаман дает сигнал.

Пронзительный свист, дикий вой, улюлюканье, гоготанье будят затихшую в полуденном зное окрестность. Утки встревоженно поднимаются над озером. Словно ветром подхваченные, несутся по лугу перепуганные лошади.

Ингуши вскакивают, хватаются за винтовки, щелкают затворами и сломя голову кидаются вдогонку за своими, уже скрывшимися в перелеске конями.

Коля Щорс первым выходит из зарослей, а за ним вся его осипшая от воя ватага.

— Порт-Артур наш!—кричит атаман, размахивая своим деревянным пистолетом.

Он один из всех ребят еще серьезно продолжает игру. Он пытается произнести речь:

— Эскадра адмирала Того ушла в океан. Кавалерия генерала Ноги обратилась в бегство.

Но ребятам надоели уже и адмирал Того и генерал Ноги. Кто-то нашел забытую ингушами нагайку. Ваня-есаул пытался завладеть ею, но был сейчас же сбит с ног своими же пластунами. Началась общая свалка. В конце концов в ней принял участие и сам атаман, тоже соблазнившийся нагайкой.

★

Детство пролетело мигом. Тринадцати лет Коля-атаман, которого все называли уже, как взрослого, Николаем Щорсом, окончил железнодорожную школу. Надо было думать об определении на работу. Большая семья с трудом перебивалась на тридцатирублевое жалованье отца. Но Николай, придя домой с похвальной грамотой за отличные успехи, сказал отцу:

— Теперь надо думать, где учиться дальше.

Эта фраза удивила отца. Она была сказана тоном, какого он еще не слыхал от сына.

— Думать можно,—сказал отец,—это нам не возбраняется... А куда же, к примеру, ты думаешь определиться для учения?

— Куда примут,—твердо сказал Николай,—выбирать не приходится.

Отец усмехнулся.

Николай долго расспрашивал всех знакомых машинистов, где и какие есть школы, в которых могут учиться дети рабочих. На этот вопрос никто не мог ему ответить. Наконец, в его руки попала программа Киевской военно-фельдшерской школы. В примечаниях к ней было сказано, что при поступлении детям-сиротам дается преимущество. С большим трудом, после нескольких поездок с отцом в Киев, Щорсу, наконец, удалось поступить в эту школу.

Летом, вернувшись на каникулы домой в форме, с погонами, Николай поразил своих сверстников. В 16 лет он был уже совсем взрослым человеком. Над верхней, резко очерченной губой чуть-чуть пробивались темные усики, в пристальных серых глазах чувствовалась уже недюжинная воля. Движения у него были резкие, энергичные. Говорил он осторожно, мало, обдумывая каждое слово.

Дома Николай бывал попрежнему редко. Его часто видели на озерах с охотничьим

ружьем. Скрываясь от стражи, охранявшей помещичьи угодья, он иной раз часами просиживал в зарослях очерета по пояс в тине. Он ухитрялся под самым носом у сторожей ловить бреднем рыбу. Но им ни разу не удалось поймать его.

У Николая появились новые друзья. Особенно сблизился он с Казей Табельчуком, который приходился ему дядей, но был почти ровесник.

Однажды Казя Табельчук предложил Николаю пойти с ним вечером к немцу Шульцу. Это был булочник и колбасник, славившийся в Сновске своими изделиями.

Около заведения Шульца всегда стояли ребятишки.

— Дядя Шульц, дай розанчик,—пищал кто-нибудь из них до тех пор, пока в окне не появлялась маленькая фигурка немца в белом колпаке.

Угрожающе размахивая скалкой, Шульц кричал:

— Пшел вон! Я буду сейчас розанчик по шее давать вам, молодой человек!

Но сердце у Шульца было мягкое, оно разоряло его. Пошумит, пошумит, а розанчик или рогульку Шульц даст. Вообще Шульц слыл чудаком большой руки. Он устраивал, например, у себя в пекарне, которая была одновременно и колбасной, литературные вечера. На один из таких вечеров Казя Табельчук позвал Николая. С тех пор Николай стал постоянным посетителем булочной.

В тесном помещении, загроможденном большой, всегда жаркой, пылающей печью, дымящимся колбасным котлом, столами, на которых приготовлялся фарш для набивки колбас, ящиками с мукой, собиралась передовая сновская молодежь. Все рассаживались по углам, чтобы не мешать работать хозяину и двум его подручным. Кто-нибудь начинал читать.

Читали на этих своеобразных вечерах и рассказы Горького, Чехова, Толстого и поэмы Пушкина, Некрасова, Шевченко, но часто читали, предварительно закрыв двери на крючок, и тоненькие брошюрки, напечатанные на дешевой бумаге, вызывавшие всегда оживленные споры на политические темы.

Все присутствующие называли себя социалистами, хотя, кажется, никто из них формально не принадлежал ни к какой партии. Ожесточеннейшим спорщиком был сам хозяин, менявший свои политические убеждения после каждой прослушанной брошюры.

Активнейшее участие в спорах принимали и подручные Шульца. В результате спора на стол обыкновенно вываливали груду подгоревшего товара, которая тут же уничтожалась всеми присутствовавшими.

Николай в споры не вступал. Он сидел всегда молча и внимательно слушал. Через некоторое время он привел с собой Ваню Колбаско, а потом на литературных вечерах в булочном заведении стали появляться и остальные его бывшие есаулы.

Летом 1914 года Николай, уже получивший диплом военного фельдшера, приехал домой с товарищем, которого в Сновске прозвали Рыжим. Началась мировая война. Щорс со дня на день должен был получить назначение в часть. Получив телеграмму с приказанием немедленно прибыть в часть, которая уже отправилась на фронт, Щорс в тот же день выехал из Сновска, и до Октябрьской революции родные получили от него только несколько писем: сначала с германского фронта, потом — из школы прапорщиков, а спустя несколько месяцев— из Галиции и одно из госпиталя уже после свержения царя. Все письма были короткие, сдержанные, сообщавшие только о фактах: «Произведен в прапорщики», «Зачислен в 355-й пехотный Анапский полк», «Ранен в ногу».

Возвращение с фронта

Кончалась зима 1918 года. По всем железным дорогам Украины шли поезда, переполненные солдатами бывшей царской армии, возвращавшимися с фронтов. На станции Сновской, Черниговской губернии, однажды сошел с поезда человек. Стояв-

ший на перроне дежурный по станции сейчас же окликнул его.

— Коля, Щорс, ты?

— Он самый,—ответил человек в грязной, изношенной шинели.

Лицо у Щорса было худое, истощенное, давно не бритое. Глаза лихорадочно блестели.

— Я думал, меня не узнают.

— Ну, ты приметный. Однако здорово свернула тебя война.

— Бациллы Коха от 10 до 20 в поле зрения микроскопа,—засмеявшись сказал Щорс.

— Чахотка?

— На почве истощения и ранения, как свидетельствуют мои документы.

В Сновске не было железнодорожника, который не знал бы старшего сына машиниста Щорса. Не успел еще поезд отойти, а в депо, в мастерских уже говорили:

— Колька Щорс с фронта вернулся.

— Колька? Фельдшер?

— Он самый. Только, говорят, фельдшером он недолго был, потом в офицеры вышел.

— Слух был. Не ранен?

— Чахоточный. Лица на нем нет.

Щорс шел со станции домой, опираясь на толстую палку, часто останавливался, хватался за бок и кашлял. По обе стороны улицы стояли одноэтажные деревянные домики с маленькими окнами, шел снег, но в сыром воздухе чувствовался уже запах весны.

Вот и родной дом. Стряхнув на крыльце прилипший к шинели мокрый снег, Щорс постучался. Мачеха, открывшая дверь, вскрикнула от испуга.

— Не бойся. Это я, Николай,—сказал Щорс и закашлял.

Старик-машинист, обнимая сына, с трудом сдерживал слезы. Куча полуголых детишек потянулась к солдатскому мешку старшего брата. Мешок оказался тяжелым. Мачеха, заглянув в него, спросила испуганно:

— Это что такое, Николай?

— Наша солдатская картошка,—улыбаясь ответил Щорс.

В сумке лежали яйцевидные чугунные гранаты Миллса. Отец взял одну из них и, положив назад, сказал:

— Зачем это тебе, инвалиду? Или еще не отвоевался?

Сын, чуть-чуть сощурив глаза, ответил:

— На память взял. А, может, кой для чего еще пригодятся.

— Нет, Николай, тебе с ними, видно, уж не играть,—усмехнулся отец.

— Посмотрим,—серьезно сказал сын и попросил дать ему умыться.

В тот же день Щорс встретил еще своих старых товарищей. Первым пришел Дмитрий Хвощ, недавно вернувшийся из Чернигова, где он учился в музыкальной школе.

Щорс с трудом узнал его. На пороге стоял высокий худой человек в потертом драповом пальто, которое висело на нем как на гвозде и все было в каких-то пушинках, мелких перышках. Из-под сбитой на затылок невероятно измятой шляпы торчали всклокоченные волосы.

Небрежно поздоровавшись с Щорсом, как будто он не видел его всего неделю, Хвощ с первых же слов ни с того ни с сего заявил:

— На работу в Сновске не рассчитывай: безработица.

Голос у него был хриплый, глаза злые.

Щорс засмеялся.

— Ну какое-нибудь дело найдется. Я все-таки имею диплом фельдшера.

Хвощ вдруг схватил Щорса за руку и прохрипел на ухо:

— В Сновске все знают, что ты был офицером. Лучше сматывайся отсюда поскорее.

— Глупости,—спокойно сказал Щорс,—скажи лучше, что сам ты представляешь собой.

— Безработный. Скрипач-неудачник. Прогоревший мечтатель. В общем мы с тобой два сапога — пара. Ты ведь, Колька, тоже мечтатель. С сегодняшнего дня считай себя безработным.

Неожиданно повеселев, Щорс спросил:

— А как ты думаешь, Митька, Ленин—мечтатель?

Хвощ махнул рукой и стал жаловаться на товарищей, которые, кроме политики, ничем не интересуются.

— Живешь один как сыч. Тебя это, Колька, тоже ждет. Твои бывшие есаулы, пожалуй, и разговаривать с тобой не захотят. Ведь они все большевиками стали.

— Кто? — быстро спросил Щорс.

Хвощ, загибая пальцы на руке, начал перечислять школьных товарищей Щорса.

Щорс перебил его:

— Список длинный. Включи и меня.

Хвощ взял свою измятую шляпу, повертел ее в руке и зло засмеялся.

— Ты что?—спросил Щорс.

— Сам над собой смеюсь,—сказал Хвощ и, не надевая шляпы, вышел на улицу.

На крыльце он чуть не столкнулся с Казимиром Табельчуком, который шел, видимо, прямо с работы, в засаленном ватном пиджаке.

Щорс, заметя в окно Казимира, выбежал на крыльцо. Друзья обнялись, поцеловались, и оба, сразу закашляв, отвернулись друг от друга.

— Погода сегодня сырая,—сказал Табельчук.

Он почему-то скрывал, что болен туберкулезом, и кашель об'яснял всегда погодой, даже если она была солнечная, сухая. Щорс, знавший эту слабость Казимира, сказал улыбаясь:

— Да, я вот тоже немного простудился.

Встретившись глазами, друзья громко рассмеялись.

— Ничего, Коля, на наш век здоровья хватит.

Уже в комнате Табельчук спросил, что произошло у Щорса с Хвощем.

Щорс, рассказывая, смеялся. Казимир перебил его:

— Конечно, курица—не птица, прапорщик—не офицер, но, по правде сказать, Коля, у некоторых хлопцев сомнения есть. Думают, дорожку себе протоптал к «их благородию», так, может, ему с нами не по пути.

— А ты что думаешь?—спросил Щорс.

— Я думаю, Коля, что твоя военная подготовка очень пригодится партии. Военные люди сейчас ой как нужны большевикам.

Вечером у дяди Колбаско Щорс встретился со своими бывшими есаулами. Сомнения, которые были кое у кого из них насчет политических убеждений своего бывшего атамана, быстро рассеялись.

— А что, хлопцы, не придется ли нам опять собираться в отряд? А? Как смекаете на этот счет?—спросил Щорс, едва успев со всеми поздороваться.

Встреча сразу приняла деловой характер. Разговор шел о положении на фронте, о только что заключенном перемирии с немцами, о мирных переговорах в Брест-Литовске, о событиях в Сновске после Октябрьской революции, о составе Сновского совета.

На Украине уже началась гражданская война. В Киеве власть захватило правительство украинской контрреволюционной буржуазии — Центральная рада. Ее «головной атаман» Петлюра формировал гайдамацкие отряды. На защиту советов подымались рабочие и революционные солдаты-фронтовики. Украинские красногвардейские отряды двигались к Киеву. Не надеясь на свои силы, Центральная рада вела предательские переговоры о помощи с императорским правительством Германии.

Через несколько дней после возвращения Щорса в Сновск к нему прибежал взволнованный Шульц. Свое колбасно-булочное заведение немец уже прикрыл. Совет выбрал Шульца начальником сновской милиции. Вместо пекарского колпака на голове его теперь была помятая солдатская фуражка. На одном боку висела шашка, на другом — револьверная кобура.

— Получен телеграмм! Рада подписывает договор с немцами. Вильгельм посылает на Украину войска! — кричал взволнованный Шульц.

Немецкий бронепоезд, подошедший к станции Сновск, был сейчас же обстрелян. Но через полчаса, когда Сновск был занят немецкой пехотой, она не нашла в поселке ни одного человека с оружием. Небольшой собранный Щорсом отряд подходил уже к деревне Чепелевке, лежавшей по пути из Сновска в Семеновку.

Командир Семеновского отряда

Большое пристанционное село Семеновка, раскинувшееся на несколько километров среди неплодородных серопесчаных и глинистых полей Новозыбковского уезда, издавна славилось на Черниговщине своей кустарной промышленностью. Здесь жили сапожники, гончары, овчинники, портные, кожевники, кузнецы, маслобойщики. Среди их жалких лачуг изредка высились большие

двухэтажные дома скупщиков, торговцев, трактирщиков.

В первые же дни после Октябрьской революции семеновские большевики, из которых многие только недавно вернулись из тюрьмы, ссылки, каторги, организовали красногвардейский отряд. Как только немецкие полки двинулись на Украину, отряд выступил им навстречу и вел бой с оккупантами у Калинковичей, Речицы, Гомеля. В середине марта, когда в отряде осталось всего несколько десятков бойцов, он погрузился в эшелон и вернулся в Семеновку для укомплектования. Эшелон отряда остановился на запасных путях станции. Через несколько дней в Семеновку пришел из Сновска Щорс с товарищами. В тот же день в теплушке, занятой штабом отряда, собрался весь актив семеновской партийной организации.

Пришел Казимир Кнетек. Щорс уже слышал о нем.

Щорс с удивлением рассматривал этого коренастого, слегка сутулого человека с горящими глазами, сохранившего здоровый смуглый цвет лица несмотря на 11 лет сибирской каторги. Ему понравились неторопливые, уверенные движения этого человека, закованного в кандалы еще юношей.

Из остальных собравшихся в штабе особенное внимание Щорса привлек молодой чернобровый парень в скроенной по мерке шинели. Здороваясь с Щорсом, он щелкнул каблуками и сказал коротко, по-военному:

— Зубов.

Среди собравшихся семеновских коммунистов он был единственный военный, бывший вольноопределяющийся.

Щорс сидел встороне, как посторонний. На него никто не обращал особенного внимания. Большинство собравшихся по возрасту было гораздо старше его. 23-летний Щорс выглядел среди бывших политкаторжан юношей. Прислушиваясь к разговору, он вынул из кармана блокнот и делал в нем какие-то заметки. Разговор шел о тяжелом состоянии Семеновского отряда. Не хватало оружия, снаряжения, продовольствия. Касса отряда была пуста. Дисциплина совсем расшаталась.

Наконец, стал вопрос о том, что же дальше делать.

Щорс заговорил. Он подошел к столу, держа в руке раскрытый блокнот, и сказал:

— Товарищи! Я бывший прапорщик, фронтовик. Партия послала меня к вам на помощь. Для разговоров у нас времени нет. Немцы уже в Гомеле. Я предлагаю...

Все сразу насторожились. Как будто только сейчас они заметили этого человека в потрепанной солдатской шинели, туго перетянутой офицерским ремнем, его юношеское, но сухое, изможденное лицо.

Он предложил выработать жесткие правила внутреннего распорядка и читал их из своего блокнота пункт за пунктом: «Боец, вышедший из боя без приказания своего командира, расстреливается как изменник». Ему возражали: «Круто берешь, товарищ», — а он отвечал: «Этого требует революция».

Предложения Щорса показались некоторым слишком резкими, крутыми, опасными, невыполнимыми. Однако, в конце концов, когда пришлось принимать решения, большинство вынуждено было согласиться с ними. Других предложений ни у кого не оказалось. Щорсовские записи в блокноте после ожесточенных споров одна за другой вносились в резолюцию. Для пополнения кассы отряда решено было обложить семеновских кулаков и торговцев чрезвычайным налогом в 200 тысяч рублей.

На другой день Щорсу предложили принять командование отрядом.

— Что же, хорошо, — просто сказал Щорс.

Вся Семеновка была поднята на ноги. На заборах висели об'явления о вербовке добровольцев в отряд. Несколько товарищей выехало в окружающие деревни для агитации и сбора оружия.

Добровольцы приходили к Щорсу одиночками и группами. Их размещали в теплушках эшелона, оборудованных нарами и железными печурками. Кнетек, опрашивавший всех поступавших в отряд, работал целый день.

Иногда Щорс, стоя встороне, молча прислушивался к разговору и вдруг быстро, чеканным шагом подходил к добровольцу и, смотря в упор, спрашивал:

— Готов сейчас отдать жизнь за революцию?

И если видел, что доброволец смущен неожиданным вопросом, говорил презрительно:

— Трусов нам не надо. Панику будешь сеять.

Потом командовал:

— Кру-гом! Домой, шагом—марш!

Некоторые приходили в лаптях. Щорс говорил им:

— Если сапоги оставил дома, возвращайся за ними назад. У нас сапог нет.

Кое-кто уходил и больше не являлся.

— И хорошо, — говорил Щорс, — такие ненужны нам.

Приходило в отряд немало и бывших солдат-фронтовиков. Их можно было сразу узнать по старым, пожелтевшим папахам, по шинелям со следами оборванных погон, по флягам и котелкам. Некоторые приходили с винтовками. Один молодой, лет двадцати, прикатил даже станковый пулемет. Явившись, он взял под козырек и отрапортовал:

— Прибыл в ваше распоряжение. Пулеметчик Живоног. Прошу зачислить в партию большевиков.

Щорс, улыбнувшись, спросил:

— В каком полку служил?

— 275-м Красносельском, запасном. Бывший рядовой 9-й роты.

— Отличия имел?

— Так точно, товарищ командир. Бит по морде.

Дней за десять в отряд вступило около 300 человек.

Щорс провел с ними несколько строевых занятий, а потом, погрузив все имущество отряда в эшелон, дал сигнал отправления. Отряд двинулся по железной дороге в Новозыбков, навстречу немцам, наступавшим со стороны Гомеля.

Большинство украинских красногвардейских и партизанских отрядов вело с оккупантами так называемую эшелонную войну. Под натиском немецких войск они отступали по железным дорогам скачками: задержат врага некоторое время у одной станции, потом садятся в эшелон и отступают до следующей.

Щорс решил отказаться от эшелонной войны. Он решил действовать не у железной дороги, а в лесах, где немцам труднее будет использовать преимущество своей техники и боевой выучки, где опасность неожиданного налета в тыл заставит их развернуться широким фронтом.

Выгрузив отряд из вагонов, оставив эшелон как тыловую базу, Щорс двинулся навстречу немцам и после первых же смелых, внезапных партизанских налетов заставил наступавшие немецкие колонны развернуться и углубиться в лес.

Наступление оккупантов на Новозыбков сразу замедлилось. Тогда Щорс попытался остановить его, задержать немцев, пока из города подойдут новые красногвардейские отряды.

★

В конце апреля под натиском немецких корпусов украинские красногвардейские и партизанские отряды отходили на территорию Советской России. В отряде Щорса осталось несколько десятков бойцов. Перейдя границу, Щорс отправил раненых в советский лазарет, а остальным велел пробираться назад, на Украину, в свои, захваченные немцами села, хутора и готовить народ к общему восстанию против оккупантов и их ставленника гетмана Скоропадского.

Встреча в садовой беседке

Прошло несколько месяцев. Наступила пора уборки хлебов, а на Украине бушевало пламя народного восстания: горели помещичьи усадьбы и посевы; крестьяне откапывали зарытое по огородам и лесам оружие; карательные отряды поджигали села артиллерийским огнем. У железнодорожных станций под охраной солдат лежали горы хлеба, бродили табуны лошадей, стада волов и свиней, реквизированных для отправки в Германию: оккупанты не могли их вывезти. Шли забастовки. Бастовали все железнодорожники. Отправлявшиеся в Германию товарные составы с хлебом, сахаром, скотом летели под откос. Подпольные большевистские организации создали по всей Украине сеть революционных комитетов: волостных, уездных, губернских. Их возглавлял Всеукраинский ревком, подготовлявший всеобщее восстание. Немецкое командование просило Берлин увеличить оккупационную армию: она не успевала подавлять восстания, перекидывавшиеся из уезда в уезд.

★

Одной темной августовской ночью у семафора станции Сновск с паровоза товарного поезда спрыгнул под откос крестья-

нин: это был переодетый Щорс. На рассвете Дмитрий Хвощ увидел в своей садовой беседке спящего человека. Скрипач только что вернулся домой с позеленевшим от водки лицом. Пошатываясь, он подошел к спящему и потянул его за лапти.

— Эй, любезный! Откуда тебя мне бог послал?

Щорс спал как убитый. Хвощ посмотрел на него осоловелыми глазами, присел рядом, вынул из футляра скрипку и заиграл. Щорс поднял голову. Несколько минут он молча слушал скрипача, потом сказал:

— Брось, Митька, надоело!

Хвощ встал. Покачиваясь, он смотрел на Щорса, но не узнавал его. Щорс отрастил бороду, и теперь на вид ему можно было дать лет тридцать.

— Ты что, не узнаешь меня?—спросил он усмехнувшись.—Посмотри в глаза.

Глаза Щорса можно было узнать из тысячи.

— Колька-атаман! — вскрикнул Хвощ и спьяна полез было целоваться, но Щорс резко оттолкнул его:

— Пьянствуешь, гад! Уйди с моих глаз! Видеть тебя тошно!

Хвощ пожал плечами, отошел в сторону и снова заиграл на скрипке.

— Слушай, гад,—сказал Щорс, подойдя к нему, — за тобой немцы следить не станут. Потому только я и пришел к тебе. Понял?

Хвощ кивнул головой.

— А сейчас шагом—марш. Позови сюда ребят. Но смотри, если немцы узнают, что я здесь, убью!

Хвощ ушел, ничего не ответив, но через полчаса в беседке сидело уже несколько бывших школьных товарищей Щорса, «есаулов» его детского отряда. Щорс говорил:

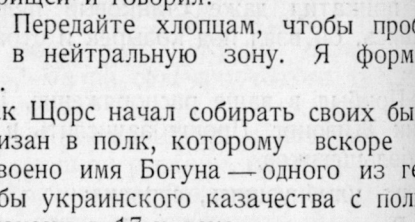
— Я был у Ленина. Он вызвал нас для доклада и дал установку. «Скоро вернется из Царицына нарком Сталин, — сказал Ленин, — мы договорились, он вам поможет». Ленин велел передать, что надеется на украинцев... Начинается подготовка общего восстания. Повстанческие отряды уже сводятся в полки. Есть приказ Всеукраинского ревкома. Вся работа проводится в нейтральной зоне. Сюда собираются все силы. Оружия достаточно. Первый полк формировать буду я. Район Унечи—Почепа. Соседний полк формирует Боженко в Серединой Буде. Сюда недавно прорвались таращанские повстанцы. Черниговцы пусть пробираются ко мне. Передайте всем хлопцам...

В Сновске Щорс пробыл несколько дней. Жил на чердаке у Хвоща, в сарае у дяди Колбаско, выходя на улицу только вечером, когда стемнеет. Немецкие патрули и гайдамаки не обращали никакого внимания на медленно бредущего по улице крестьянина в лаптях, с мешком за плечами.

Щорс ходил по квартирам своих старых товарищей и говорил:

— Передайте хлопцам, чтобы пробирались в нейтральную зону. Я формирую полк.

Так Щорс начал собирать своих бывших партизан в полк, которому вскоре было присвоено имя Богуна — одного из героев борьбы украинского казачества с польскими панами в 17-м веке.



Дед и внук

Лесными тропами, ярами и болотами, обходя немецкие и гайдамацкие патрули, повстанцы пробирались к границе нейтральной зоны, отделявшей оккупированную Украину от Советской России.

Перейдя границу, они спрашивали:

— Где Щорс?

Местные крестьяне им отвечали:

— Щорс в Унече.

В Унечу повстанцы иногда приходили целыми отрядами, со своим оружием и знаменами. Одним из первых прибыл отряд бывшего народного учителя Тысленко. После трехдневного перехода он остановился против штаба полка.

Выстроенные в четыре ряда, запыленные повстанцы ожидали Щорса. Он вышел на крыльцо в фуражке с красноармейской звездой, которой еще никто из них не видел. Прежде чем поздороваться, Щорс внимательно осмотрел ряды. Здесь были и

украинские свитки, опоясанные охотничьими патронташами, и солдатские шинели с подсумками, посконные рубахи и франтоватые френчи, кожаные сапоги и лапти. Вооружение повстанцев было такое же пестрое, как и обмундирование: винтовки, обрезы, берданки, охотничьи двухстволки, самодельные шомполки. Но почти у всех висели на веревочках ручные гранаты.

Тысленко громовым басом подал команду: «Смирно!», — подошел к Щорсу и отрапортовал:

— По приказу ревкома прибыл в ваше распоряжение. В отряде 157 человек. По дороге присоединилось 20 добровольцев.

Щорс сошел с крыльца.

Правофланговым стоял семидесятилетний крестьянин Прокопенко — седобородый, с негнувшейся спиной великан, обутый в лапти.

— Почему, дед, воюешь против немцев и гайдамаков? — спросил Щорс.

— Сына и дочку замучили. На смерть шомполами запороли.

— Крепко решил воевать за советскую власть?

— Коли пришел до тебя в полк, — значит, крепко. Вот и внука с собой захватил.

Рядом стоял паренек на вид лет шестнадцати, такой же великан, как дед.

— Кто еще кого захватил! — обиделся он, поправляя заткнутый за пояс штык. Винтовки у него не было.

— А тебе, молодой человек, не рано ли еще воевать? — спросил Щорс.

Он смотрел на паренька, подняв голову.

— Зачем рано? В самый раз. Вон какой вырос!

Щорс засмеялся.

— Да, это я вижу, рост у тебя выдающийся, а лет, думаю, мало.

— Зачем мало? Осьмнадцать!

— Не врешь?

— Ей-богу! — сказал парень и перекрестился.

В рядах засмеялись.

Теперь обиделся дед.

— Чего гогочете? Мы хрещеные хрестьяне.

Щорс спросил у внука:

— В бога веришь?

— Да не верю. Ей-богу же, не верю!

И парень опять перекрестился под хохот всего отряда.

— Чего же ты крестишься, чудак? — спросил Щорс.

— Да это я с испугу.

— А где же твоя винтовка?

— Не дают. Штык вот насилу выпросил. Я сам не воюю: я диду помогаю. Патроны ему в обойму закладываю. Мало ли тут делов есть!

— Дома не на кого оставить. Пущай тут приучается у тебя, — сказал дед.

— Пускай, — согласился Щорс.

Обходя повстанцев, он разговаривал со многими. Один пожилой, судя по одежде фабричный рабочий, почему-то особенно заинтересовал его:

— Детей много?

— Трое.

— Долго работал на фабрикантов?

— Сызмальства.

— С крестьянством связан? Землю, лошадь, корову имел?

— Нет, с этой дрянью я не возился. Я фабричный человек.

Щорс пристально посмотрел ему в глаза и, ничего не сказав, прошел дальше.

Разговаривая с повстанцами, он больше всего напирал на то, что в полку устанавливается твердая дисциплина и в полк принимаются только люди, решившие драться за советскую власть, не щадя своей жизни.

Уходя, Щорс обратился ко всем:

— Подумайте над тем, что я сказал, а завтра мы будем оформлять прием в полк каждого отдельно.

В штабе Щорс взял у начальника отряда список повстанцев. Читая его, он спросил:

— Как фамилия того, что называл себя фабричным?

Тысленко назвал фамилию — Наливайко. Щорс сделал в списке против нее отметку.

— Ты, кажется, коммунист? — спросил он Тысленко.

— Да.

— Смотри, у тебя есть ненадежный народ. Придется почистить отряд. Но не спеши с этим. Поможем.

Однажды к Щорсу пришла сестра из полкового околотка коммунистка Соня Алтухова.

— Что делать, Николай Александрович? Каждое утро околоток переполнен, а большинство приходящих совершенно здорово.

— Симуляция?

Щорс задумался. Он знал, что регулярные строевые занятия вызывали среди части партизански настроенных красноармейцев недовольство, воркотню. По разговорам, ходившим в полку, чувствовалось, что недовольство кто-то разжигает сознательно.

— Хорошо, — сказал Щорс, — завтра

всех этих больных направляйте на прием ко мне. Надо будет познакомиться с ними поближе.

На следующий день около штаба выстроилась длинная очередь «больных». Получив направление к Щорсу, большинство чувствовало себя неловко.

Щорс принимал их по одному.

Первым робко вошел молодой красноармеец. Простодушное лицо его выглядело очень сконфуженно.

— Что болит? — спросил Щорс.

— В грудях что-то колет, — ответил красноармеец, отворачиваясь от Щорса.

— А ну-ка, скидывай рубашку.

— Да мне, товарищ командир, только порошочек бы какой-нибудь.

— Сейчас вот посмотрим, что тебе прописать.

Вооружившись медицинской трубкой, Щорс внимательно выслушал «больного» и, покачав головой, сказал:

— Да, тебе надо серьезно лечиться. Побольше на свежем воздухе, как можно больше. Самый лучший рецепт—это строевые занятия... Следующий!

Находу натягивая гимнастерку, парень выскочил от Щорса, как ошпаренный.

— Вертай, ребята, назад! — крикнул он стоявшим в очереди. — Не иначе наш командир — дохтор! Такой тебе рецепт пропишет...

Стоящие у двери замялись. Никто не решался войти. Тогда из очереди выступил один, выделявшийся среди всех саженным ростом, лихо заломленной казацкой фуражкой и огромным черным чубом, закрывавшим почти пол-лица. Выпятив грудь, он ударил по ней кулаком:

— То есть что ето такое значит? Дохтор! Темная твоя голова. Что это, старый режим? Не моги, значит, и болеть?

Растолкав красноармейцев, он вошел к Щорсу, хлопнув за собой дверью.

— Чуб срезать, — приказал Щорс, едва взглянув на вошедшего.

Чубатый от неожиданности растерялся, но быстро оправился.

— То есть я вас не понимаю. Кем ето такой декрет даден, чтоб революционному народу чубы, значит, срезать? А может, к примеру сказать, без чуба я воевать не могу. Я казак.

Щорс перебил его:

— Что болит?

— Я до дохтура. У меня сурьезная болезнь.

— Ну, говори. Я доктор.

— Не могет быть. Прав таких вам не дадено.

Щорс спокойно раз'яснил ему, что он учился и имеет диплом фельдшера.

Чубатый, немного помолчав, сказал:

— В кишке дух спирает. Ходить невозможно.

— Понятно. Ложись на скамейку.

Чубатый лег. Щорс начал мять его живот.

— Болит?.. А здесь?

Чубатый стонал, выл, охал.

— Покажи язык.

Чубатый высунул язык.

— Хорош. А ну-ка попробуй поболтать им.

Чубатый удивленно посмотрел на Щорса, но, убедившись, что с ним разговаривают совершенно серьезно, все-таки поболтал языком во рту.

— Прекрасно болтается, — сказал Щорс и вдруг строго, пристально посмотрел на Чубатого:

— Вот что, довольно ломаться. Скажи прямо, кто научил тебя подбивать людей на симуляцию.

Чубатый сразу притих.

— Очень извиняемся, — сказал он, — сами по несознательности своей. Больше, заверяем вас, етого не будет.

Подняв упавшую на пол фуражку, Чубатый пятился к двери.

— Следующий! — крикнул Щорс.

Никто больше не вошел.

Мятеж

Уже несколько ночей Щорс не смыкал глаз. Строевые занятия он проводил сам. Он стал еще более требователен.

Симуляция в полку прекратилась, на занятия выходили почти все. Воркотня как

будто затихла. Но немецкие посты стояли в нескольких километрах от Унечи, кругом шныряли агенты оккупантов. Каждую минуту можно было ожидать провокации. Щорс был начеку.

Как-то вечером на улице началась беспорядочная стрельба. Посыпались стекла. Кто-то крикнул:

— Немцы!

Щорс схватил телефонную трубку. Станция не отвечала. Телефон не работал. Щорс кинулся к дверям, но в это время в штаб ворвалось несколько человек с винтовками. Впереди — Чубатый.

— В чем дело?—тихо спросил Щорс. — Опять дух в кишке сперло?

— Ладно! Откомандовался, хватит!

— Взять его под арест!—крикнул Щорс.

Люди замялись, переглядываясь.

У двери стоял с наганом в руке Наливайко, тот самый, который называл себя при поступлении в полк фабричным человеком. Наливайко смотрел на Щорса, нагло улыбаясь.

— А! И ты здесь, — сказал Щорс. — Прекрасно! Всех вместе и ликвидируем.

— Брось разоряться, — заорал Чубатый,—штаб окружен казаками. Сдавай оружие и идем с нами. Будем судить тебя.

Чубатый говорил уже другим языком, не ломаясь.

— Хорошо. Я только надену второй сапог, — спокойно сказал Щорс.

Одна нога его была обута только в калошу: когда старая рана на ноге давала себя чувствовать, он всегд ходил так. Выйдя в соседнюю комнату, Щорс закрыл за собой дверь. Чубатый кинулся было к ней, но дверь распахнулась, и Щорс выскочил назад. В одной, поднятой над головой руке он сжимал гранату, в другой был маузер. Комната сразу опустела.

С улицы слышны были одиночные выстрелы. Щорс выпрыгнул через окно во двор. Через полчаса он был уже у бараков 2-го батальона. На дворе Кнетек строил свою, самую надежную роту.

— Смирно! — скомандовал Кнетек и отрапортовал:—Рота выстроена, ждет ваших приказаний, товарищ командир полка!

Перед строем роты Щорс заговорил с Кнетеком спокойно, как будто ничего особенного не случилось:

— Мятеж подняла конная сотня?

— Да. Арестовали командиров и хотят судить за то, что гоняют людей на строевые занятия, вместо того чтобы идти освобождать Украину. Командиром полка выбрали Наливайко. Такой незаметный человек был, а сейчас кричит: «Братья-казаки, я завтра поведу вас на немцев».

— То есть к немцам.

— Ну, конечно.

— А как в ротах?

— Надо, говорят, сначала разобраться. Митингуют.

— Хорошо. Я сейчас помогу им разобраться.

Отдав Кнетеку приказания, Щорс один пошел по казармам.

Первая рота шумно митинговала. Когда Щорс вошел, галдеж сразу прекратился. Все повернулись лицом к командиру полка. Оратор, стоявший на столе, от неожиданности присел на корточки и застыл в таком положении.

— Где командир роты?

Никто не ответил.

— Выходи на двор строиться!

Никто не шевельнулся.

— Оглохли? — спросил Щорс.

Кто-то робко сказал:

— Тут, товарищ командир, хлопцы резолюцию голосовали.

— Голосовали? — переспросил Щорс и вдруг крикнул: — А ну-ка подними руки, кто с Украины.

Один за другим все медленно подняли руки и с минуту, не опуская их, стояли так, растерявшись, не понимая, в чем дело.

— Значит, все с Украины? — спросил Щорс.

— Все, товарищ Щорс.

Щорс вскочил на скамейку. Он еще сдерживал себя, но чувствовалось, что внутри у него все клокочет. Вытянутые по швам руки чуть вздрагивали.

Рота замерла. Долго сдерживаемый огненный темперамент Щорса взорвался, как бомба.

— У кого на Украине сожжена хата, — сказал он, вдруг повысив голос, — у кого отняты посевы, скот, у кого расстреляны немцами, гайдамаками отец или брат, у кого спина исполосована немецкими шомполами, — в ружье! Именем революции приказываю — в ружье! Смерть провокаторам! Нет пощады изменникам!

Вся рота рассыпалась по бараку. Кинувшись к винтовкам, красноармейцы прыгали через топчаны. Защелкали затворы.

Щорс спрыгнул со скамейки и уже обычным, спокойным голосом приказал:

— Выходи на двор! Стройся!

К утру окруженные мятежники уже выдали зачинщиков. Они злобно выталкивали их из рядов. Вытолкнули и Чубатого. Наливайко успел скрыться. Он оказался бывшим царским офицером, подосланным немецким командованием в полк для организации мятежа.

В тот же день приступила к работе выделенная Щорсом комиссия по проверке всего состава полка. В помощь ей были выбраны из красноармейцев и командиров ротные комиссии. Проверка продолжалась неделю. Через комиссию прошли все, не исключая и Щорса. Несколько человек было предано суду трибунала.

Всем желающим остаться в полку Щорс предложил дать революционную клятву. Текст ее он выработал сам, а потом передал для обсуждения в роты. Командиры подписывали клятву на полковом собрании. Первым подписал Щорс.

«Я, гражданин Щорс, совершенно добровольно вступаю в ряды 1-го украинского повстанческого полка и обязуюсь, не щадя своей жизни, бороться против капиталистов за освобождение Украины от оккупантов и контрреволюционеров, беспрекословно выполняя все приказания моего начальства. За трусость, дезертирство, мародерство и за пьянство я подлежу суду революционного военного трибунала с применением ко мне высшего наказания — расстрела. Эту клятву я прочел полностью, с ней согласен, в подтверждение чего собственноручно расписываюсь».

Красноармейцы давали клятву по ротам. В торжественной обстановке они по одному подходили к столу. Щорс спрашивал каждого:

— Твердо решил остаться в полку?

— Да.

— Жизни не пожалеешь за революцию?

— Нет.

На столе лежал текст клятвы. Красноармеец читал ее вслух и подписывал. Щорс пожимал руку, поздравляя его с оставлением в полку.

Многие, подходя к столу, просили разрешения подумать еще часок.

— Подумай, как следует: дело серьезное, — говорил Щорс.

Опять начались строевые занятия. Жизнь в полку вошла в нормальную колею.

Наступление на Киев

Вскоре после революции в Германии Щорс получил приказ о наступлении. Богунский полк двинулся в голове 1-й украинской повстанческой дивизии, наступавшей на Киев. Немецкие революционные солдаты отказывались воевать с повстанцами, передавали им оружие, переходили на их сторону. Щорс доносил: «В с. Турусна наши повстанцы соединились с немецкими солдатами и довольствуются из одной кухни, поют «Интернационал». Немецкое командование спешно эвакуировало свои войска из Украины. На пути наступления Щорса оставались только гайдамацкие отряды и курени «головного атамана» Петлюры.

Заняв город Клинцы, Щорс повел свой полк вдоль железной дороги на Новозыбков, оттуда повернул на Городню, Седнев, Чернигов. Гайдамаки и петлюровцы отходили вслед за немецкими эшелонами, не принимая серьезного боя.

Началась уже зима. Бушевали метели, наметая на дорогах сугробы снега. Идти было трудно даже по шоссе. Щорс послал гонцов в окрестные села, и они вернулись с крестьянскими санными обозами, растянувшимися на несколько километров.

Богунцы разместились на санях и помчались лесными дорогами. Впереди — пулеметные тачанки на полозьях. В них запряжены лучшие, самые горячие кони. За пулеметными тачанками — крестьянские розвальни: легкие, с плетеными кузовами, и тяжелые сани, с широкими деревянными спинками.

Едва влетят богунцы в село, смотришь, на площади уже выстроились местные повстанцы.

— Хлопцы просят зачислить их в полк,—докладывали Щорсу.

Принимая на ходу новые роты и взводы, Щорс спрашивал:

— Знаете, за что идете бороться?

— Знаем, товарищ командир.

— Ну так вот, — говорил Щорс,—богунцы идут в наступление, кто из вас трус, — сматывайся сразу.

И полк мчался дальше, гоня перед собой гайдамацкие отряды, скрывавшиеся в метели. Наступление развивалось стремительно, однако Щорса беспокоило, что враг не принимает серьезного боя. Он часто повторял: «К Киеву должно отойти как можно меньше войск противника, как можно меньше».

Метель затихала не надолго, морозы крепчали, а многие богунцы были одеты полетнему. Некоторые замерзали на посту.

Как-то ночью, в метель, Щорс, проверяя посты, нашел занесенного снегом красноармейца. Из сугроба торчал только штык.

Щорс вытащил из-под снега уже застывший труп. Красноармеец был в лаптях и в шинели, не прикрывавшей даже колен. Щорс сразу узнал деда Прокопенко, того самого, который пришел в полк вместе со своим внуком. С трудом подняв труп на лошадь, Щорс привез его в штаб. Долго молча с обнаженной головой стоял он перед замерзшим на посту стариком- красноармейцем. Все входившие в штаб, взглянув на Щорса, тоже снимали фуражки, папахи. Никто не решался заговорить.

Прокопенко-внук, прибежав в штаб, грохнулся на колени перед дедом. Поднявшись, он вытер кулаками слезы и сказал неподвижно стоявшему Щорсу:

— Товарищ командир, дозвольте мне у деда винтовку поменять. Может, заговорена она: метко бьет.

Щорс взял стоявшую в углу винтовку деда и молча передал ее Прокопенко. Потом пожал ему руку и сказал:

— Насчет заговоров — это ты выкинь из головы. Помни, что дед твой был хороший стрелок.

В эту же ночь замерзло на посту еще два красноармейца. Их хоронили на рассвете. Вьюга продолжала бушевать. Щорс стоял над могилой с непокрытой головой. Когда замерзших бойцов опустили в могилу, он сказал:

— Богунцы замерзают на посту, но не покидают его!

Начались серьезные бои. Еще в Новозыбков полк вступал как на парад, торжественно встреченный местными рабочими, а Городню уже пришлось брать с боем. У Седнева отчаянная атака богунцев открыла им путь на Чернигов.

Ведя полк в атаку, Щорс всегда был впереди со своим неизменным ручным пулеметом. У него было несколько, нигде не записанных, но твердых, обязательных для всех правил. Одно из них гласило: «Командиры и коммунисты должны быть всегда впереди».

Людей, которые уклонялись от этого правила, Щорс презирал, в полку они долго не удерживались. Однако он был не из тех командиров, которые любят красоваться своей отвагой. Удалым атакам, рассчитанным на эффект, он предпочитал обдуманность и расчет, скрытность действий, ошеломляющую внезапность нападения. В бою за Чернигов щорсовская тактика решила участь гайдамацкого корпуса, его штаба и командиров.

Генерал Терешкович, командовавший гайдамацким корпусом, расположенным в Чернигове, был убежден, что красные еще далеко. Чтобы поднять настроение офицерства, он решил устроить бал. До глубокой ночи в губернаторском доме гремел оркестр. А в это время богунский полк стоял уже в нескольких километрах от города. Двум батальонам Щорс приказал наступать на Чернигов в лоб, а третий послал в обход, к переправам на Десне.

На рассвете, опрокинув гайдамацкие заставы, 1-й и 2-й батальоны во главе со Щорсом стремительно ворвались в город. Несколько вражеских броневиков, выехавших на улицы, не успели открыть огонь, как были захвачены богунцами. Из ворот выскакивали гайдамаки в одном белье. У бывшего губернаторского дома верхом на лошади метался по мостовой какой-то генерал, как выяснилось потом, сам командир корпуса генерал Терешкович. Приняв богунцев за петлюровцев, он гневно кричал:

— Что ж вы робите, паны-атаманы? Вы ж ще не бильшовики. Мы ж боремося з вами за одну идэю.

— Продерите очи, пан генерал, — сказал Щорс, под'езжая к нему на лошади, — город занят красными. Меня зовут Микола Щорс. Будем знакомы.

В это время где-то недалеко духовой оркестр грянул «Интернационал». Кто-то доложил Щорсу, что «Интернационал» играют бежавшие с бала гайдамацкие музыканты. Попав на улице под пулеметный огонь, они распластались на снегу и прятали головы за медные трубы. Богунцы пожалели инструменты, прекратили огонь, а коман-

дир роты Кнетек приказал музыкантам играть «Интернационал».

— Гарненько играют, товарищ Щорс, может, побалакаете с ними, не пойдут ли до богунцев служить.

— Правильно, — сказал Щорс, — с паном генералом я побалакать еще успею. Музыканты мне важней.

Гайдамацкий оркестр, сыграв «Интернационал», стоял на улице, охраняемый несколькими красноармейцами. Они дружески беседовали с пленными музыкантами, разглядывали их тромбоны, валторны и фаготы.

Беседу прервал Щорс, прискакавший со своим ад'ютантом.

— Молодцы хлопцы! — крикнул он. — Зачисляю в штат полка. Ад'ютант, пиши приказ. Конвой, шагом марш!—Щорс махнул рукой. — Оркестр, «Интернационал»!

Кругом шел бой, трещали пулеметы, а оркестр гремел «Интернационал». Как только он затихал, Щорс махал рукой, и музыканты снова надували щеки.

Под звуки «Интернационала» богунцы гнали гайдамаков из города на скользкий лед Десны, под огонь 3-го батальона, направленного Щорсом в обход.

Из Чернигова Щорс наступал на Киев через Козелец, Семиполки, Бровары. Посадив один из батальонов в сани, Щорс мчался с ним глубоким снегом, сквозь метель в обход петлюровских «куреней смерти» и бил их во фланг и в тыл.

Сотни обманутых Петлюрой крестьян бросали оружие. Щорс выстраивал пленных, об'яснял им, за что борется Красная армия, а потом говорил:

— Идите обратно и расскажите об этом всем, обманутым Петлюрой.

Чем ближе подходили к Киеву богунцы, тем больше перебегало к ним петлюровских солдат. Несмотря на потери в боях и от мороза, состав Богунского полка увеличился уже в три раза. Также вырос и соседний, Таращанский полк, которым командовал киевский столяр, старик Боженко, известный среди повстанцев командир. Таращанцы называли его батькой. Они соревновались своей славой с богунцами. Но, когда командование армией назначило смотр полков 1-й дивизии, богунцы, стоявшие против таращанцев на снежном поле, перед селом Бровары, затмили их своей строгой воинской выправкой. Впереди стоял навытяжку Щорс в своей неизменной кожаной куртке. По сравнению с Боженко, лихо гарцовавшим на коне, он выглядел очень скромным. На батько была богатая бекеша, вся оплетенная ремнями, оправленная в серебро шашка.

Спрыгнув с коня, Боженко подошел к Щорсу:

— Здорово, Микола!

— Здравствуй, батько!

Пышные усы Боженко не скрывали хитрой улыбки.

— Небогато живешь, Микола, небогато. Подывись як обдрипались твои хлопцы.

— Подожди, батько, скоро приоденемся.

Боженко, сообразив, что Щорс намекает на киевские запасы Петлюры, сразу забеспокоился. Щорс целился и попал в самое больное место батько. Все знали, что для Боженко было самой большой гордостью сообщить в донесении о захваченных у врага богатых трофеях.

— На киевские склады заришься? — воскликнул батько, ударив по сапогу нагайкой. — Так таращанцы же уперед пидут!

— А я слыхал, что богунцы.

— Кто то балакает?

— Чего там балакать, когда приказ уже есть.

Теперь хитро улыбался Щорс. Боженко разволновался.

— Ой, хитришь, нема ще такого приказа, — и, наклонившись к Щорсу, шепнул ему на ухо:

— Знаешь що, Микола, пидем до Киева разом.

Однако Петлюра еще надеялся отбросить красных. На подступах к Киеву он сосредоточил все свои наиболее боеспособные части. Густые колонны петлюровцев перешли в наступление. У Бровар разыгрался упорнейший бой. Под ураганным огнем рвущегося вперед врага богунцы с трудом удерживали свои позиции. Кое-кто уже поглядывал на Щорса, ожидая его приказа об отходе. Но Щорс как будто не замечал этого.

В один из самых напряженных моментов он наблюдал в бинокль за полем боя, выбирая направление для контратаки. Заметив недалеко петлюровский пулемет, он показал на него плеткой находившемуся рядом командиру батареи:

— Снять пулемет!

Только он сказал это, как вдруг плетка куда-то исчезла. В руке Щорса осталось лишь «козлиное копытце». Плетку срезал снаряд. Он влетел в окно стоявшего рядом домика и разорвался внутри. Щорс удивленно посмотрел на зажатое в руке «козлиное копытце» и сказал:

— Что-то в ушах у меня сильно звенит, — и снова поднес к глазам бинокль.

Щорс не замечал рвавшихся вокруг него снарядов. И никто не смел ему указать на это: каждый богунец, лежавший в цепи, знал, что сейчас вся воля Щорса, все силы его ума сосредоточены на одной мысли — победить. И когда Щорс, взяв лежавший около него ручной пулемет, скомандовал: «За мной, в атаку!»,—снежное поле сразу ожило, цепи богунцев поднялись и с криком «ура-а» пошли в атаку. Петлюровцы, бежавшие навстречу с криком «слава-а-а», сразу замолкли, повернулись и без оглядки понеслись назад.

Щорс получил приказание — на рассвете 6 февраля атаковать и взять Киев.

Но уже 5 февраля высланная в Киев разведка донесла, что петлюровцы оставили город.

Одновременно с разведкой в Бровары приехала из Киева делегация рабочих. Щорс повел богунцев в город.

Захват Винницы

В середине февраля богунцы и таращанцы выступили из Киева, нацелившись на Винницу. Наступление развивалось стремительно. Сводка сообщала: «Противник отступает в панике».

Разрушая мосты, дороги и водокачки, петлюровцы бежали по линии железной дороги на Бердичев и Винницу. Казатин богунцы взяли без боя. Здесь Щорсу пришлось передать командование богунцами Кнетеку, а самому выехать в штаб дивизии: он был назначен начдивом.

Как раз в эту пору год назад Щорс вышел из Сновска в Семеновку с отрядом, состоявшим из нескольких человек. За один год он прошел путь от командира маленького партизанского отряда до начальника дивизии.

В день вступления Щорса в командование 1-й Украинской дивизией ее части уже выдвинулись на линию Махновка—Зарудинцы и должны были наступать на Винницу.

Щорс, вызвав в штаб командиров полков, приказал Боженко наступать с таращанцами с юговостока на западную окраину города.

— Добре, — сказал батько и, подозрительно посмотрев на Кнетека, спросил: — А богунцы?

— Богунцы наступают вдоль шляха через Калиновку и Стрижавку, — ответил Щорс.

Он рассматривал карту.

Боженко толкнул локтем своего начальника штаба.

— Подывись, бо у мене очи болят.

Сам Боженко с трудом разбирался в карте. Начальник штаба об'яснил ему задачу пальцами. Проведя по карте прямую линию, он показал на Кнетека, а сделав пальцем загогулину, кивнул на Боженко. Батько махнул рукой.

— Це не грае роли, начальник штаба. Таращанци першыми будут у Винници.

Щорс приказал наступать на рассвете. Но было еще темно, когда Боженко, прорвав петлюровский фронт, помчался во главе таращанской конницы по направлению к Виннице, которую он надеялся захватить первым. Перешли в наступление и богунцы. Калиновку они заняли на следующий день после учиненного здесь петлюровцами еврейского погрома. Местечко как снегом засыпано было пухом и перьями распоротых шашками подушек, перин. Кровь окрашивала весенние лужи и грязь. На безлюдных улицах валялись раздетые трупы.

Узнав от населения, что петлюровские банды сейчас режут и грабят еврейскую бедноту местечка Стрижавки, Кнетек решил ускорить наступление. Он собрал всех конных разведчиков и во главе отряда в 180 сабель поскакал вперед по дороге на Стрижавку — Винницу. В Стрижавке богунцы застали ту же картину, что и в Калиновке. Преследуя погромщиков, они достигли моста через реку Буг и ворвались в город, рубя по дороге бегущих в панике, скинув свои синие жупаны, петлюровцев.

Со стороны вокзала донеслись гудки паровозов. Кнетек, сейчас же повернув отряд, поскакал на станцию. Эшелоны с петлюровским имуществом не успели уйти. Бо-

гунские кавалеристы подскочили к паровозам. Они захватили богатейшие трофеи. Проезжая на коне вдоль эшелонов, подсчитывая захваченные аэропланы, пушки, Кнетек вдруг заметил несколько подходивших к городу дрезин. С дрезин соскакивали люди, принимали боевой порядок, наступали на станцию вдоль полотна железной дороги. Впереди бежал человек в кожаной куртке с револьвером в руке.

— Да это же Щорс! — воскликнул Кнетек и поскакал навстречу.

Он доложил начдиву, что Винница уже захвачена богунцами, и начал перечислять трофеи.

Щорс засмеялся:

— Ну теперь наш батько не найдет себе покоя.

В это время кто-то доложил, что с востока на Винницу наступает крупный кавалерийский отряд.

Кнетек посмотрел в бинокль:

— Так и есть, батько мчится.

— Надо его встретить поторжественнее, — сказал Щорс.

Когда Боженко галопом подлетел к вокзалу, навстречу ему вышел Кнетек. Коварно улыбаясь, он держал в руках каравай хлеба и соль.

— Добро пожаловать, батько. Богунцы просят вас в Винницу.

Боженко воскликнул вне себя:

— Хлопцы, тут вже богунцы!

Кнетек, подмигнув Щорсу, начал опять перечислять захваченные им трофеи.

Боженко так разволновался, что даже вспотел.

— Немыслимо! — закричал он.—Начальник штаба, ходы до мине! Я ж тебе, чертяка, голову зирву!

Начальник штаба не решался приблизиться к Боженко, размахивавшему нагайкой.

— Легче, батько, легче,—сказал Щорс.

— Та вин же, чертяка, мени голову задурив своей картой скаженной, а то я давненько був бы вже у Винници.

— В Виннице богунцы, а в Жмеринке ще ж петлюровцы,— улыбаясь сказал Щорс.

Боженко замолчал: он понял, в чем дело. Щорс умел обращаться с ним, держал его в руках незаметно, щадил самолюбие старика. На следующий же день таращанцы лихим налетом захватили Жмеринку. Щорс получил донесение, в котором батько сообщал о колоссальных трофеях.

В конце марта Петлюра получил сильное подкрепление. На фронт прибыли сформированные в Галиции кулацкие полки сечевиков. Год назад гайдамаки вступили в Киев под защитой немецких штыков. Теперь, когда последние немецкие солдаты, проклиная свое командование, навсегда покидали Украину, Петлюра надеялся вернуться в Киев с помощью англичан, французов, румын, греков, уже высадивших свои войска в Одессе.

Головной атаман перешел в наступление, угрожая Киеву одновременно со стороны Коростеня и Бердичева. Вот-вот щорсовская дивизия, выдвинувшаяся далеко на югозапад, могла оказаться отрезанной от Киева. Над расположением ее частей уже кружились вражеские самолеты и сбрасывали листовки с петлюровским воззванием к богунцам и таращанцам. Петлюра призывал их расходиться по домам. «Вы отрезаны с тылу. Вас заманили в мешок»,—писал он, считая, видимо, что предпринятый им маневр уже выполнен. Щорс, подготавливая свой контрманевр, решил написать Петлюре ответ. На следующий день красные летчики разбрасывали над станом контрреволюционных войск тысячи экземпляров письма, подписанного, кроме Щорса, Кнетеком и Боженко:

«Мы, таращанцы, богунцы и другие украинцы, казаки, красноармейцы, получили твое наглое обращение.

Как в старину запорожцы турецкому султану, так и мы тебе отвечаем.

Был у нас гетман Скоропадский, сидел на немецких штыках, погиб, проклятый.

Новый пан гетман об'явился — Петлюра. Продал бедных крестьян польским панам, заключил с панами-помещиками мир. Продал Украину французским, румынским, греческим щукам, пошел с ними против нас, трудовых бедняков Украины. Продал матьродину, продал бедный народ.

Скажи, Иуда, за сколько денег ты продал Украину? Сколько платишь своим наймитам за то, чтоб собачьим языком мутили крестьянство, подымали его против власти трудовой бедноты?

Скажи, предатель! Только знай: не пановать панам больше на Украине!

Мы, сыны ее, бедные труженики, голову положим, а ее защитим, чтобы расцвела на ее вольной земле пшеница, на свободе сжата была вольным крестьянством в свою пользу, а не жадным грабителем, кровопийцем, кулаком, помещиком.

Да! Мы братья русским рабочим и крестьянству, как и братья всем, кто борется за освобождение трудящихся.

Твои же братья — польские шляхтичи, украинские живоглоты-кулаки, царские генералы, французские буржуи.

И сам ты лживый и блудный как польские шляхтичи: мол, всех перебьем.

Не говори гоп, пока не перескочишь! Лужа для тебя готова, новый пан гетман буржуйской, французской да польской милостью.

Не доносить тебе штанов до этого лета...

Освобожденная Венгрия протягивает к нам братские руки, и руки ограбленных панами крестьян Польши, Галиции тянутся к твоему горлу, Иуда!

Прочь от нас, проклятый, подавись, собака!»

Погрузив полки своей дивизии в вагоны, Щорс по железной дороге перебросил таращанцев под Бердичев, а богунцев — в направлении Коростеня. Этот молниеносно выполненный Щорсом контрманевр сорвал попытку Петлюры окружить дивизию.

Школа краскомов

В мае дивизия Щорса подошла уже к старой галицийской границе. Наступая, полки все время росли. Но среди добровольцев приходило много бывших петлюровцев. В большинстве эти обманутые Петлюрой крестьяне были очень темные люди. Некоторые из них, например, серьезно уверяли старых богунцев, будто Щорс оттого всегда побеждает, что он заколдован от пуль. Было среди перебежчиков немало и подосланных врагом агентов.

Они всеми силами пытались раздуть в полках партизанские настроения. Щорс сурово, непримиримо боролся со всякими анархическими выходками. Они шептали на ухо малосознательным красноармейцам, что Щорс восстанавливает старый режим. Щорс жестоко карал за барахольство, антисемитизм, пьянство. Они исподтишка подбивали к этому красноармейцев.

Все это заставило Щорса крепко задуматься о воспитании молодых бойцов дивизии.

Надежных помощников в этом деле у Щорса было мало. Во всех полках не хватало командиров. Часто на должность командиров взводов и рот Щорсу приходилось назначать людей, не имевших почти никакой военной и политической подготовки.

Однажды, беседуя на эту тему с работниками политотдела, Щорс сказал:

— Ждать, пока нам пришлют людей, нельзя. Надо готовить их самим. Я решил создать в дивизии свою школу красных командиров. Жизнь показывает, что мы не можем обойтись без нее.

На другой же день Щорс велел начать ремонт старого здания бывшего житомирского епархиального училища, которое он решил использовать для школы краскомов. Щорс вникал во все мелочи. По его приказу крупные житомирские домовладельцы должны были в течение одного дня предоставить школе нужное ей оборудование. В городе началось необычайное движение: все извозчики были заняты перевозкой кроватей, матрацев, одеял, белья. Общежития курсантов Щорс обставлял с удивительной для того времени тщательностью. Клуб школы украшали зелень, мягкая мебель, ковры.

Спустя дней десять после решения Щорса о создании школы выстроились на площади, против городского театра, роты курсантов в новом обмундировании, в шапках-пилотках. Щорс поздравил курсантов с началом занятий. Программу их он выработал сам.

Каждый день курсанты ходили в поле для стрелковых и тактических занятий. Обычно туда и обратно шли с оркестром. Толпы житомирцев провожали роты школы, любуясь выправкой, твердым и четким шагом щорсовских питомцев.

Все жители города знали любимую песню курсантов:

«Красное знамя собой означает
Идею рабочего люда...»

Щорс отдавал курсантам все свободное от боевой работы время. Возвращаясь с боевого участка, он обыкновенно прежде всего заезжал в школу.

Нередко курсантам приходилось выходить по тревоге из-за школьных парт, ме-

нять учебные патроны на боевые. В боях с шнырявшими вокруг Житомира кулацкими бандами будущие командиры под руководством Щорса обучались тактике. Они говорили:

— Щорс принимает от нас зачеты в бою.

Бывало так: отправив школу против бандитов, Щорс незаметно следовал за ней на лошади или в автомобиле, издалека наблюдал ее действия. Но в решительный момент он всегда неожиданно появлялся в цепи и увлекал курсантов в атаку.

Последние дни

Наступал самый критический период гражданской войны — осень 1919 года. Деникин приближался к Москве, Юденич угрожал Петрограду. Вокруг дивизии Щорса, выдвинувшейся далеко на запад, к границам Галиции, сжималось кольцо белых войск: с северозапада ее обходили вторгнувшиеся в Белоруссию и Украину белопольские легионы; с востока наступали деникинцы, подходившие к Киеву; с югозапада на соединение с ними прорывались переформированные в Галиции петлюровские войска. Фронт дивизии Щорса дрогнул. Ее полки, отбиваясь, отходили на Шепетовку, Новоград-Волынск, Коростень.

В последних числах августа, приехав с боевого участка в штаб дивизии, Щорс вызвал по прямому проводу командарма Семенова. Стоя у телеграфного аппарата, Щорс пошатывался от усталости. Несколько ночей он уже не спал.

Коротко доложив командарму о положении на фронте дивизии, Щорс сказал:

— Только свежие части могут спасти положение.

Командарм спросил:

— Какие резервы имеются в дивизии?

— Я ничего не имею, — сказал Щорс.

Командарм ответил:

— Отличным резервом для вас могут служить курсанты.

— У нас еще впереди много предстоит дела,— сказал Щорс.— Я пойду с курсами, но тогда больше не будет ни курсов, ни меня. Если этого требует положение и если вы решили все это принести в жертву,— давайте приказания.

Командарм уклонился от прямого ответа. Он продолжал:

— Кроме курсантов, которые помогут привести отходящих в порядок и к исполнению долга, резервами являются все носящие винтовки. Совет обороны постановил, что все члены губернских и уездных комитетов должны встать в ружье...

Заканчивая разговор, Щорс сказал:

— Все меры будут приняты.

Вражеское кольцо сжималось вокруг дивизии Щорса все тесней. Измотанный, истощенный опять обострившейся болезнью, Щорс носился в своем запыленном, дребезжащем автомобиле из бригады в бригаду, из полка в полк. Там, где положение было особенно напряженным, где тревожные слухи о готовившихся маневрах врага вызывали растерянность неопытных командиров, где вот-вот бойцы могли поддаться панике, вдруг появлялся Щорс, как всегда, спокойный, сдержанный, подтянутый, хотя и с посеревшим от усталости лицом. Снимая автомобильные очки, вытирая со лба пот, он говорил, смеясь:

— Ну и погода, чорт возьми! В такую погоду только босиком и воевать можно.

Стояли безоблачные дни. От зари до зари яркое и горячее, как в июле, солнце заливало своим спокойным, ровным светом золотое жнивье уже убранных, затвердевших полей, а ночью, когда черное небо уходило в бесконечную звездную даль, безветренный воздух был сух как днем.

В одну из таких ночей Щорс приехал в 3-й Богунский полк, расположившийся на позициях около железнодорожного полустанка. Настроение у бойцов было подавленное. Кто-то распространял слух, что чуть ли не два корпуса отборных войск врага уже окружили полк и этой ночью он будет перебит. Люди готовились к бою, как к смерти.

Ознакомившись с обстановкой, Щорс приказал секретарю полкового партийного коллектива сейчас же собрать всех коммунистов, а через час — комсостав.

В помещении станционного буфета, тускло освещенного керосиновой лампой, собралось девять человек. Молча и хмуро

они ожидали Щорса. Стекла дрожали от артиллерийской канонады и взрывов снарядов. Красный бронепоезд перестреливался с петлюровским. Снаряды рвались у семафора.

Вошел Щорс.

— Ну что, сдрейфили? — спросил он сухо.

Кто-то отозвался:

— Мы не трусы.

— Я шучу, — сказал Щорс, — вы богунцы, а богунцы, как я знаю, спрашивают, не сколько врага, а где он.

Щорс сел к столу, снял фуражку.

— Ну подвигайтесь ко мне. Кто в школе за партой не сидел, учись сейчас. Карандаши и бумагу на стол.

Все уселись за стол, и все как-то сразу повеселели, почувствовали себя увереннее, сильнее.

— Сегодня я хочу провести с вами маленькое занятие на тему: «Грош — цена тому коммунисту, который не умеет воспитывать людей в коммунистическом духе». Тема понятна? Запишите на память. Пригодится.

И не торопясь, спокойно, как будто он сидел далеко от фронта, в школе, за учительским столом, Щорс начал читать лекцию о методах политического воспитания бойцов. Канонада усиливалась, снаряды рвались уже около самой станции, какой-то командир вбежал в вокзальное помещение с испуганным лицом:

— Разрешите доложить, товарищ начдив!

— Я сейчас занят. Доложите после.

Окончив лекцию, Щорс сказал:

— А теперь вот что: спать вам эту ночь, конечно, не придется. Надо сейчас же раз'яснить бойцам обстановку и политический момент. Силы противника преувеличены, но бой будет суровый. Предупредите всех, что отступать нам некуда.

★

Днем 30 августа Щорс выехал на машине в район Белошицы, где занимал позиции его самый старый полк — 1-й Богунский. Здесь ожидался главный удар галицийско-петлюровских войск, прорывавшихся к Коростеню. Через Коростень из Киева шли поезда с военным имуществом и ранеными. Другого пути для эвакуации Киева уже не было. Щорс получил приказ: защищать коростеньский железнодорожный узел до последнего штыка. Он подготовил уже для контратаки свой последний резерв — школу краскомов.

В Белошицах машину пришлось оставить. За небольшой рощицей потрескивали одиночные выстрелы. На окраине села стояла на позиции батарея. Вдали, среди желтых полей, темнел хуторок. В бинокль можно было заметить около него движение петлюровцев, видимо, накапливавшихся для атаки. На участке соседнего слева полка бой уже шел.

Щорс направился к переднему краю оборонительной полосы. Его сопровождали Дубовой, только что назначенный к нему заместителем, и командир Богунского полка Кнетек.

Проходя мимо окапывающихся красноармейцев, Щорс здоровался, называя некоторых по имени. Он был весело настроен, шутил.

Красноармейцы говорили:

— Вы бы, товарищ начдив, побереглись. Тут пули как пчелки летают.

Щорс смеялся:

— Разве пуля меня возьмет? Меня только снарядом можно ухлопать.

С некоторыми старыми богунцами Щорс беседовал, присаживаясь около них на корточки.

— Ну как она, жизнь идет?— спрашивал он.

— Все в порядке, товарищ начдив. Сапоги вот получили, все обулись.

— Все ли?

— До единого. Прокопенко только наш поверх сапог лапти еще навязывает.

Прокопенко лежал рядом. Длинные ноги его, действительно, поверх новых сапог были обуты в старые лапти.

— Бережешь? — спросил Щорс.

— А как же, товарищ командир? Походы-то у нас какие! При нашей ходьбе сапогу долго не продержаться, а осенью-то без сапог воевать шибко плохо.

Щорс засмеялся и спросил:

— Винтовка у тебя дедовская?

— Наследственная.

— Хорошо бьет?

— Акуратно.

— Не хуже чем у деда?

— Может, и не хуже.

Щорс хотел уже идти дальше, но Прокопенко, вдруг почему-то смутившись, сказал:

— А у меня до вас секрет есть.

Щорс присел перед ним на корточки. Прокопенко вытащил из кармана акуратно сложенный желтый газетный лист, на кото-

ром поперек печатных строк было написано что-то от руки крупными буквами.

— Вот я бумагу написал.

Это было заявление: «Прошу принять меня до партии большевиков. Остался я один из всего нашего семейства, пострадавшего за революцию».

Прочитав, Щорс написал карандашом: «Рекомендую» — и сказал:

— Передашь председателю полкового коллектива.

В тот же момент где-то далеко застрекотал пулемет. Перед окопами закурилась пыль.

Щорс сейчас же лег, посмотрел в бинокль.

— Ловко бьет, гад, — сказал он.

Петлюровский пулеметчик стрелял с крыши сарая, стоявшего на краю хутора. В бинокль было видно мерцание огня.

— Сколько тебе нужно снарядов, чтобы снять его? — спросил Щорс у лежавшего рядом командира батареи и, не ожидая ответа, сказал:

— А ну посмотрим, жарь!

Командир батареи, пригнувшись, побежал к бугру. Телефонисты потянули за ним провод.

Щорс не отрывал глаз от бинокля. Солнце уже остывало, краснело, никло к горизонту. Видно было все далеко и ясно. Стайка перепелок тяжело, со свистом поднялась из жнивья и полетела низко над золотисто-розовым полем в сторону хутора. Петлюровский пулеметчик, выпустив очередь, замолк на минуту и застрочил опять. Поднимавшаяся пулями пыль курилась над жнивьем шагах в двадцати от Щорса.

— Ждут, гады, пока стемнеет, — сказал Щорс, не отрывая глаз от бинокля, и вдруг, повернувшись, совсем другим тоном, как-то по-детски, весело спросил:

— А почему бы в этой степи нам не выстроить город? Что вы на это скажете, дедушка Ваня?

Щорс лукаво смотрел на своего осанистого заместителя.

Борода у Дубова была пышная, дедовская, а лицо полное, розовощекое, совсем юношеское. Он был только на год моложе Щорса, а Щорсу в мае исполнилось двадцать четыре.

Дубов засмеялся:

— Я полагаю, дедушка Коля, что сейчас нам это немного трудно будет.

— Серьезно говорю, Иван Наумович. Я подумал сейчас: сколько за этот год выросло в дивизии прекраснейших людей! Честное слово, мне жалко будет расставаться с ними после окончания гражданской войны. И зачем? Почему бы нам всем не остаться вместе, построить дивизией где-нибудь в необжитой степи образцовый социалистический город? Назовем его хотя бы «Богуния».

— Я думаю, что предложение можно будет принять, — сказал Дубов.

Батарея открыла огонь. Щорс опять уткнулся в бинокль.

Несколько снарядов легло возле сарая. Щорс считал: «Раз, два, три, четыре» — и вдруг замолк, опустив голову на землю, как будто задремал от усталости. Кнетек схватил Дубова за руку.

— Николай! — окликнул Дубов.

Щорс не отозвался. Дубов подполз, снял с его головы фуражку. С левого виска стекала на бороду струйка крови. На затылке волосы тоже были в крови. Пуля пробила голову навылет.

Шопотом, от одного к другому передавалась весть: «Товарищ Щорс убит», «Погиб начдив». Цепи богунцев замерли. Но вот кто-то поднялся во весь рост, крикнул голосом нечеловеческой силы:

— Да здравствует товарищ Ленин! Да здравствуют большевики! За Коммунистический интернационал ура! — взмахнул над головой винтовкой и побежал вперед.

Он упал, сраженный пулей в нескольких шагах от окопов, но окопы уже опустели: по всему полю, молча, с винтовками наперевес, бежали поднявшиеся без команды богунцы. Несколько минут захлебывались лаем петлюровские пулеметы, испуганно трещали винтовки. Разорвалось в поле, подымая фонтаном землю, с десяток снарядов, а потом все затихло. Богунцы все бежали вперед. Позади остались петлюровские пулеметы и батареи с переколотой прислугой.

Последний, полученный Щорсом боевой приказ был выполнен.

КАК УЗНАТЬ ТЕМПЕРАТУРУ БЕЗ ТЕРМОМЕТРА

+ 36° Цельсия — Большинство насекомых молчит.
+ 34° » — Муравьи не покидают своих куч.
+ 32° » — Пчелы собираются роями вне улья.
+ 30° » — Кузнечик стрекочет очень громко.
+ 28° » — Пчелы работают активнее всего и не злы.
+ 22° » — Пчелы собираются роем внутри улья.
+ 20° » — Муравьи бросают работу.
+ 16° » — Мухи ищут укрытья.
+ 15° » — Рой пчел начинает жужжать (чтобы согреться).
+ 14° » — Кузнечик не может летать.
+ 13° » — Кузнечик не может прыгать.
+ 12° » — Все насекомые молчат.
+ 10° » — Все насекомые замирают.

Приведенные здесь данные приблизительны: они могут меняться, например, от степени влажности воздуха в вашей местности. Но общую картину они все же дают. Насекомые чрезвычайно чувствительны к переменам температуры, и по ним легко судить о ней. Если вы где-нибудь услышите кузнечика, будьте уверены, что в этот момент температура не ниже 20 градусов Цельсия. Если пчела сама начинает нападать на человека — значит температура близка к 23 градусам (в более теплую погоду они добрее и первыми не нападают).

Все эти наблюдения были сделаны в Америке и, возможно, не вполне совпадают с теми, которые будут наблюдаться в наших условиях. Кто из ребят возьмется проверить их?

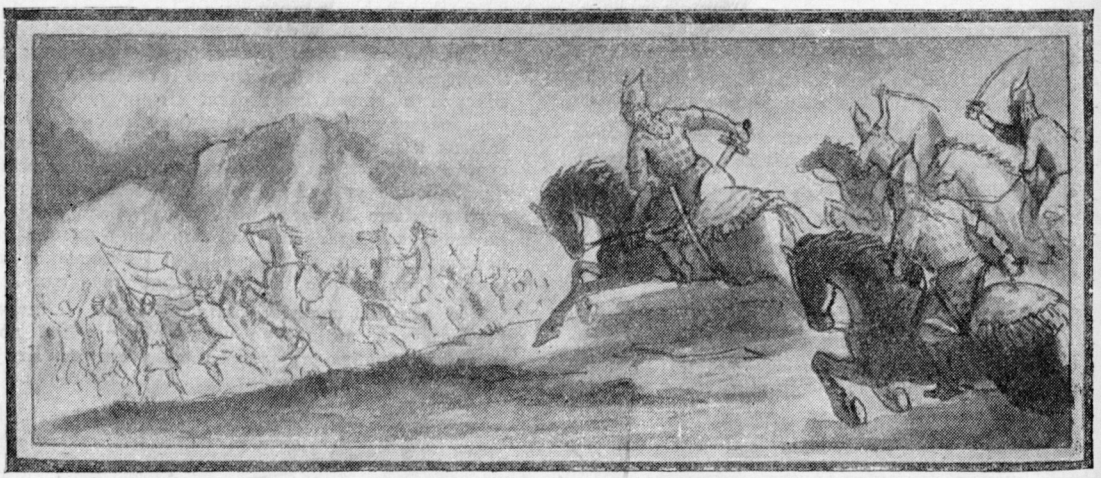
В самых недоступных местах Тибета водится очень редкое животное — большая панда. Панда родственница медведям — не даром она похожа на медвежонка.

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

Перевел и обработал Н. Заболоцкий

(Продолжение)



Повесть четвертая. О том, как Тариэл полюбил Нестан-Дареджан и был послан ею на усмирение хатавов

«Семь властителей когда-то в дальней Индии царили,
Полководцы Фарсадана шесть уделов захватили,
Мой отец, седьмой на троне, сам явился с пышным даром,
Был обласкан Фарсаданом и назначен амирбаром [1].

Окруженный мудрецами, при дворе я царском вырос,
И когда у Фарсадана дочь прелестная родилась, —
Был я отрок в полной силе, львят душил одной рукою,
Станом был могуч и крепок, ликом сходен был с луною.

Нестан-Дареджан, царевна, мне была, увы, не пара.
Фарсадан большую башню ей воздвиг из безоара,
Безоар — волшебный камень, он целит от всех болезней.
И жила царевна в башне, розы утренней прелестней.

Был задернут аксамитом вход в запретные покои,
Днем и ночью здесь курилось благовонное алоэ,
Перед башней из фонтана струи тонкие взлетали,
В цветниках цветы качались, птицы в клетках распевали.

И Давар, сестра царева, овдовевшая в Каджети,
Стерегла царевну в башне, как никто другой на свете.
Две наперсницы стелили ей девическое ложе,
Но Асмат была царевне всех милее и дороже.

[1] Амирбар — адмирал и главнокомандующий войсками.

Раз, с охоты возвращаясь, царь сказал: «Пойдем со мной,
Отнесем добычу нашу в дар царевне молодой».
Взял я пару куропаток, взял убитого оленя
И поднялся с Фарсаданом на пурпурные ступени.

Тут, в ограде изумрудной, где качался кипарис,
Миновали мы ворота и к царевне поднялись.
Царь раздвинул пышный полог и вошел в покой заветный,
Я остался ждать у входа, для царевны незаметный.

Снова занавес открылся. Черноокая Асмат
Приняла мою добычу... И, за полог бросив взгляд,
Деву чудную узрел я, и она меня сразила.
«Горе мне! Копье златое бедный разум мой пронзило».

Тариэл при этом слове пал, как мертвый, но подруга,
Омочив виски водою, привела в сознанье друга,
Тариэл вздохнул глубоко и, едва сдержав рыданье,
Безутешный и печальный, продолжал повествованье:

«Горе мне! Копье златое бедный разум мой пронзило,
Как подкошенный, упал я, сердце сжалось и застыло...
Я очнулся на кровати, царь стоял передо мною,
Плакал горькими слезами, обнимал меня с тоскою.

Слаб я был; мешались мысли, неземным огнем палимы,
Надо мной у изголовья пели мукры [1] и мулимы [2],
Нараспев коран читали муллы, сгорбившись сутуло,
Мой припадок об'ясняли колдовством Веельзевула.

Так три дня, три долгих ночи жизнь и смерть во мне боролись.
Наконец, на день четвертый, превозмог свою я горесть,
Встал с кровати я, но в сердце тлела огненная рана,
Юный лик, кристаллу равный, стал подобием шафрана.

И тогда, глубокой ночью, вся закутана чадрой,
Предо мной Асмат предстала, словно призрак неживой.
— Витязь, — девушка сказала, — вот письмо, читай скорее;
От царевны нашей юной ныне послана к тебе я.

«Лев, — писала мне царевна, — я твоя, не умирай,
Слабость жалкую любовью, полюбив, не называй.
Для влюбленного приличен подвиг, витязя достойный:
Встань, обрушься на хатавов, усмири их край разбойный.

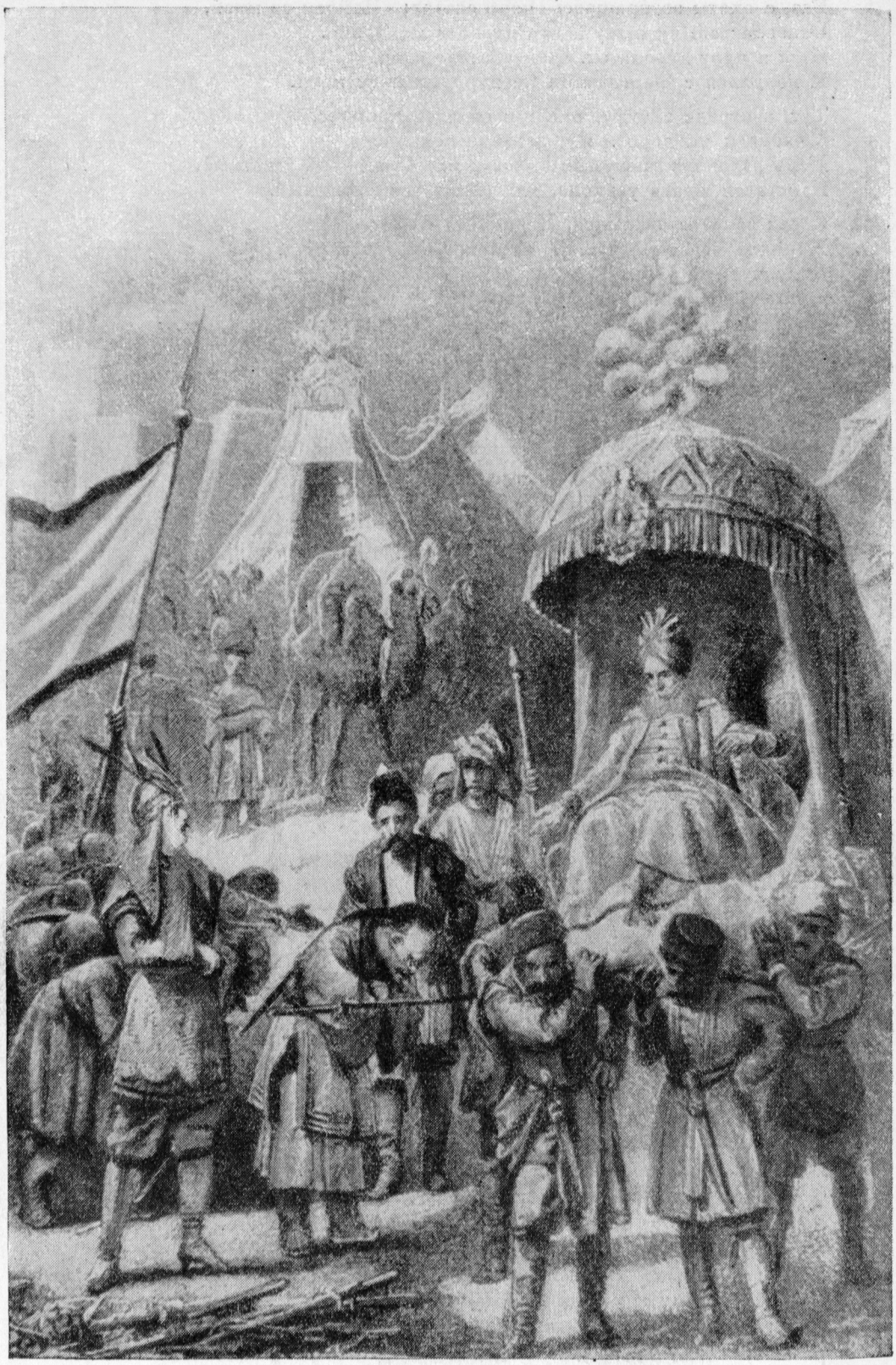
Лев, тебе прилична слава. Заслужи ее, молю.
Я давно тебя желаю, я давно тебя люблю.
Будь же мужествен и крепок. Что тебе вздыхать уныло?
Посмотри, каким сияньем жизнь твою я озарила!»

Я прочел, и предо мною тьма кромешная исчезла,
Радость сердце озарила, и душа моя воскресла,
Подарить хотел Асмат я чашу, полную рубинов,
Но она взяла колечко и ушла, меня покинув.

Мой отец давно скончался. Был в те дни я амирбаром.
О хатавах говорила мне красавица не даром:
Наши данники — хатавы — отказались от налога,
Фарсадан в великом гневе наказать решил их строго.

Я собрал большое войско и пошел на Хатаэти,
Враг бесстыдный и коварный предо мной раскинул сети.
Хан Рамаз послал дары мне и велел сказать вельможам:
— Полководцу Тариэлу мы противиться не можем.

[1] Мукры — чтецы корана.
[2] Мулимы — мусульманские богословы.



Я, украшенный чалмою, был подобен бледной розе.

Мы сдаемся без сраженья, заключайте нас в оковы,
Искупить любой ценою мы грехи свои готовы.
Отпустите же войска вы, приезжайте с Тариэлом,
Мы сдадим вам все богатства и вину загладим делом.

И ответил я Рамазу, вражий умысел почуя:
— О Рамаз, с тобою биться понапрасну не хочу я.
Коль решил ты в самом деле подчиниться Фарсадану,
Я к тебе, как друг, приеду и губить тебя не стану.

Триста витязей отважных я от войска отделил,
Дал им шлемы и кольчуги и к Рамазу поспешил.
Остальным войскам велел я тайно следовать за мною
И, скрываясь в отдаленьи, быть всегда готовым к бою.

Как-то раз в безлюдном поле я взошел на древний холм,
Вдалеке передо мною поднималась пыль столбом:
Это двигались хатавы — люди, полные коварства,
Чтоб схватить нас безоружных и в свое отправить царство.

Веря в легкую победу, шел на нас лукавый враг.
Вот вдали дымок поднялся; это был условный знак.
Справа, слева, друг за другом люди кинулись в сраженье.
Я простер копье, и воин пал на землю без движенья.

Первый ряд, смутившись, дрогнул. Воцарился беспорядок.
Напустился на врагов я, как орел на куропаток,
Одного схватив за ноги, бил без промаха другого,
Громоздил из трупов груды, но враги смыкались снова.

Окруженный их полками, жаркой кровью обливаясь,
Я разил врагов без счета, наступал на них, сражаясь.
На седло мертвец валился переметною сумою,
Где лишь я ни появлялся, — все бежало предо мною.

Время к вечеру клонилось. Солнце в облако садилось.
На холме хатав-дозорный вскрикнул. Все засуетилось.
Вдалеке мои отряды появились, словно тучи,
Пыль неслась, литавры били, кони двигались, могучи.

Овладел врагами ужас. Все бежало в беспорядке.
Царь Рамаз коня пришпорил, убегая без оглядки.
Я настиг его и выбил из седла, и вместе с войском
Был пленен Рамаз лукавый в том сражении геройском.

Всех врагов обезоружив, я исполнил свой обычай
И на родину вернулся с драгоценною добычей.
Много было тут сокровищ — тканей, перлов, изумрудов,
Через силу их тащили больше тысячи верблюдов.

Для себя чалму я выбрал из блестящей черной ткани,
Ни один доселе смертный не слыхал ее названья.
Кто ее соткал,— не знаю. Нити искрами светили,
Точно были из металла, прокаленного в горниле.

Царь меня, как сына, встретил. Я, украшенный чалмою,
Был подобен бледной розе. Все склонялись предо мною.
Во дворец вошел я царский, и царевна тут стояла.
О, как сердце содрогнулось! Как оно затрепетало!

Царь ласкал меня безмерно. Пышный пир сменялся пиром.
Поднимая к небу чаши, мы внимали нежным лирам.
Сладко пели музыканты, и она сидела рядом,
И смеялась, и глядела на меня счастливым взглядом».

Повесть пятая. О том, как была просватана Нестан-Дареджан

«Рано утром царь с царицей во дворец меня позвали.
— Лев, — сказал мне царь, — ты видишь — мы в заботе и печали.
Время старости подходит, горя нам не превозмочь,—
Не послал господь нам сына, лишь одну царевну-дочь.

Время старости подходит, время скорби и недуга,
Для царевны нашей юной мы найти должны супруга.
Пусть на троне Фарсадана воцарится юный царь,
Охраняя государство, как хранил его я встарь.

Я сказал царю: — В каком же вы нуждаетесь совете?
Знают все: царевны нашей нет прекраснее на свете.
Всяк, кого вы изберете, будет рад на трон взойти,
Но царю известно лучше, где достойного найти.

Царь ответил мне: — По сердцу нам царевич хорезмийский.
Сердце замерло. Сидел я бледный, к обмороку близкий.
— Да, — ответила царица, — у соседа славный сын,
Будет он супруг примерный и индийцев властелин.

Было видно — царь с царицей предрешили все заране.
Снова выпало на долю мне большое испытанье.
Спорить с грозным Фарсаданом я боялся и не смел,
Выбор я скрепил согласьем и ушел белей чем мел.

За царевичем послали благородное посольство.
Я сидел в тоске и горе. Грудь терзало беспокойство.
Вдруг письмо ко мне прислала черноокая Асмат:
«Приходи немедля в башню. Жду тебя у входа в сад».

Я поехал, и рабыня мне ворота отворила,
Не сказала мне ни слова, не смеялась, не шутила.
Поднялись мы с нею в башню, и увидел я ее —
Ту, которая пронзила сердце бедное мое.

Словно юная тигрица, укоризненно и гневно
На меня теперь взирала омраченная царевна,
Очи молнии метали, слезы падали на грудь,
Я поник перед царевной и не смел в лицо взглянуть.

— Ты пришел! — она вскричала. — О изменник вероломный!
Что стоишь передо мною молчаливый и безмолвный?
Ты свою нарушил клятву, бог тебе воздаст сторицей,
Не позволит он смеяться над несчастною девицей.

— О царевна! — я воскликнул, — в чем вина моя, не знаю.
Об'ясни мне, что я сделал и за что теперь страдаю?
— Лжец! — ответила царевна. — Ты исполнен лицемерья!
Как в тебе я обманулась, и страдаю как теперь я!

Отдают меня насильно за царевича чужого,
Ты на это согласился, не сказал царю ни слова.
Слишком скоро позабыл ты про любовь свою и муки,
Ты хитрил и притворялся, чтоб избавиться от скуки.

Но запомни — кто б отныне нашей Индией ни правил,
Отступать я не желаю от отечественных правил:
Я царевна, царской крови, чужеземца уничтожу
И тебя предам я смерти — вероломного вельможу.

Слово гневное услышав, посмотрел на деву вновь я,
И зажглась во мне надежда. На ковре, у изголовья,
Виден был коран открытый, он лежал перед царевной,—
Взял коран тогда я в руки и воскликнул вдохновенный:

— Пусть сразят меня на месте гром небес и божья сила,
Пусть меня навек поглотит бесприютная могила,
Солнца лик пусть отвернется от меня — я все снесу,
Если здесь перед тобою слово лжи произнесу.

Я клянусь тебе, о солнце, на святом твоем коране —
Царь избрал тебе супруга чужеземного заране.
Кто царю перечить может? Нет таких во всей стране.
Я, о солнце, крепок сердцем, но скрепил себя вдвойне.

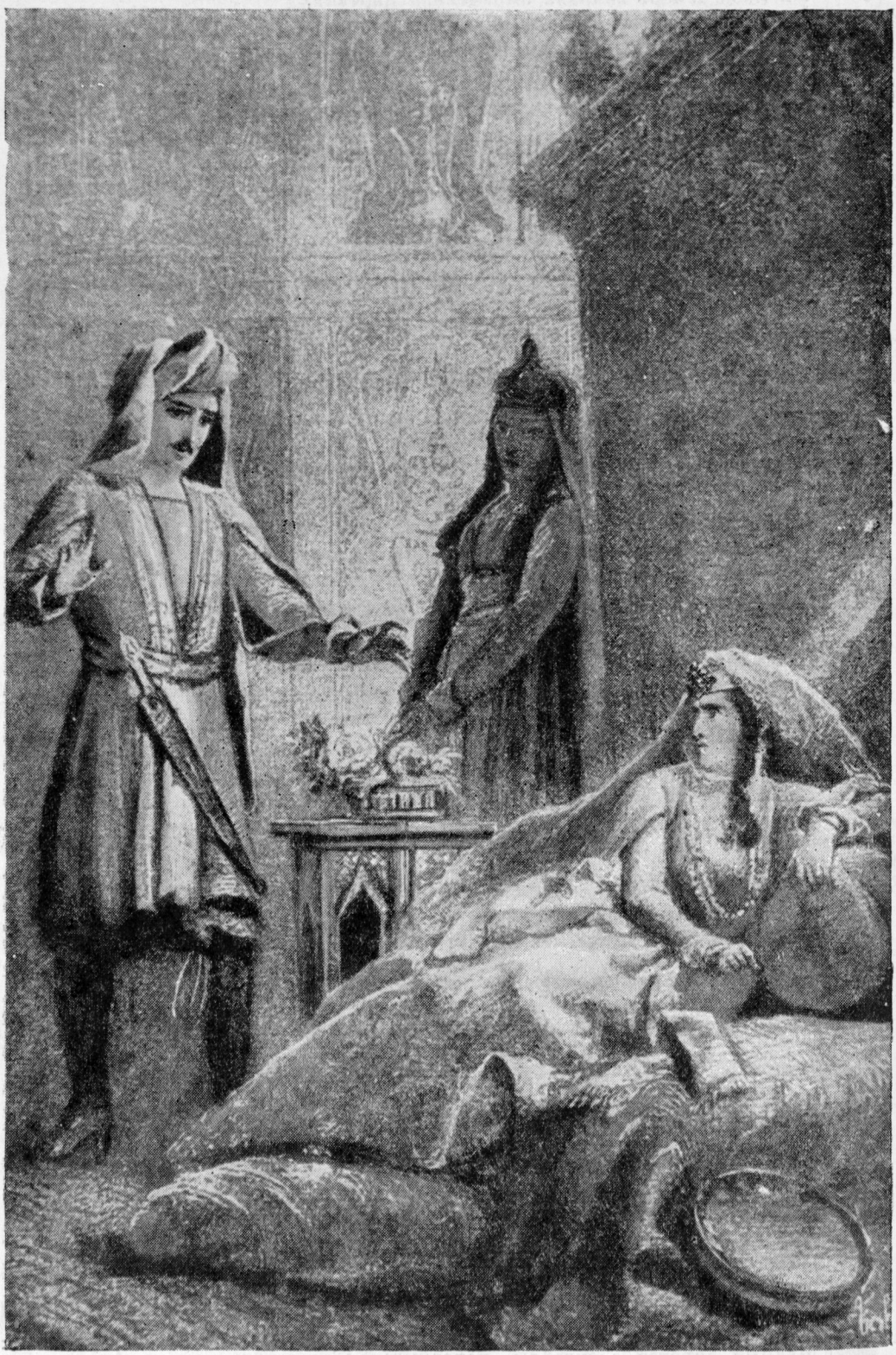
Разве мог я им перечить, если царь и с ним царица
На престол страны индийской пожелали хорезмийца?
Я — законный их наследник, я — последний сын царя,
Я не знаю чужеземца, но спешит сюда он зря.

Я решил: напрасны споры, поступать иначе должно,
Ради сердца душу продал, но скажу тебе неложно —
Уступить тебя, о дева, я не в силах никому.
Не отталкивай безумца, будь приветливей к нему.

— Витязь,— молвила царевна,— верить я тебе готова.
Знаю, в сердце благородном ты не носишь чувства злого.
Отправляйся к Фарсадану и проси моей руки,—
Нашей властью посрамятся фарсадановы враги.

Ливень, розу леденивший, стал прозрачней и теплее,
Губ кораллы приоткрылись, перлы сделались виднее,
Улыбнулась мне царевна, на подушки посадила,
Пламень горестного сердца, улыбаясь, потушила.

— Витязь, — дева говорила, — нам спешить не подобает.
Мудрый борется с судьбою, неразумный — унывает.
Если ты вернешь посольство и царевич не приедет,
Царь поссорится с тобою и любовь твою заметит.



Словно юная тигрица, укоризненно и гневно
На меня теперь взирала омраченная царевна.

Если ж он сюда приедет — их царевич ненавистный,
Фарсадан сыграет свадьбу, надругавшись над отчизной.
Траур будет нам одеждой, мы умрем в тоске и горе,
Хорезмийцы трон захватят и страну погубят вскоре.

— О царевна! — я воскликнул. — Не бывать врагам у трона,
Не достанется пришельцам фарсаданова корона.
Будем ждать их терпеливо, пусть они придут сначала, —
Здесь они простятся с жизнью! — Нет, — царевна отвечала, —

Если ты убьешь невинных, скажут все, что ты убийца.
Не губи людей напрасно, но убей лишь хорезмийца.
Проберись к нему в палатку и, свое исполнив дело,
Перед троном Фарсадана преклони колени смело.

«Царь,— скажи ему,— доселе я служил тебе, как воин,
Но родился от царя я, и наследства я достоин.
Чужеземцам край отцовский не отдам я без сраженья,
Коль препятствовать мне станешь, жди войны и разрушенья».

О любви не затевай ты с Фарсаданом разговора,
Пусть не думают вельможи, что любовь — причина спора.
И пока безумный старец плачет в горести и муке, —
Я царем тебя признаю и в твои предамся руки.

Этот замысел царевны мне, я помню, полюбился.
Хорезмиец был в дороге. Я подумал и решился.
Обезумевший от горя не боится правой мести —
И с царевичем покончить обещался я невесте.

На прощание царевна подарила мне запястье.
Ах, зачем живу я ныне, потеряв былое счастье!
Я чалмой ее укутал. Нити искрами светили,
Точно были из металла, прокаленного в горниле».

Тариэл умолк, печальный, и запястье золотое
Целовал неудержимо, и ему внимали двое.
Потеряв свою невесту, он оплакивал потерю
И в тоске нечеловечьей стал, увы, подобен зверю.

(Продолжение следует)

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

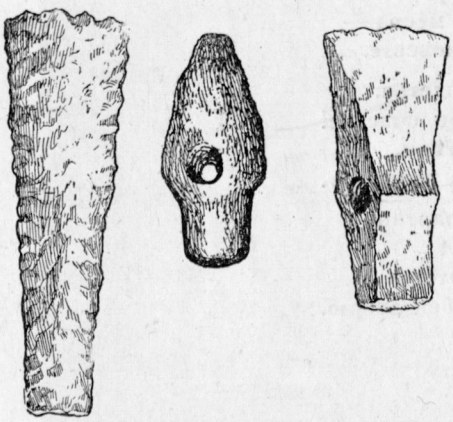
ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

АРХЕОЛОГИЯ

Золотоискатели бронзового века

Недавно в Москву вернулась из Казахстана экспедиция археолога Чудинова. Она привезла с собой замечательные находки.

Чудинов нашел в степях Казахстана остатки древней высокоразвитой горной промышленности. 3 тысячи лет назад в нынешнем Казахстане был бронзовый век. Тогда степные жители умели уже делать не только грубые, каменные орудия: они отливали из бронзы топоры, предметы обихода и украшения. Они добывали и обрабатывали золото.



Чудинов нашел шахты, сохранившиеся на месте древних золотых приисков. Некоторые из шахт идут вниз на глубину 20 и 25 метров. Там от них отходят боковые штреки (галлереи) длиной в 100 и даже 150 метров.

Как же пробивали древние золотоискатели такие ходы сквозь гранит и сланцы? Ведь у них не было даже стали, нето что динамита и аммонала, которыми рвут скалы сейчас.

Древние горняки поступали иначе: они разводили костры, раскаляли камень и обливали его холодной водой. Камень трескался и рассыпался. Добытую золотоносную породу дробили на каменных плитах каменными же молотками и вымывали из нее крупинки золота.

В одной шахте, с заваленным выходом, оказалось два скелета — это скелеты людей, погибших на работе во время обвала шахты. Один еще держит в руках бронзовое долото и каменный молоток. На шеях у них ожерелья из стекла и мастики.

Чудинов откопал в древних шахтах множество разных инструментов. Должно быть, там работали сотни людей. Найдены топоры и кайла из камня, долота из бронзы и из кости, плошки; в них наливался жир и вставлялся фитиль — так освещались шахты.

Никто раньше не думал, что в степях нынешнего Казахстана была такая древняя и такая высокоразвитая культура.

Открытия экспедиции важны не только для археологии, но и для нашего народного хозяйства. Оказывается, древние золотоискатели хоро-

шо умели находить месторождения золота. Древние прииски указывают, где и сейчас можно организовать добычу золота.

Чудинов составил карту древних приисков. В этом году в Казахстан поедет вторая экспедиция. Она выберет самые богатые месторождения золота, которые можно начать разрабатывать немедленно.

ФИЗИКА

Самое большое число

Всем известно, что «самого большого числа» нет и не может быть. К любому числу можно приписать еще несколько цифр и тем самым увеличить его во много раз. Но здесь мы говорим не о самом большом числе в математике, а самом большом числе в окружающей нас природе. Каких предметов в природе больше всего?

Об этом говорил в своем докладе на с'езде крупнейшего ученого общества в мире — Американской ассоциации содействия науке — президент его, известный физик Карл Комптон.

Что же признал он самым большим физическим числом? Число атомов?

Нет, число Комптона несравненно больше. Он взял не атом, а электроны — мельчайшие материальные частицы, известные в науке, которые во много раз еще меньше атома. Комптон задался целью подсчитать, сколько электронов могло бы поместиться в той части нашей вселенной, которую астрономы могут наблюдать в самые сильные телескопы.

Число получилось у Комптона так велико, что мы даже не пишем его здесь, а предоставляем сделать это желающим. Оно изображается единицей с 110 нулями.

«Направленные» радиолучи

Радиостанции излучают в пространство энергию, которая распространяется во все стороны на сотни и тысячи километров.

Но можно ли не дать этой энергии разлетаться по всему свету и даже не дать ей расходиться по широкому пространству, а собрать, сконцентрировать ее в один мощный луч?

Решить эту задачу, которая кажется почти фантастической, удалось ленинградскому профессору А. В. Улитовскому. Он построил «концентратор», который собирает и посылает все волны радиопередатчика в одном направлении. С помощью такого могучего, «направленного» луча можно делать удивительные вещи. Самые тугоплавкие металлы и камни плавятся под этим лучом как лед. Сами собой загораются ни к чему не присоединенные лампочки. Стоящие вблизи люди начинают ощущать странное жжение на теле.

При помощи своего концентратора профессор Улитовский делает то, что ученые и техники считали невозможным: прокатывает и штампует такие хрупкие материалы, как чугун или булыжник, как прокатывают и

штампуют сталь. Перед тем как попасть под пресс или вальки, чугун проходит сквозь луч и сразу становится мягким как воск.

Изготовленные таким образом вещи обладают удивительными свойствами. Так, из дешового чугуна можно сделать части машин, которые заменят дорогие, стальные. При этом лист из «облученного» и прокатанного чугуна легко режется простыми ножницами, а чугунный гвоздь, в свою очередь, режет стекло как алмаз.

Открытие профессора Улитовского имеет огромное значение. Быть может, оно принесет с собой настоящую революцию во многих областях техники. Уже сейчас многие ученые работают над исследованием свойств и способов использования невидимого, «направленного» радиолуча.

Б И О Л О Г И Я

Дресировка пчел

Миллионы маленьких пчел делают немало дела в человеческом хозяйстве. Они дают воск и вкусный питательный мед.

Но как заставить пчел работать для человека еще больше и лучше? Такой вопрос обсуждало недавно в Москве всесоюзное совещание пчеловодов и ученых.

Самое интересное на этом совещании рассказали работники Института пчеловодства Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

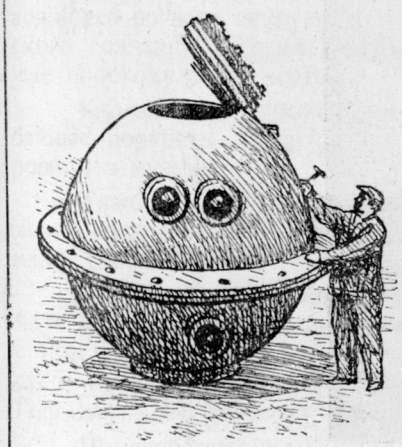
Пчелы очень нужны для опыления семенного клевера. Урожай его увеличивается в несколько раз, если на поле собирают мед пчелы. Но беда в том, что пчелы не всегда летят на клевер: они охотно собирают мед и на других полевых цветах — сорняках.

И вот в Институте начались опыты дресировки пчел. Институт применил учение академика Павлова об условных рефлексах. У пчелы надо было выработать такой рефлекс на клевер, чтобы пчела, увидев цветок клевера или только почуяв его запах, летела бы прямо к нему. Павлову удалось заставить собак выделять желудочный сок, как только раздается звук звонка, хотя никакой пищи собакам не давали. Институту также удалось выработать у пчел нужный рефлекс на клевер.

«Дресированные» пчелы ни за что не полетят на сорняки, если в окрестностях есть клеверные поля. Значит, получается двойная выгода: больше урожай клевера и меньше сорняков.

Сейчас Институт предлагает начать массовую дресировку пчел. Работники Института подсчитали, что уже в этом году можно заставить пчел опылить в десять раз больше клевера чем в прошлом.

Подводная лаборатория



Никто из людей не был так глубоко под водой, как американский натуралист Биби и его спутник Бартон. В своей батисфере они опускались на огромную глубину, почти в целый километр.

Это пока рекорд подводного спуска. Сейчас у нас в СССР строится несколько гидростатов. Один из них рассчитан на сравнительно неглубокие спуски — до 600 метров. Он предназначен для Баренцова моря, а там больших глубин нет вовсе.

Гидростаты будут круглыми как и батисфера Биби, но почти в 4 раза больше и просторней ее. В американском шаре едва помещались два скрючившихся человека, а в наших — будет место для целой лаборатории с тремя сотрудниками и десятками научных приборов.

Оборвись трос у американцев — отважные исследователи неминуемо погибли бы страшной смертью. Не то с нашими гидростатами. Они сделаны из гораздо лучшей стали, и стенки их во много раз тоньше чем у батисферы. В случае обрыва троса достаточно одного поворота рукоятки, чтобы освободить гидростат от балласта, — и тогда он всплывет на поверхность.

Наблюдения, фото- и кинос'емка—все это будет производиться через иллюминаторы — окна из особого стекла, такого же прочного, как закаленная сталь. Кроме того у каждого иллюминатора есть автоматическая стальная крышка. Малейшая трещина или повреждение стекла — и она сама мгновенно захлопнется, не впустив внутрь ни капли воды.

Все, что только может дать наука и техника, чтобы помочь людям работать на огромной глубине,— все будет в наших гидростатах: кислородные аппараты, патроны для поглощения углекислоты, телефон, фото- и киноаппараты, мощные прожекторы, освещающие толщу воды на 50 метров вокруг, отопление, без которого жестоко мерзли американцы, и еще многое другое. Если прервется телефонная связь с поверхностью, то можно будет продолжать разговор по радио. Исследователи, спустившиеся в наших гидростатах, спокойно могут оставаться под водой целые сутки.

Таковы два гидростата, которые строит Научный институт океанографии и рыбного хозяйства. Но еще интереснее третий, который готовит краснознаменный Эпрон — Экспедиция подводных работ особого назначения. Подробности о нем мы сообщим в следующем номере журнала.

ЭРНСТ-ТЕОДОР-АМАДЕЙ ГОФМАН

У берлинского советника юстиции Эрнста-Теодора-Амадея Гофмана был великолепный кот тигровой масти, по имени Мур.

Возвращаясь с судебного заседания или поздно ночью из кабачка, где советник проводил все вечера в компании актеров и литераторов, он всегда заставал кота Мура среди книг своей библиотеки или в ящике письменного стола, куда прятал свой дневник и рукописи (кот умел открывать ящик лапкой). Советник уверял друзей, что Мур чрезвычайно интересуется литературой и, тайком от хозяина, пишет книгу. Вскоре появилась и книга «Рассуждения кота Мура». В день выхода в свет второго тома Мур скоропостижно скончался. Гофман был очень расстроен и разослал всем приятелям траурные извещения о смерти кота.

Никому из знающих Гофмана в голову не пришло смеяться над этим. В причудах этого странного человека чувствовалось что-то большее чем шутка.

«Все, что на самом деле случается,— это и есть самое невероятное,— говорил Гофман.— Нет ничего поразительней и безумней, нежели действительная жизнь».

В самом Гофмане жило два человека: один был советник юстиции, немец до мозга костей, умный, трудолюбивый и честный чиновник, которому только чувство юмора мешало сделаться обывателем.

Другой был «странствующий энтузиаст», художник в самом широком смысле слова: поэт, музыкант, живописец, сумасброд с огненным воображением, которого только любовь к искусству удерживала от безумств.

Им было трудно ужиться рядом. Однако они прожили вместе до последнего дня.

Еще в молодости, когда Гофман служил в Варшаве, люди, нуждавшиеся в юридических советах господина советника юстиции, часто напрасно ожидали его в канцелярии суда. Наскучив ждать, они отправлялись на поиски и находили советника Гофмана в концертном зале местной филармонии. Стоя высоко на качающихся лесах, среди горшков с красками, в серой блузе декоратора и с кистью в руках, советник юстиции с удивительным искусством расписывал стены. Когда зал был отделан, любители музыки на первом же концерте с изумлением увидели советника Гофмана в парадном фраке, с дирижерской палочкой в руках, на капельмейстерском месте перед

оркестром, исполнявшим великолепные произведения Моцарта, Бетховена и Глюка.

Гофман был юрист по наследству (в его роду все мужчины изучали право), художник-карикатурист и музыкант по профессии. Только к 40 годам он понял, что его истинное призвание — литература.

Гофман — юрист, Гофман — живописец и Гофман — музыкант стали постоянными сотрудниками писателя Гофмана. Советник юстиции — опытный следователь — водил его по всем закоулкам человеческой души, открывал ему все тайны человеческого сознания, об'яснял необ'яснимые на общий взгляд поступки, показывал незаметные простому глазу черты.

Карикатурист рисовал ему на память смешные или страшные, уродливые и забавные портреты клиентов господина советника. Музыкант наполнял его книги очарованием музыки.

Тяжба художника с советником юстиции — постоянное столкновение прекрасной мечты художника с реальной, трезвой действительностью — вот основная тема Гофмана. Она звучит почти во всех его произведениях.

Нетрудно узнать почтенного советника юстиции в самодовольном и важном бочаре Мартине, у которого в подмастерьях три художника. Они учатся у него, спорят с ним, восстают против него и все-таки мирятся с ним. Полубезумный капельмейстер Иоган Крейслер — это автопортрет Гофмана-художника. Собрание сочинений Гофмана — его автобиография.

Но двойственность, постоянно мучившая Гофмана в жизни, в литературе стала для него источником необычайного богатства образов, разнообразия красок, стремительной смены картин, причудливого сплетения действительного с воображаемым. Настоящая жизнь выглядит у Гофмана всегда фантастичной, а самые необыкновенные фантазии кажутся вполне реальными.

То, что в жизни было для Гофмана мученьем, сделало его неподражаемым в искусстве, дало ему славу.

В середине 19 века не было в Европе почти ни одного крупного писателя, который не поддался бы очарованию Гофмана. Пушкин был от него в восторге, Гоголь, Тургенев, Бальзак, Стендаль, Диккенс, Гейне и Достоевский испытали на себе его влияние.

У Гофмана было много подражателей.

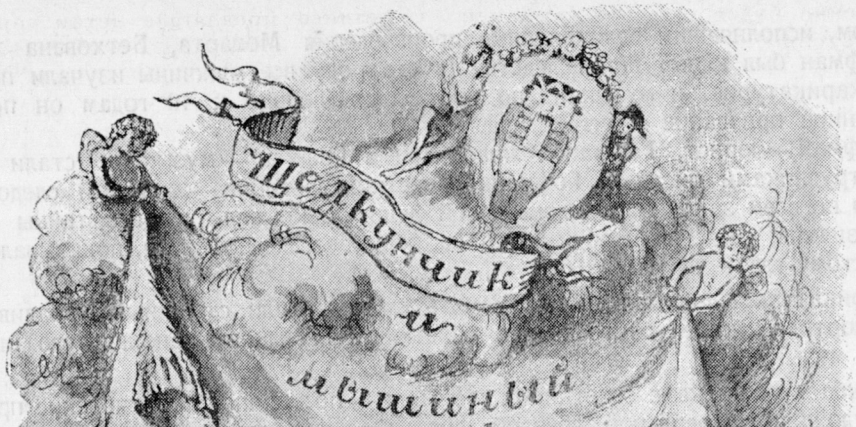
Но так как загадка его необычайного очарования заключалась в его удивительной личности, то никогда больше, ни до Гофмана, ни после него, в литературе не было подобного сочетания самой безудержной и пламенной фантазии с совершенным знанием жизни.

Один из своих фантастических рассказов — про «Щелкунчика и мышиного царя» — Гофман назвал сказкой для детей.

«Признаюсь сам, что в основе моего «Щелкуна» часто мелькают намеки на дела и отношения взрослых... Но, по-моему, совершенная ошибка думать, будто дети с живым воображением, о которых здесь только и может идти речь, довольствуются теми бессодержательными пустяками, какие часто выдают им за сказки. Поверьте, что они требуют гораздо больше, и надо иной раз поистине удивляться, как ловко они схватывают своим маленьким умом такие вещи, какие и в голову не приходят их папенькам...»

В этой фантастической истории, как во всех почти своих произведениях, Гофман участвует сам, и «дети с живым воображением» сейчас узнают его. Он появляется на первой же странице в белом парике, удивительно хорошо сделанном, и в желтом сюртуке советника Дроссельмейера.

Вера Смирнова



Э. Т. А. Гофман *Рис. Ю. Кискачи*

Перевод с немецкого И. С. Татариновой

Елка

24 ДЕКАБРЯ детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а тем паче в смежную с ней парадную залу. В задней комнатке, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им стало очень страшно, когда, как обычно, в этот день в комнату не внесли лампы. Фриц таинственным шопотом сообщил сестренке (ей только что минуло семь лет), что уже с утра в запертой комнате чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через сени прошмыгнул маленький темный человечек с большим ящиком подмышкой; но Фриц наверное знает, что это не кто иной, как крестный Дроссельмейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный Дроссельмейер?

Старший советник суда Дроссельмейер не отличался красотой. Это был маленький, сухонький человечек, с морщинистым лицом, с большим черным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик, который был сделан из стекла и притом чрезвычайно искусно. Вообще, крестный был великим искусником, он даже знал толк в часах и сам умел их делать. Поэтому, когда в штальбаумовском доме начинали капризничать и переставали петь какие-нибудь часы, тогда приходил крестный Дроссельмейер, снимал стеклянный парик, стаскивал желтый сюртучок, повязывал голубой передник и тыкал часы колючими инструментами, так что маленькой Мари было их очень жалко; но вреда часам он не причинял, наоборот, они снова оживали и тут же начинали превесело мурлыкать, звонить и петь, и все этому очень радовались. Всякий раз, как он приходил, он приносил с собой в кармане для ребят что-нибудь занимательное: то человечка, ворочающего глазами и шаркающего ножкой, так что на него нельзя было смотреть без смеха, то коробочку, из которой выскакивала птичка, то еще что-нибудь. А к рождеству он всегда мастерил какую-нибудь красивую искусную игрушку, которая ему стоила много труда, поэтому, как только он ее дарил детям, родители тут же заботливо ее убирали.

Фриц полагал, что в нынешнем году

это непременно будет крепость, а в ней будут маршировать и делать всякие упражнения хорошенькие нарядные солдатики, а потом появятся другие солдатики, чтобы захватить ее, но солдаты, те, что в крепости, отважно выпалят в них из пушек, так что пойдет шум и грохот.

— Нет, нет,— перебила Фрица Мари,— крестный Дроссельмейер рассказывал мне о чудесном саде; там большое озеро, по нему плавают великолепнейшие лебеди с золотыми ленточками на шее и распевают прекраснейшие песни. Потом из сада выйдет девочка, подойдет к озеру, приманит лебедей и будет кормить их сладким марципаном.

— Лебеди не едят марципана,— немного резко перебил Фриц,— а целый сад крестному Дроссельмейеру и не сделать. Да и мало толку нам от его игрушек: у нас тут же все отбирают,— поэтому я больше люблю то, что дарят нам папа с мамой: подарки остаются у нас, и мы можем делать с ними, что хотим.

И вот дети принялись гадать, что им подарят на этот раз. Мари полагала, что мадемуазель Трудхен (ее большая кукла) очень портится: она стала еще неуклюжее чем прежде и непрестанно падает на пол, от чего у нее все лицо в противных отметинах, а о чистоте ее платья нечего и думать. Сколько ей ни выговаривай, ничто не помогает. И потом мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась гретиным зонтичком. Фриц же уверял, что у него в придворной конюшне как раз не хватает гнедого коня, а в войсках маловато кавалерии. Папе это хорошо известно.

Итак, дети отлично знали, что родители накупили им всяких чудесных подарков и сейчас вместе со старшей сестрой Луизой расставляют их на столе.

Подарки

ОЛЬШАЯ елка посреди комнаты была увешена золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие лакомые сласти. Но что больше всего восхищало на чудесном дереве, так это сотни маленьких свечек, которые, словно звездочки, сверкали на темных ветках, а елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, приветливо предлагала детям сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все сияло. И чего там только ни было! Не знаю, кому подсилу это описать. Мари увидела нарядных кукол, хорошенькую игрушечную посуду, но всего краше было шолковое платьице, искусно отделанное цветными лентами; оно висело так, что Мари могла любоваться им со всех сторон.

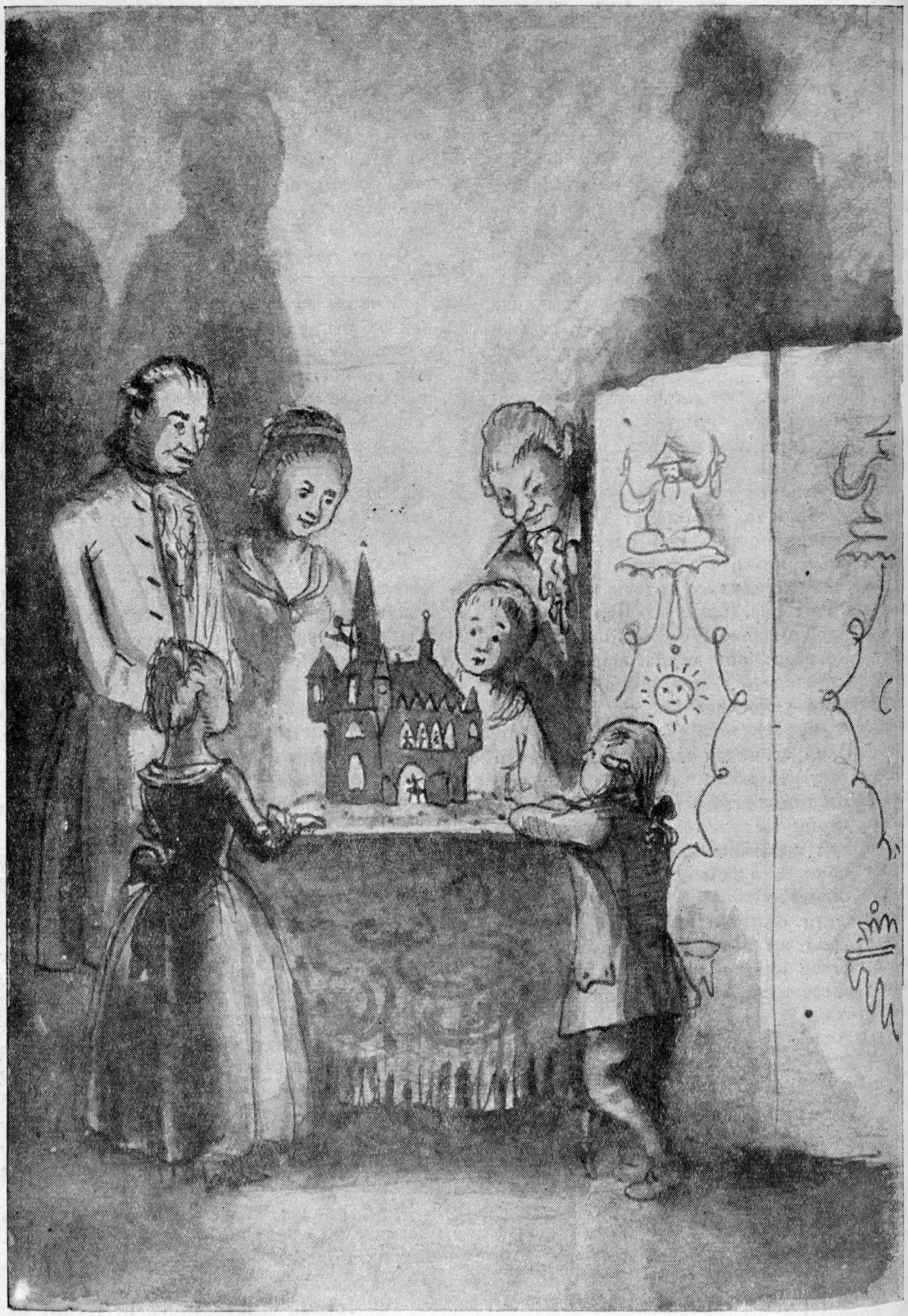
Фриц тем временем уже три или четыре раза галопом и рысью проскакал вокруг стола на новом гнедом коне, который, как он и предполагал, стоял на привязи у стола. Слезая, он сказал, что конь — лютый зверь, но ничего: он уж его вышколит; потом он произвел смотр новому эскадрону гусар; они были одеты в великолепные красные мундиры, шитые золотом, размахивали серебряными саблями и сидели на таких белоснежных конях, что можно было подумать, будто те из чистого серебра.

Только что дети, немного угомонившись, хотели взяться за книжки с картинками, лежавшие раскрытыми на столе, как опять прозвенел колокольчик. Дети знали, что теперь черед подаркам крестного Дроссельмейера, и подбежали к столу, стоявшему у стены. Ширмы, которыми до тех пор был заставлен стол, быстро убрали. Ах, что увидели дети! На зеленой, испещренной цветами лужайке стоял великолепный замок со множеством зеркальных окон и золотых башен. Зазвенели колокольчики, двери и окна распахнулись, и все увидели, как в залах прохаживаются крошечные, но изящные кавалеры и дамы в шляпах с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В среднем зале, который, казалось, весь пылал (столько свечек горело в серебряных люстрах!), под звон колокольчиков плясали дети в коротких камзольчиках и юбочках. Господин в изумрудно-зеленом плаще выглядывал из окна, раскланивался и снова прятался, а внизу, в дверях замка, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмейер, только ростом он был с папин мизинец, не больше.

Фриц оперся локтем на стол и долго рассматривал чудесный замок и танцующих и прохаживающихся человечков; потом он сказал:

— Крестный Дроссельмейер! Пусти меня к себе в замок!

Старший советник суда об'яснил ему, что это невозможно. И он был прав, так



— Крестный Дроссельмейер! Пусти меня к себе в замок!

как со стороны Фрица глупо было стремиться в замок, который вместе со всеми своими золотыми башнями был меньше него. Фриц с этим согласился. Через некоторое время, пока все тем же манером прохаживались кавалеры и дамы, танцовали дети, выглядывал все из того же окна изумрудный человечек, а крестный Дроссельмейер подходил к двери, Фриц в нетерпении воскликнул:

— Крестный Дроссельмейер, а теперь выйди из той, другой двери!

— Это невозможно, милый Фрицхен,— отозвался старший советник суда.

— Ну тогда,— продолжал Фриц,— вели зеленому человечку, что так часто выглядывает из окна, погулять с другими по залам.

— Это тоже невозможно,— снова возразил старший советник суда.

— Ну тогда пусть спустятся вниз дети! — воскликнул Фриц.— Мне хочется получше их рассмотреть!

— Ах, это все невозможно! — сказал старший советник суда раздраженным тоном.— Механизм сделан раз навсегда, и менять его нельзя.

— Ах, та-ак! — протянул Фриц.— Ничего этого нельзя... Послушай, крестный Дроссельмейер, раз нарядные человечки в замке только и знают, что повторять одно и то же, так что в них толку? Мне они не очень-то нужны. Нет, мои гусары куда лучше! Они могут маршировать вперед, назад, как мне вздумается, и они не заперты в доме.

И с этими словами он убежал к рождественскому столу, и по его команде эскадрон на серебряных конях начал скакать вперед, назад — по всем направлениям, рубить саблями и стрелять, сколько душе угодно. Мари тоже наскучили танцы и гулянье куколок в замке. Только ей не хотелось, чтобы это было так заметно, как у брата Фрица, потому что она была доброй и послушной девочкой.

Любимец

МАРИ потому не отходила от рождественского стола, что только сейчас заметила нечто, чего раньше не видала. Благодаря выступлению гусар Фрица, которые парадным маршем подошли к самой елке, оказался на виду замечательный человечек, который держался тихо и скромно, словно спокойно ожидая, когда дойдет очередь и до него. Правда, стройностью он не отличался: немножко чересчур длинное и плотное туловище не совсем соответствовало маленьким и тонким ножкам, да и голова тоже казалась слишком большой. Но многое искупалось тщательностью его одежды, по которой можно было признать в нем человека благовоспитанного и со вкусом. На нем был очень красивый блестящий фиолетовый гусарский доломан, весь в пуговичках и позументах, такие же рейтузы и щегольские сапожки. Правда, казалось смешным, что при таком костюме он нацепил на себя сзади узкий, неуклюжий плащ, словно выкроенный из дерева, а на голову насадил шапчонку рудокопа, но Мари подумала, что крестный Дроссельмейер тоже ходит в прескверном сюртуке и в фантастической шляпе. Это не мешает ему быть милым, дорогим крестным. Вглядываясь в славного человечка, который полюбился ей с первого же взгляда, Мари поняла, какое добродушие разлито в его чертах. Зеленоватые, несколько выпуклые глаза светились приязнью и доброжелательством. Человечку очень шла тщательно завитая борода из белых бумажных ниток, окаймлявшая подбородок, ибо так заметнее выступала ласковая улыбка на его алых губах.

— Ах! — воскликнула, наконец, Мари.— Ах, милый папочка, для кого этот хорошенький человечек, что стоит под самой елкой?

— Он, милая детка,— отвечал отец,— будет усердно трудиться для всех вас: его дело — акуратно разгрызать для вас твердые орехи, и предназначен он и для Луизы и для тебя с Фрицем.

С этими словами отец бережно взял его со стола и приподнял деревянный плащ; тогда человечек широко-широко разинул рот и оскалил два ряда очень белых, острых зубок. Мари всунула ему в рот орех, и — щелк! — человечек разгрыз его, скорлупа упала, и у Мари на ладони очутилось вкусное ядрышко. Теперь уж все — и Мари тоже — поняли, что нарядный человечек вел свой род от Щелкунчиков и продолжал профессию предков. Мари громко закричала от радости, а отец сказал:

— Раз тебе, милая Мари, Щелкунчик пришелся по вкусу, то ты уже сама и заботься о нем и береги его, хотя, как я

уже сказал, и Луиза и Фриц могут наравне с тобой пользоваться его услугами.

Мари сейчас же взяла его и заставила грызть орехи, но она выбирала самые маленькие, чтобы человечку не приходилось слишком широко разевать рот, так как это, по правде сказать, его не красило. Луиза присоединилась к ней, и любезный друг Щелкунчик потрудился и для нее, и это как будто было и ему самому приятно, потому что он неизменно приветливо улыбался. Фрицу тем временем надоело маршировать и скакать на коне. Когда он услыхал, как весело щелкали орешки, он подскочил к сестрам и от всего сердца расхохотался при виде потешного человечка, который теперь переходил из рук в руки и неустанно разевал и закрывал рот. Фрицу ведь тоже хотелось отведать орешков. Он совал ему самые большие и твердые орехи, но вдруг раздался треск—крак-крак!— три зуба выпали у Щелкунчика изо рта, и нижняя челюсть отвисла и зашаталась.

— Ах, бедный, милый Щелкунчик! — закричала Мари и отобрала его у Фрица.

— Что за неловкий дурак! — сказал Фриц.— Берется орехи щелкать, а у самого зубы никуда не годятся. Дай его сюда, Мари! Пусть щелкает мне орехи. Не беда, если и остальные зубы обломает, да и всю челюсть в придачу. Нечего с ним, бездельником, церемониться.

— Нет, нет,— с плачем закричала Мари,— не отдам я тебе моего милого Щелкунчика! Посмотри, как жалостно глядит он на меня и показывает мне свой больной ротик! А ты ведь человек злой: ты бьешь своих лошадей и даже позволяешь солдатам убивать друг друга.

— Так полагается, тебе этого не понять! — воскликнул Фриц.— Но Щелкунчик не только твой, он и мой тоже. Давай его сюда!

Мари залилась слезами и поскорее завернула больного Щелкунчика в носовой платок. Тут подошли родители с крестным Дроссельмейером. К огорчению Мари он принял сторону Фрица. Но отец сказал:

— Я нарочно отдал Щелкунчика на попечение Мари. И, так как, я вижу, именно сейчас он особенно в этом нуждается, пусть она одна им и распоряжается, и пускай никто в это дело не вмешивается. Вообще меня очень удивляет, что Фриц требует дальнейших услуг от пострадавшего на службе. Как настоящий военный, он должен знать, что раненых никогда не оставляют в строю.

Фриц очень сконфузился и, оставив в покое орехи и Щелкунчика, незаметно отошел к другому краю стола, где его гусары, выставив, как полагается, часовых, расположились на ночлег. Мари подобрала выпавшие у Щелкунчика зубы. Пострадавшую челюсть она подвязала красивой белой ленточкой, которую отколола у себя от платья, а потом еще заботливей укутала платком бедного человечка, побледневшего и, видимо, напуганного. Баюкая его, как малого ребенка, она принялась рассматривать красивые картинки в новой книге, которая лежала среди множества других подарков. Она очень рассердилась, хотя это совсем не было в ее привычках, когда крестный Дроссельмейер смеялся над ней за то, что она няньчится с таким уродцем. Ей пришло на ум странное сходство с Дроссельмейером, которое она отметила при первом взгляде на человечка, и она очень серьезно сказала:

— Как знать, милый крестный, как знать, был ли бы ты таким же красивым, как мой милый Щелкунчик, даже если бы принарядился не хуже него и надел такие же щегольские, блестящие сапожки.

Чудеса

Как только войдешь к советнику медицины в гостиную, тут, сейчас же у двери, налево, у широкой стены, стоит высокий стеклянный шкаф, куда дети убирают все те прекрасные подарки, которые они получают каждый год. Луиза была еще совсем маленькой, когда отец заказал шкаф очень умелому столяру, а тот вставил в него такие прозрачные стекла и вообще сделал все с таким искусством, что в шкафу игрушки казались чуть ли не ярче и красивей, чем когда их брали в руки. На верхней полке, до которой Мари с Фрицем было не добраться, стояли замысловатые изделия крестного Дроссельмейера; следующая полка была отведена под книжки с картинками; две нижние Мари и Фриц могли занимать чем им угодно. И всегда выходило так, что Мари устраивала на нижней полке кукольную комнату, а Фриц над ней расквартировывал свои войска. Так случилось и сегодня. Пока Фриц расставлял наверху гусар, Мари отложила к сторонке мадемуазель Трудхен, усадила новую нарядную куклу в отлично обставленную комнату и напросилась к ней на угощение.

Был уже поздний вечер, приближалась полночь, и крестный Дроссельмейер давно ушел, а дети все еще не могли оторваться от стеклянного шкафа, как мама ни уговаривала их идти спать.

— Правда, — воскликнул, наконец, Фриц, — беднягам тоже пора на покой (он имел в виду своих гусар), а в моем присутствии никто из них не посмеет клевать носом, в этом уж я уверен!

И с этими словами он ушел. Но Мари умильно просила:

— Милая мамочка, позволь мне побыть здесь еще минуточку, одну только минуточку. У меня еще столько хлопот, а как только я со всем управлюсь, я сейчас же лягу спать...

Мари была очень послушной, разумной девочкой, и потому мама могла спокойно оставить ее еще на полчасика одну с игрушками. Но, чтобы Мари, заигравшись новой куклой и другими прекрасными игрушками, не позабыла погасить свечи, горевшие вокруг шкафа, мама все их задула, так что в комнате осталась только лампа, висевшая посреди потолка и распространявшая мягкий, уютный свет.

Как только Мари очутилась одна, она сейчас же приступила к тому, что уже давно запало ей на ум и в чем она, сама не зная почему, не решилась признаться даже матери. Она все еще баюкала укутанного в носовой платок Щелкунчика. Теперь она бережно положила его на стол, тихонько развернула платок и осмотрела раны. Щелкунчик был очень бледен, но улыбался так жалостно и ласково, что тронул Мари до глубины души.

— Ах, Щелкунчик, миленький,— сказала она совсем тихо,— пожалуйста, не сердись, что Фриц сделал тебе больно: он ведь не нарочно. Просто он огрубел от суровой солдатской жизни, а так он очень хороший мальчик, уж поверь мне! А я буду беречь и заботливо выхаживать тебя до тех пор, пока ты совсем не поправишься и не повеселеешь. Вставить же тебе крепкие зубки, вправить плечи — это уж дело крестного Дроссельмейера: он на такие штуки мастер.

Но Мари не смогла договорить. Когда она упомянула имя Дроссельмейера, Щелкунчик вдруг скорчил злую мину, и в глазах у него сверкнули колючие зеленые огоньки. Но в тот момент, когда Мари собралась уже испугаться, на нее опять глянуло жалобно улыбающееся лицо честного Щелкунчика, и теперь она поняла, что черты его исказились от вспыхнувшей из-за сквозняка лампы.

— Ну, разве это не глупо, что я так легко испугалась и даже поверила, будто деревянная куколка может корчить гримасы?

С этими словами Мари взяла своего Щелкунчика на руки, подошла к стеклянному шкафу, присела перед ним на корточки и сказала новой кукле:

— Очень прошу тебя, мамзель Клерхен, уступи свою постельку бедному больному Щелкунчику, а сама переночуй как-нибудь на диване.

Мамзель Клерхен, разряженная по-праздничному и важная, надулась, не проронив ни слова.

— И чего я только церемонюсь! — сказала Мари, сняла с полки кровать, бережно и заботливо уложила туда Щелкунчика, обвязала ему пострадавшие плечики очень красивой ленточкой, которую носила вместо кушака, и накрыла его одеялом по самый нос.

«Только незачем ему здесь оставаться у невоспитанной Клары», — подумала она и переставила кроватку вместе с уложенным туда Щелкунчиком на верхнюю полку, где он очутился около красивой деревни, в которой были расквартированы гусары Фрица. Она заперла шкаф и собралась уже отправляться в спальню, как вдруг — слушайте внимательно, дети! — как вдруг во всех углах: за печью, за стульями, за шкафами — пошло тихое-тихое шушуканье, перешептывание и шуршание. А часы на стене зашипели, захрипели все громче и громче, но никак не могли пробить двенадцать. Мари глянула туда: большая золоченая сова, сидевшая на часах, свесила крылья, совсем заслонила ими часы и вытянула вперед противную кошачью голову с кривым клювом. А часы хрипели громче и громче, и Мари явственно расслышала:

— Тик-и-так, тик-и-так! Не хрипите громко так! Слышит все король мышиный. Трик-и-трак, бум-бум! Ну, часы, напев старинный! Трик-и-трак, бум-бум! Ну пробей, пробей, звонок: королю подходит срок!

И... «Бим-бом, бим-бом!» — глухо и хрипло отзвонили часы двенадцать ударов. Мари очень перетрусила, чуть не убежала со страху из комнаты, но тут она увидела, что на часах вместо совы сидел крестный Дроссельмейер, свесив полы своего желтого кафтана по обеим сторонам, словно

крылья; она собралась с духом и громко крикнула плаксивым голосом:

— Крестный Дроссельмейер, крестный Дроссельмейер, зачем ты туда забрался? Слезай вниз и не пугай меня, гадкий крестный Дроссельмейер!

Но тут отовсюду поднялись странное хихиканье и писк, и за стеной пошли беготня и топот, будто от тысячи крошечных лапок, и тысячи крошечных огонечков глянули сквозь щели в полу. Но то были не огоньки, нет, а маленькие блестящие глазки, и Мари увидала, что отовсюду выглядывали и выбирались из-под полу мыши. Вскоре по всей комнате пошло: «Топ-топ, хоп-хоп!» Все ярче светились глаза мышей, все несметнее становились их полчища, наконец, они выстроились в том же порядке, в каком Фриц обычно выстраивал своих солдатиков перед боем. Мари это очень насмешило, и, так как у нее не было врожденного отвращения к мышам, как у иных детей, страх ее было совсем улегся, но вдруг пошел такой ужасный и пронзительный писк, что у нее по спине забегали мурашки. Ах, что она увидела! Нет, право же, уважаемый читатель, я отлично знаю, что у тебя бесстрашное сердце, но если бы ты увидел то, что предстало взорам Мари, право, ты бы удрал. Бедная Мари не могла этого сделать, потому что—вы только послушайте, дети! — к самым нотам ее, словно от подземного толчка, дождем посыпались песок, известка и осколки кирпича и из-под полу с противным шипением и писком вылезли семь мышиных голов в семи ярко сверкающих коронах. Вскоре выбралось целиком и все туловище, на котором сидели семь голов, и все войско хором трижды приветствовало громким писком огромную мышь, увенчанную семью диадемами. Теперь войско сразу пришло в движение и двинулось прямо к шкафу, прямо на Мари, которая все еще стояла, прижавшись к стеклянной дверце. От ужаса у Мари уже и раньше так колотилось сердце, что она боялась, как бы оно тут же не выпрыгнуло из груди, потому что ведь тогда она умерла бы. Теперь же ей показалось, будто кровь застыла у нее в жилах. Она зашаталась, теряя сознание. Вдруг раздалось: «Клинг-клар-хрр!..» — и посыпались осколки стекла, которое Мари разбила локтем. В тот же момент она почувствовала жгучую боль в левой руке, но у нее сразу отлегло от сердца: она не слышала больше визга и писка. Все мигом стихло. И хотя она не смела открыть глаза, все же ей подумалось, что звон стекла испугал мышей и они попрятались по норам. Но что же это опять такое? У Мари за спиной, в шкафу, поднялся странный шум и зазвенели тоненькие голосочки:

— Стройся, взвод! Стройся, взвод! В бой, вперед! Полночь бьет! Стройся, взвод! В бой, вперед! — и начался стройный и приятный перезвон мелодичных колокольчиков.

Тут она увидела, что шкаф странно светится и в нем идет какая-то возня и суетня. Куклы беспорядочно бегали взад и вперед и размахивали ручками. Вдруг поднялся Щелкунчик, сбросил одеяло и одним прыжком соскочил с кровати, громко восклицая:

— Щелк-щелк-щелк, глупый мышиный полк! То-то будет толк, мышиный полк! Щелк-щелк, мышиный полк!

И при этом он выхватил свой крохотный меч, замахал им в воздухе и закричал:

— Эй вы, мои верные вассалы, други и братья, постоите ли вы за меня в тяжком бою?

И сейчас же громко отозвались три скарамуша, Панталоне, четыре трубочиста, два бродячих музыканта и барабанщик:

— Да, наш государь, мы верны вам до гроба, ведите нас в бой на смерть или на победу!

И они ринулись вслед за Щелкунчиком, который, горя воодушевлением, отважился на отчаянный прыжок с верхней полки.

Едва Щелкунчик прыгнул на пол, как вновь поднялись визг и писк. Ах, ведь под большим столом собрались несметные полчища злокозненных мышей! Впереди всех выступает отвратительная мышь о семи головах. Что-то будет?

Битва

БАРАБАНЩИК! Мой верный вассал, бей общее наступление! — вскричал очень громко Щелкунчик.

И тотчас же барабанщик начал выбивать дробь искуснейшим манером, так что стеклянные дверцы шкафа задрожали и задребезжали.

Вдруг в шкафу что-то загремело и затрещало, и Мари увидела, что разом открылись все коробки, в которых были расквартированы войска Фрица, и солдаты прыгнули из них прямо на нижнюю полку и там выстроились блестящими рядами.

...войско пришло в движение и двинулось прямо к шкафу.

Щелкунчик бегал вдоль рядов, воодушевляя войска своими речами.

— Где эти негодяи-трубачи? Почему они не трубят? — закричал раздраженный Щелкунчик, затем он быстро повернулся к слегка побледневшему Панталоне, у которого сильно трясся длинный подбородок, и торжественно произнес:

— Генерал, мне известны ваши доблесть и опытность! Все дело в быстрой оценке положения и использовании момента. Вверяю вам командование всей кавалерией и артиллерией. Коня вам не требуется: у вас очень длинные ноги, так что вы отлично поскачете и на своих на двоих. Исполняйте свой долг!

Панталоне сейчас же всунул в рот длинные сухие пальцы и свистнул так пронзительно, будто затрубили сто трубачей враз. В шкафу поднялись ржание и топот, и — гляди-ка! — кирасиры и драгуны Фрица, а впереди всех новые блестящие гусары выступили в поход и скоро очутились внизу, на полу. Полк за полком дефилировали перед Щелкунчиком с развевающимися знаменами и барабанным боем и выстраивались широкими рядами поперек всей комнаты. Артиллерия Фрица, сопровождаемая артиллеристами, с грохотом проехала вперед и пошла бухать: «Бум-бум!».

И Мари увидела, как в густые полчища мышей полетело драже, напудрив их добела сахаром. Больше же всего вреда нанесла им тяжелая батарея, в'ехавшая на мамину скамеечку для ног и — «Бум-бум!» — непрерывно обстреливавшая неприятеля кедровыми орешками, от чего полегло немало мышей. Однако мыши все наступали и даже захватили несколько пушек; но тут поднялся шум, и из-за дыма и пыли Мари с трудом могла разобрать, что происходит. Одно только было ясно: обе армии бились с большим ожесточением, и победа переходила то на ту, то на другую сторону. Мыши вводили в бой все свежие и свежие силы, и серебряные пилюльки, которые они бросали весьма искусно, долетали уже до самого шкафа. Раз за разом бухали пушки: «Прр-прр-пу-пу! Трах-тарарах-трах-тарарах! Бум-бурум-бум-бурум-бум!» И тут же пищал и визжал мышиный король с мышами, а потом снова раздавался могучий голос Щелкунчика, отдающего нужные распоряжения. И было видно, как сам он обходит под огнем свои батальоны. Панталоне провел несколько чрезвычайно доблестных кавалерийских атак и покрыл себя славой; но мышиная артиллерия засыпала гусар Фрица отвратительными, зловонными ядрами, от которых на их красных мундирах оставались некрасивые пятна, почему гусары и не рвались вперед. Панталоне скомандовал им налево кругом и, воодушевившись ролью полководца, сам, а за ним и кирасиры и драгуны сделали то же, то есть повернулись налево и отправились восвояси. Вследствие этого положение батареи, занявшей позицию на скамеечке для ног, стало угрожающим, и не пришлось долго ждать, как нахлынули полчища мышей и бросились в атаку столь яростно, что перевернули скамеечку вместе с артиллерией и артиллеристами. Щелкунчик, повидимому, был очень поражен и скомандовал отступление и на правом фланге.

Теперь Щелкунчик, со всех сторон теснимый врагом, находился в крайней опасности. Он было хотел перепрыгнуть через край шкафа, но ноги у него были слишком коротки. Клерхен и Трудхен лежали в обмороке — помочь ему они не могли. Гусары и драгуны резво скакали мимо него, прямо в шкаф. Тогда он в предельном отчаянии громко воскликнул:

— Коня, коня! Полцарства за коня!

В этот миг два вражеских стрелка вцепились в его деревянный плащ, и мышиный король подскочил к нему, испуская победный писк из всех своих семи глоток. Мари не могла больше владеть собой.

— О мой бедный Щелкунчик! — воскликнула она, рыдая, и, не отдавая себе точного отчета в том, что делает, сняла башмак с левой ноги и со всей силы швырнула им в самую гущу мышей, прямо в их короля.

В тот же миг все, словно прахом, разлетелось, а Мари почувствовала боль в левом локте, еще более жгучую чем раньше, и без чувств повалилась на пол.

Болезнь

КОГДА Мари очнулась будто после глубокого забытья, она увидела, что лежит у себя в постели, а сквозь замерзшие окна в комнату светит яркое, искрящееся солнце. У самой постели сидел чужой человек, в котором она, однако, скоро узнала хирурга Вендельштерна. Он сказал вполголоса:

— Наконец-то она очнулась...

Тогда подошла мать и посмотрела на нее пытливым взглядом.

— Ах милая мамочка,— пролепетала маленькая Мари,— что, противные мыши убрались, наконец, и милый Щелкунчик спасен?

— Полно вздор болтать, милая Мари,— возразила мать.— Зачем понадобился мышам Щелкунчик? И вот ты, нехорошая девочка, до смерти напугала нас. Так всегда бывает, когда дети своевольничают и не слушаются родителей. Ты вчера до поздней ночи заигралась в куклы, потом задремала, и, верно, тебя напугала случайно прошмыгнувшая мышка, которых у нас вообще не водится. Словом, ты расшибла локтем стекло в шкафу и так порезала себе руку, что господин Вендельштерн, который как раз сейчас вынимал у тебя из раны застрявшие там осколки, полагает, что если бы ты порезала себе стеклом вену, то на всю жизнь осталась бы калекой и, может быть, даже истекла бы кровью. Слава богу, я проснулась в полночь и, увидя, что тебя все еще нет в спальне, пошла в гостиную. Ты без сознания лежала на полу, у самого шкафа, вся в крови. Я сама со страху чуть не потеряла сознания. Ты лежала на полу, а вокруг разбросаны были оловянные солдатики Фрица и другие игрушки. Щелкунчика ты держала в левой руке, из которой сочилась кровь, а неподалеку от тебя валялся твой башмак.

— Ах, мамочка, мамочка! — перебила ее Мари.— Видите, ведь это же были следы великой битвы между куклами и мышами! Оттого-то я так и испугалась, что мыши хотели забрать в плен бедного Щелкунчика, командовавшего кукольными войсками. Тогда я швырнула башмаком в мышей, а что было дальше, не знаю.

Хирург Вендельштерн подмигнул матери, и та очень ласково стала уговаривать Мари:

— Полно, полно, милая детка, успокойся! Мыши все убежали, а Щелкунчик стоит за стеклом в шкафу, целый и невредимый.

Тут в спальню вошел советник медицины и завел долгий разговор с хирургом Вендельштерном, потом он пощупал у Мари пульс, и она слышала, что речь шла о лихорадке, вызванной раной. Ей пришлось лежать в постели и глотать лекарство. Так продолжалось несколько дней, хотя, если не считать боли в локте, она почти не чувствовала недомогания. Она знала, что милый Щелкунчик вышел из битвы целым и невредимым, и по временам ей чудилось, как сквозь сон, будто он очень явственным, хотя и чрезвычайно печальным голосом говорил ей:

— Мари, прекраснейшая дама, многим я вам обязан, но вы можете сделать для меня еще больше.

Мари тщетно раздумывала, что бы это могло быть; но ничего не приходило ей в голову. Играть по-настоящему Мари не могла из-за больной руки, а если она бралась за чтение или принималась перелистывать книжки с картинками, то у нее в глазах рябило и ей приходилось отказываться от этого занятия. Поэтому время тянулось для нее бесконечно долго, и она едва могла дождаться сумерек, когда мать садилась у ее кровати и читала и рассказывала ей всякие чудесные истории. Мать как раз кончила превосходную сказку про принца Факардина, как вдруг открылась дверь и вошел крестный Дроссельмейер.

Как только Мари увидела крестного Дроссельмейера в обычном желтом сюртучке, у нее перед глазами со всей живостью всплыла та ночь, когда Щелкунчик потерпел поражение в битве с мышами, и она невольно крикнула старшему советнику суда:

— О крестный Дроссельмейер, как ты гадко поступил! Я отлично видела, как ты сидел на часах и свесил на них свои крылья, чтобы часы били потише и не спугнули мышей. Я отлично слышала, как ты позвал мышиного короля! Почему ты не поспешил на помощь Щелкунчику, почему ты не поспешил на помощь мне, гадкий крестный Дроссельмейер? Разве не ты один виноват, что я порезала руку и теперь должна лежать больная в постели?

Мать в страхе спросила:

— Что с тобой, дорогая Мари?

Но крестный Дроссельмейер скорчил странную мину и заговорил трескучим монотонным голосом:

— Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука! Трик-и-трак! Всегда и впредь должен маятник скрипеть, песни петь. А когда пробьет звонок: «Бим-и-бом!» — подходит срок. Не пугайся, мой дружок! Бьют часы и в срок и кстати, на погибель мышьей рати, а потом слетит сова. Раз-и-два и раз-и-два! Бьют часы, коль срок им выпал. Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука! Тик-и так и трик-и-трак!

Мари широко открытыми глазами уставилась на крестного Дроссельмейера, потому что он казался совсем другим и гораздо более уродливым чем обычно, а пра-

вой рукой он махал взад и вперед, будто лаяц, которого дергают за веревочку. Она бы очень испугалась, если бы тут не было матери и если бы Фриц, прошмыгнувший в спальню, не прервал крестного громким смехом.

Мать попрежнему была очень серьезна и сказала:

— Дорогой господин старший советник, это ведь действительно странная штука. Что вы, собственно, имеете в виду?

— Господи боже мой! — ответил Дроссельмейер смеясь.— Разве вы позабыли мою любимую песенку часовщика, которую я часто напеваю? Я всегда пою ее таким болящим, как Мари.

И он быстро подсел к кровати и сказал:

— Не сердись, что я не выцарапал мышиному королю все четырнадцать глаз разом, этого нельзя было сделать. А зато я тебя сейчас порадую.

С этими словами старший советник суда полез в карман и тихонько вытащил оттуда Щелкунчика, которому он очень искусно вставил выпавшие зубки и вправил больную челюсть.

Мари громко вскрикнула от радости, а мать сказала улыбаясь:

— Вот видишь, как хорошо относится крестный Дроссельмейер к твоему Щелкунчику...

— А все-таки сознайся, Мари,— перебил крестный Дроссельмейер жену советника медицины,— а все-таки сознайся: Щелкунчик не отличается стройностью, и лицо его нельзя назвать красивым. Если тебе хочется послушать, я могу рассказать, как такое уродство проникло в его семью и стало там наследственным. А может быть, ты уже знаешь сказку о принцессе Пирлипат, ведьме Мышильде и искусном часовщике?

— Послушай-ка, крестный Дроссельмейер! — вдруг перебил его Фриц.— Что верно, то верно: ты отлично вставил зубы Щелкунчику, и челюсть тоже уже не шатается. Но почему у него нет сабли, почему ты не повязал ему сабли?

— Ну ты, неугомонный,— проворчал старший советник суда,— тебе нужно все знать, во все нос совать. Меч Щелкунчика меня не касается, я вылечил его, пусть сам раздобывает себе меч, где хочет.

— Правильно! — воскликнул Фриц.— Если он храбрый малый, то добудет себе оружие.

— Итак, Мари, — продолжал старший советник суда,— скажи, знаешь ли ты сказку о принцессе Пирлипат?

— Ах, нет,— ответила Мари,— расскажи, милый крестный Дроссельмейер, расскажи!

И старший советник суда начал так:

Сказка о твердом орехе

МАТЬ Пирлипат была супругой короля, а посему королевой, а Пирлипат, как родилась, так в тот же миг и стала прирожденной принцессой. Король нарадоваться не мог на почивавшую в колыбельке красавицу-дочурку. Он шумно ликовал, танцовал, прыгал на одной ножке и непрестанно кричал:

— Хейза! Видал ли кто-нибудь девочку прекраснее моей Пирлипатхен?

А все министры, генералы, советники и свита прыгали на одной ножке, как их отец и повелитель, и хором кричали:

— Нет, никогда!

Да, по правде говоря, и нельзя было отрицать, что с тех пор, как стоит мир, не появлялось еще на свет младенца, прекраснее принцессы Пирлипат. Личико у нее было словно соткано из лилейно-белого и нежнорозового шолка, глазки — живая сияющая лазурь, а особенно украшали ее волосики, вившиеся золотыми колечками. При этом Пирлипатхен родилась с двумя рядами беленьких как жемчуг зубок, которыми она два часа спустя после рождения впилась в палец рейхсканцлера, когда он пожелал поближе исследовать черты ее лица, так что он завопил: «Боже мой!» Некоторые, впрочем, утверждают, будто он крикнул: «Ай-ай-ай!» Еще и по сей день голоса расходятся. Короче, Пирлипатхен на самом деле укусила рейхсканцлера за палец, и тогда восхищенный народ уверился в том, что в очаровательном, ангельском тельце Пирлипат обитает и душа, и ум, и чувство. Как сказано, все были в восторге. Одна королева, неизвестно почему, тревожилась и беспокоилась. Никто не знал, почему. Особенно бросалось всем в глаза, что она приказала неусыпно стеречь колыбельку Пирлипат. Мало того, что у дверей стояли драбанты: было отдано распоряжение, чтобы в комнате, кроме двух нянюшек, постоянно сидевших у самой колыбельки, еженощно находились еще шесть нянек и — что казалось совсем нелепым и чего никто не мог понять — каждая нянь-

ка должна была держать на коленях кота и всю ночь гладить его, чтобы он, не переставая, мурлыкал. Вам, милые детки, ни почем не угадать, зачем мать Пирлипат принимала все эти меры, но я знаю, зачем, и сейчас расскажу и вам. Раз как-то случилось, что ко двору короля, родителя Пирлипат, с'ехалось много славных королей и весьма приятных принцев. По сему поводу король решил задать колбасный пир, вскочил в карету и самолично пригласил всех окрестных королей и принцев на тарелку супу, мечтая поразить их роскошью. Потом он очень ласково сказал своей супруге-королеве:

— Милочка, тебе ведь известно, как приготовить мне колбасу по вкусу.

Королева уже знала, что она должна лично заняться весьма полезным делом— изготовлением колбас, которым не брезговала и раньше. Старшему казначею пришлось немедленно отправить на кухню большой золотой котел и серебряные кастрюли; печь растопили дровами сандалового дерева; королева повязала свой шолковый кухонный передник. И вскоре из котла потянуло вкусным духом колбасного навара. Приятный запах проник даже в государственный совет.

Наступил как раз важный момент: пора было разрезать на ломтики сало и поджаривать его на золотых вертелах. Но как только сало начало зарумяниваться, послышался тоненький полузаглушенный голосок:

— Дай и мне отведать сальца, сестрица! И я хочу полакомиться, я ведь тоже королева, дай и мне отведать сальца!

Королева отлично знала, что это говорит госпожа Мышильда. Госпожа Мышильда уже много лет проживала в королевском дворце. Она утверждала, будто состоит в родстве с королевской фамилией и сама является королевой страны Мышляндии, почему она и держала под печкой большой двор. Королева была женщиной доброй и тароватой; хотя вообще она не почитала госпожу Мышильду королевой и своей сестрой, но в такой торжественный день от всего сердца допустила ее на пиршество и крикнула:

— Вылезайте, госпожа Мышильда! Покушайте на здоровье сальца.

И госпожа Мышильда быстро и весело выпрыгнула из-под печки, вскочила на плиту и стала хватать изящными лапками один за другим кусочки сала, которые ей протягивала королева. Но тут нахлынули все кумовья и тетушки госпожи Мышильды и даже ее семь сыновей, отчаянных сорванцов; они набросились на сало, и королева сперепугу не знала, как быть. К счастью, тут подоспела обергофмейстерина и прогнала непрошенных гостей. Таким образом уцелело немного сала, которое, согласно указаниям призванного по этому случаю придворного математика, было весьма искусно распределено между всеми колбасами.

Забили в литавры, затрубили в трубы. Все монархи и принцы в великолепных, праздничных одеяниях — одни на белых конях, другие в хрустальных каретах — потянулись на пир. Король принял их ласково и с почетом, а затем, в короне и со скипетром, сел (в качестве государя этой страны) во главе стола. Уже пока ели ливерные колбасы, все заметили, как все больше и больше бледнел король, как он возводил очи к небу. Тихие вздохи вылетали из его груди, и казалось, что его душой овладела сильная скорбь. Но когда пришел черед кровяной колбасе, он, громко рыдая и стеная, откинулся на спинку кресла, обеими руками закрыл себе лицо, плакал и рыдал. Все повскакали из-за стола. Лейбмедик тщетно пытался нащупать пульс у злосчастного короля. Казалось, того снедает глубокая, неиз'яснимая тоска. Наконец, после долгих уговоров, после применения сильных средств, какими являются жженые гусиные перья и тому подобное, казалось, король начал приходить в себя; едва слышно пролепетал он:

— Слишком мало сала!..

Тогда неутешная королева упала ему в ноги и простонала:

— О мой бедный, несчастный царственный супруг! О, какое горе пришлось вам вынести! Но, взгляните: виновница у ваших ног — покарайте, строго покарайте ее! Ах, госпожа Мышильда со своими семью сыновьями, кумовьями и тетушками с'ела сало и...

С этими словами королева без чувств упала навзничь. Но король вскочил, пылая гневом, и громко крикнул:

— Обергофмейстерина, как это случилось?

Обергофмейстерина рассказала, что знала, и король решил отомстить госпоже Мышильде и ее роду, которые сожрали сало, предназначенное для его колбас. Призвали тайного статского советника. Решили возбудить процесс против госпожи Мышильды и отобрать в казну все ее владения. Но

так как король полагал, что тем временем она сможет, когда ей вздумается, пожирать сало, то он поручил все дело придворному часовых дел мастеру и чудодею. Этот человек, которого звали так же, как и меня, а именно Христиан-Элиас Дроссельмейер, обещал при помощи совершенных, особых, исполненных государственной мудрости мер навеки-вечные изгнать госпожу Мышильду со всей семьей из дворца. И в самом деле, он изобрел весьма искусные машинки, к которым было привязано поджаренное сало. Дроссельмейер расставил их вокруг жилища госпожи — любительницы сала. Сама госпожа Мышильда была слишком умудрена опытом, чтобы не понять хитрости Дроссельмейера, но ни ее предостережения, ни ее увещания не помогли: все семь сыновей и много-много кумовьев и тетушек госпожи Мышильды, привлеченные вкусным запахом жареного сала, забрались в дроссельмейеровские машинки и только хотели полакомиться салом, как их неожиданно прихлопнула опускающаяся дверца, а затем их предали на кухне позорной казни. Госпожа Мышильда с небольшой кучкой уцелевших покинула эти места скорби и плача. Горе, отчаяние, жажда мести клокотали у нее в груди. Двор ликовал, но королева была встревожена, ибо знала нрав госпожи Мышильды и отлично понимала, что та не оставит неотмщенной смерть сыновей и близких. И в самом деле, госпожа Мышильда появилась как раз тогда, когда королева готовила для царственного супруга паштет из печонки, который он охотно кушал, и сказала:

— Мои сыновья, кумовья и тетушки убиты. Берегись, госпожа королева, как бы королева мышей не загрызла малютку-принцессу, берегись!

Затем она снова исчезла и больше не появлялась.

— Ну на сегодняшний вечер довольно. Слишком много сразу — вредно для здоровья. Продолжение завтра.

В ту минуту, когда старший советник суда собирался уже выйти за дверь, Фриц спросил:

— Скажи-ка, крестный Дроссельмейер, это на самом деле правда, что ты выдумал мышеловки?

— Что за вздор ты городишь, Фриц! — воскликнула мать.

Но старший советник суда очень странно улыбнулся и тихо сказал:

— А неужели я, искусный часовщик, не смог бы выдумать мышеловку?

Продолжение сказки о твердом орехе

У, дети, теперь вы хорошо знаете,— так продолжал на следующий вечер старший советник суда Дроссельмейер,— почему королева приказала столь бдительно стеречь прекрасную принцессу Пирлипат. Как же было ей не бояться, что госпожа Мышильда выполнит свою угрозу, вернется и загрызет малютку-принцессу?! Машинка Дроссельмейера ничего не могла поделать с умной и предусмотрительной госпожой Мышильдой, и лишь придворный астроном, бывший одновременно старшим тайным предсказателем и звездочетом, заявил, что только род кота Мура в состоянии отвадить госпожу Мышильду от колыбельки. Потому-то каждая нянька должна была держать на коленях одного из сынов этого рода, которых, вообще говоря, пожаловали чином тайного советника посольства, и услаждать им бремя государственной службы учтивым почесыванием за ухом. Как-то уже в полночь одна из двух обергофнянек, что сидели у самой колыбельки, вдруг очнулась, словно от глубокого сна. Все вокруг было охвачено сном: никакого мурлыканья, глубокая, мертвая тишина; только слышно было тиканье жучка-точильщика. Но что почувствовала обергофнянька, когда прямо перед собой она увидела большую, противную мышь, которая поднялась на задние лапки и положила свою зловещую голову принцессе на лицо! Нянька вскочила с криком ужаса, все проснулись, но в тот же миг госпожа Мышильда — ибо большая мышь у колыбели Пирлипат была именно она — быстро шмыгнула в угол комнаты. Советники посольства бросились вдогонку, но не тут-то было: она шмыгнула в щель в полу. Пирлипатхен проснулась от сумятохи и очень жалобно заплакала.

— Благодарение небу! — воскликнули нянюшки.— Она жива!

Но каков же был их ужас, когда они взглянули на Пирлипатхен и увидели, что сталось с хорошеньким нежным младенцем: вместо кудрявой золотой головки румяного херувима на тщедушном, скорчив-

— Коня, коня! Полцарства за коня!

шемся тельце сидела огромная бесформенная голова; голубые как лазурь глазки превратились в зеленые, тупо вытаращенные гляделки, а ротик растянулся до ушей. Королева исходила в слезах и стенаниях, а кабинет короля пришлось обить ватой, потому что король бился головой о стену и кричал:

— О я несчастный монарх!

Теперь ему следовало бы понять, что лучше было с'есть колбасу без сала и оставить в покое госпожу Мышильду со всей ее запечной родней, но об этом венценосный отец Пирлипат не подумал. Он свалил всю вину на придворного часовщика и чудодея Христиана-Элиаса Дроссельмейера из Нюрнберга. Посему он отдал мудрый приказ: Дроссельмейер должен в течение месяца вернуть принцессе Пирлипат ее прежний образ или, по крайней мере, указать верное к тому средство, в противном случае он будет предан позорной смерти от руки палача.

Дроссельмейер немало перепугался. Однако, полагаясь на свое искусство и счастье, он тотчас же приступил к первой операции, которая казалась ему необходимой. Он очень ловко разобрал принцессу Пирлипат на части, вывинтил ручки и ножки и осмотрел внутреннее устройство, но тут он убедился, что с возрастом принцесса будет все безобразнее, и не знал, как помочь беде. Он опять старательно собрал принцессу и впал в уныние около ее колыбели, от которой не смел отлучаться. Шла уже четвертая неделя, наступила среда, когда король, сверкая в гневе очами и потрясая скипетром, заглянул в комнату к Пирлипат и вокликнул:

— Христиан-Элиас Дроссельмейер, вылечи принцессу, нето тебе не сдобровать!

Дроссельмейер принялся жалобно плакать, а принцесса Пирлипат весело щелкала орешки. Впервые часовых дел мастера и чудодея поразил ее необычайный апетит к орехам и то обстоятельство, что она появилась на свет с зубами. В самом деле, после превращения она кричала без умолку, пока ей случайно не попался орешек, который она тут же разгрызла, с'ела ядрышко и сейчас же угомонилась. С тех пор няньки то и дело унимали ее орехами.

— О святой инстинкт природы, неисповедимая симпатия существ! — воскликнул Христиан-Элиас Дроссельмейер. — Ты указуешь мне врата тайны, я постучусь, и они откроются.

Он тотчас же испросил разрешение поговорить с придворным астрономом и был отведен к нему под строгим караулом. Они в слезах упали друг другу в об'ятия, ибо были закадычными друзьями, затем удалились в потайной кабинет и принялись рыться в книгах, где говорилось об инстинкте, симпатиях и антипатиях и других таинственных явлениях. Наступила ночь, придворный астроном поглядел на звезды и с помощью Дроссельмейера, великого искусника в этом деле, составил гороскоп принцессы Пирлипат. Сделать это было очень трудно, ибо линии запутывались все больше и больше, но—о радость!—наконец, тайна им открылась: чтобы избавиться от наваждения, которое ее изуродовало, и вернуть себе былую красоту, принцессе Пирлипат достаточно было с'есть ядрышко ореха Кракатук. У ореха Кракатук была такая твердая скорлупа, что по нему могла проехаться сорокавосьмифунтовая пушка и не раздавить его. Этот твердый орех должен был разгрызть и зажмурившись поднести принцессе человек, никогда еще не брившийся и не носивший сапог. Затем юноше следовало отступить семь шагов, не споткнувшись, и только тогда открыть глаза. Три дня и три ночи без устали работали Дроссельмейер с астрономом, и как раз в субботу, когда король сидел за обедом, к нему ворвался исполненный радости и ликования Дроссельмейер, которому в воскресенье утром должны были снести голову, и возвестил, что найдено средство вернуть принцессе Пирлипат утраченную красоту. Король обнял его с пылкой благосклонностью, посулил ему бриллиантовую шпагу, четыре ордена и два новых праздничных кафтана.

— После обеда мы сейчас же и приступим,— любезно прибавил он. — Позаботьтесь, дорогой чудодей, чтобы небритый молодой человек в башмаках был под рукой и, как полагается, с орехом Кракатук. И не давайте ему вина, чтобы он не споткнулся, когда, словно рак, будет пятиться семь шагов, — потом пусть пьет вволю!

Дроссельмейера потрясла речь короля. Смущаясь и робея, он пролепетал, что хотя средство, правда, найдено, но что обоих — и орех и молодого человека, которому предстоит его разгрызть,—сперва надо еще отыскать, причем пока еще не выяснено, возможно ли найти орех и щелкунчика. В сильном гневе потряс король скипетром над венчанной главой и рыкнул как лев: «Ну, так тебе снесут голову!» На счастье

повергнутого в страх и горе Дроссельмейера как раз сегодня обед пришелся королю очень по вкусу, и поэтому он был расположен внимать разумным увещаниям, на которые не поскупилась великодушная королева, тронутая судьбой Дроссельмейера. Дроссельмейер приободрился и почтительно доложил королю, что, собственно, разрешил задачу — нашел средство к излечению принцессы, и тем самым заслужил помилование. Король назвал это глупой отговоркой и пустой болтовней, но, в конце концов, выпив стаканчик желудочной настойки, решил, что оба — часовщик и астроном — тронутся в путь и не вернутся обратно, пока у них в кармане не будет ореха Кракатук. А человека, нужного для того, чтобы разгрызть орех, по совету королевы, решили раздобыть путем многократных публикаций — с приглашением явиться во дворец — в местных и заграничных газетах и ведомостях.

На этом старший советник суда остановился и обещал досказать остальное в следующий вечер.

Конец сказки о твердом орехе

И в самом деле: на следующий день, вечером, только зажгли свечи, явился крестный Дроссельмейер и так продолжал свой рассказ:

— Дроссельмейер и придворный астроном странствовали уже пятнадцать лет и все еще не напали на след ореха Кракатук. Где они побывали, какие диковинные приключения испытали, не пересказать, детки, и за целый месяц; этого я делать и не собираюсь, а прямо скажу вам, что, погруженный в глубокое уныние, Дроссельмейер сильно стосковался по родине, по милому ему Нюрнбергу. Особенно сильная тоска напала на него как-то раз в Азии, в дремучем лесу, где он вместе со своим спутником присел выкурить трубочку кнастера.

Горестные стенания Дроссельмейера вызвали глубокое сочувствие у астронома, и он начал реветь так жалобно, что его слышно было на всю Азию. Но он взял себя в руки, отер слезы и спросил:

— Досточтимый коллега, отчего же мы здесь сидим и ревем? Почему бы нам не отправиться в Нюрнберг? Не все ли равно, где и как искать злополучный орех Кракатук?

— И то правда, — ответил, сразу утешившись, Дроссельмейер.

Оба сейчас же встали, выколотили трубки и из лесу в глубине Азии прямехонько отправились в Нюрнберг. Как только они прибыли, Дроссельмейер сейчас же побежал к своему двоюродному брату, игрушечному мастеру, токарю по дереву, лакировщику и позолотчику Кристофу-Цахариусу Дроссельмейеру, с которым не виделся уже много-много лет. Ему-то и рассказал часовщик всю историю про принцессу Пирлипат, госпожу Мышильду и орех Кракатук, а тот всплескивал руками и в удивлении восклицал: «Ах, братец, братец, ну и чудеса!» Дроссельмейер рассказал ему о приключениях на своем долгом пути, рассказал, как провел два года у Финикового короля, с каким позором выгнал его Миндальный принц, как тщетно делал он запрос в Общество естествоиспытателей страны белок и как ему, коротко говоря, нигде не удалось напасть хотя бы на след ореха Кракатук. Во время рассказа Кристоф-Цахариус не раз прищелкивал пальцами, вертелся на одной ножке, причмокивал губами и приговаривал: «Гм, гм, эге, о! Вот так штука!» Наконец, он подбросил к потолку колпак вместе с париком, пылко обнял двоюродного брата и воскликнул:

— Братец, братец, вы спасены, спасены, говорю я, ибо или я жестоко ошибаюсь или орех Кракатук у меня!

Он тотчас же принес шкатулочку, откуда вытащил позолоченный орех средней величины.

— Взгляните, — сказал он, показывая орех двоюродному брату, — взгляните на этот орех. История его такова: много лет назад, в сочельник, пришел сюда неизвестный человек с полным мешком орехов, которые он принес на продажу. Как раз перед моей лавкой с игрушками у него произошла стычка со здешним продавцом орехов, который не мог потерпеть, чтобы чужой человек торговал здесь орехами. Пришлец, чтобы лучше защищаться, поставил свой мешок наземь. В этот момент мешок переехала тяжело нагруженная фура; все орехи были передавлены, за исключением одного, который чужеземец, странно улыбаясь, и предложил уступить мне за цванцигер 1720 года. Мне это показалось загадочным, но я нашел у себя в кармане как раз такой цванцигер, какой хотелось этому человеку, купил орех и позолотил его, сам хорошенько не зная, почему я

так дорого заплатил за орех, а потом так берег его.

Всякое сомнение в том, что орех двоюродного брата — действительно орех Кракатук, который они так долго искали, тут же рассеялось, когда подоспевший на зов придворный астроном акуратно соскоблил с ореха позолоту и отыскал на скорлупе слово Кракатук, вырезанное китайскими письменами. Радость путешественников была огромна, а двоюродный брат Дроссельмейера почитал себя счастливейшим человеком в мире, когда Дроссельмейер уверил его, что счастье его обеспечено, ибо отныне сверх значительной пенсии он будет получать золото для позолоты задаром. И чудодей и астроном уже нахлобучили ночные колпаки и собирались укладываться спать, как вдруг последний, то есть астроном, повел такую речь:

— Дражайший господин коллега, счастье никогда не приходит одно. Поверьте, мы нашли не только орех Кракатук, но и молодого человека, который разгрызет его и преподнесет принцессе ядрышко — залог красоты. Я имею в виду не кого иного, как сына вашего двоюродного брата. Нет, я не лягу спать, — вдохновенно продолжал он, — а еще сегодня ночью составлю гороскоп юноши.

С этими словами он сорвал колпак с головы и тут же принялся наблюдать звезды. Сын двоюродного брата был в самом деле пригожий, статный юноша, который еще ни разу не брился и не надевал сапог. На нем были красивый, красный, шитый золотом кафтан, шпага, шляпа подмышкой и превосходная прическа с косичкой. В таком блестящем виде стоял он в лавке у отца и со свойственной ему галантностью щелкал барышням орешки, за что они и прозвали его Красавчик-Щелкунчик.

На утро восхищенный астроном упал в об'ятия чудодея и воскликнул:

— Это он! Мы раздобыли его, он найден. Только, любезнейший коллега, не следует терять из виду двух вещей. Во-первых, вам надо сплести нашему превосходному племяннику солидную деревянную косу, которая была бы соединена с нижней челюстью таким образом, чтобы ее можно было сильно оттянуть косой; затем, по прибытии в резиденцию, нам отнюдь не следует рассказывать о том, что мы привезли с собой молодого человека, который разгрызет орех Кракатук; напротив того, он должен появиться на много позже нас. Я прочел в гороскопе, что лишь после того, как многие переломают себе на орехе зубы без всякого толку, король отдаст принцессу, а после смерти и королевство в награду тому, кто разгрызет орех и возвратит принцессе утраченную красоту.

Так как Дроссельмейер и астроном немедленно дали знать в резиденцию о том, что орех Кракатук найден, то там сейчас же опубликовали воззвание, и, когда прибыли наши путники вместе с талисманом, восстанавливающим красоту, ко двору уже явилось много красивых юношей, среди которых были даже принцы; полагаясь на свои здоровые челюсти, они хотели попытаться снять чары с принцессы.

Все случилось так, как прочитал в гороскопе придворный астроном. Молокососы в башмаках один за другим ломали себе зубы и раздирали челюсти, а принцессе ничуть не легчало, а когда затем их в полуобморочном состоянии уносили приглашенные на этот случай зубные врачи, они стонали: «Поди-ка, раскуси этот орех!» Когда же король в сокрушении сердечном обещал дочь и королевство тому, кто снимет колдовство, вызвался наш учтивый и скромный молодой Дроссельмейер и попросил разрешения тоже попытать счастье. Принцессе Пирлипат никто так не понравился, как молодой Дроссельмейер; она прижала ручки к сердцу и от глубины души вздохнула: «Ах, если бы он разгрыз орех Кракатук и стал моим мужем!» Учтиво поклонившись королю и королеве, а затем принцессе Пирлипат, молодой Дроссельмейер принял из рук оберцеремониймейстера орех Кракатук; он положил его без долгих разговоров в рот, сильно дернул себя за косу и—щелк-щелк!—разгрыз скорлупу на кусочки. Ловко очистил он ядрышко от приставшей к нему кожицы и поднес, почтительно шаркнув ножкой, принцессе, затем закрыл глаза и начал пятиться. Принцесса тут же проглотила ядрышко, и — о чудо! — уродец исчез, а на его месте стояла прекрасная как ангел девушка.

Трубы и литавры присоединились к громкому ликованию народа. Король, весь его двор танцовали на одной ножке, как при рождении Пирлипат, а королеву пришлось опрыскивать одеколоном, так как от радости и восторга она упала в обморок. Весь этот великий шум порядком обескуражил молодого Дроссельмейера, которому предстояло еще пятиться положенные семь шагов, все же он держался отлично и уже

занес правую ногу для седьмого шага, как вдруг из подполья с отвратительным писком и визгом поднялась госпожа Мышильда, и когда Дроссельмейер собрался уже опустить ногу, он наступил на нее и так споткнулся, что чуть было не упал. О злой рок!—в один миг юноша стал столь же безобразен, как до того принцесса Пирлипат. Туловище с'ежилось и едва выдерживало огромную бесформенную голову с большими вытаращенными глазами и широкой, безобразно разинутой пастью. Вместо косы сзади повис узкий деревянный плащ, при помощи которого он управлял нижней челюстью. Часовщик и астроном были вне себя от ужаса; однако они заметили, что госпожа Мышильда, вся в крови, извивается на полу. Ее злодейство не осталось безнаказанным, так как молодой Дроссельмейер столь крепко ударил ее по шее острым каблуком своего башмака, что ей пришел конец. Но госпожа Мышильда в смертельной тоске пропищала и провизжала жалобно:

— О твердый, твердый Кракатук, мне не уйти от смертных мук... хи-хи... пи-пи... Но, щелкунчик-хитрец, и тебе придет конец: мой сынок, король мышиный, не простит моей кончины—отомстит тебе за мать мышья рать. О жизнь, была ты светла — и смерть за мною пришла! Квик!

Испустив этот крик, госпожа Мышильда умерла, и королевский истопник унес ее прочь. На молодого Дроссельмейера никто не обращал внимания. Но принцесса напомнила королю его обещание, и он тотчас же повелел привести юного героя. Но когда этот несчастный предстал во всем своем безобразии, принцесса закрыла лицо обеими руками и закричала: «Вон, вон отсюда, противный Щелкунчик!» И сейчас же гофмаршал схватил его за узкие плечики и вытолкал за дверь. Король распалился гневом на то, что ему хотели навязать в зятья Щелкунчика, во всем винил незадачливых часовщика и астронома и на вечные времена изгнал обоих из своей резиденции. Это не было предусмотрено гороскопом, составленным астрономом в Нюрнберге, но он не преминул снова приступить к наблюдению за звездами и прочитал, что юный Дроссельмейер так отменно будет вести себя в своем новом звании, что несмотря на все свое безобразие сделается принцем и королем. Но уродство его исчезнет лишь в том случае, если семиголовый сын госпожи Мышильды, которого она родила после смерти своих семи сыновей и который стал мышиным королем, падет от его руки и если несмотря на уродливую наружность его полюбит прекрасная дама. Вот вам, дети, сказка о твердом орехе, теперь вы поняли, почему Щелкунчики так безобразны.

Так закончил старший советник суда свой рассказ. Мари решила, что принцесса Пирлипат — гадкое, неблагодарное существо, а Фриц уверял, что если Щелкунчик — храбрый малый, он не станет особенно церемониться с мышиным королем и снова вернет себе былую красоту.

Дядя и племянник

КОМУ из моих высокоуважаемых читателей случалось порезаться стеклом, тот знает, как это больно и что это за скверная штука, так как рана заживает очень туго. Мари пришлось провести в постели почти целую неделю, потому что при всякой попытке встать у нее кружилась голова. Но, наконец, она все же совсем выздоровела и могла попрежнему прыгать по комнате. В стеклянном шкафу все выглядело очень красиво: чинно были расставлены новенькие деревья и цветы, и дома, и чудесные, нарядные куклы, а главное, Мари нашла там своего милого Щелкунчика, который, стоя на второй полке, улыбался ей двумя рядами целых зубов. Когда она, радуясь от всего сердца, глядела на своего любимца, у нее вдруг защемило сердце: а что если все, что рассказал крестный Дроссельмейер, — история про Щелкунчика и про его распрю с госпожею Мышильдою и ее сыном, — что если все это правда? Теперь она знала, что ее Щелкунчик—не кто иной, как молодой Дроссельмейер из Нюрнберга, красивый, но, к сожалению, заколдованный госпожей Мышильдой племянник крестного Дроссельмейера, что искусный часовщик при дворе отца Пирлипат был не кто иной, как старший советник суда Дроссельмейер, в этом Мари ни минуты не сомневалась уже во время рассказа. «Но почему же дядя не помог тебе, почему он не помог тебе?» — сокрушалась Мари, по мере того как в ней все крепло убеждение, что бой, при котором она присутствовала, шел за щелкунчиковы королевство и корону. Мысленно взвесив все это, умненькая Мари решила, что, раз она наделила Щелкунчика и его вассалов жизнью и способностью двигаться, они и в самом деле должны

ожить и зашевелиться. Но не тут-то было: в шкафу все стояло неподвижно по своим местам, и Мари, нисколько не думая отказываться от своего внутреннего убеждения, приписала все это продолжавшемуся действию колдовства госпожи Мышильды и ее семиглавого сына.

— Хотя,— сказала она вслух Щелкунчику,— хотя вы не в состоянии пошевельнуться или вымолвить словечко, милый господин Дроссельмейер, я все же знаю, что вы меня понимаете и знаете, как хорошо я к вам отношусь; рассчитывайте на мою помощь, когда она вам понадобится!

Щелкунчик спокойно и тихо стоял на месте, но Мари почудилось, будто по стеклянному шкафу прошел легкий вздох, от чего чуть слышно, но удивительно мелодично зазвучали стекла, словно прозвенел колокольчик:

«Мария, друг,— хранитель мой. Не надо мук — я буду твой».

Холодный ужас леденил Мари, но и сквозь него она ощущала странное удовольствие. Наступили сумерки; в комнату вошли советник медицины с крестным Дроссельмейером, немного погодя Луиза подала чай, и вся семья, весело болтая, уселась за стол. Мари потихонечку принесла свое креслице и села у ног крестного Дроссельмейера. Улучив минутку, когда все вдруг замолчали, Мари посмотрела большими голубыми глазами прямо в лицо старшего советника суда и сказала:

— Теперь, дорогой крестный Дроссельмейер, я знаю, что Щелкунчик — твой племянник, молодой Дроссельмейер из Нюрнберга. Он стал принцем или, вернее, королем: все так и случилось, как предсказал твой спутник, астроном; но ты ведь знаешь, что он об'явил войну сыну госпожи Мышильды, уродливому мышиному королю. Почему ты ему не поможешь?

И Мари снова рассказала весь ход битвы, при которой присутствовала.

— Откуда только девочка набралась такого вздора? — спросил советник медицины.

— Ну,— ответила мать,— у нее просто богатая фантазия! В сущности, это только бред, порожденный сильной горячкой.

— Все это неправда,— сказал Фриц,— мои гусары — не такие трусы, нето, клянусь, я бы им не дал спуску!

Но крестный Дроссельмейер, странно улыбаясь, посадил крошку Мари на колени и заговорил ласковее чем обычно:

— Ах, милая Мари, тебе дано больше чем мне и всем нам; ты, как и Пирлипат, прирожденная принцесса: ведь ты правишь прекрасным, светлым царством. Но много придется тебе вытерпеть, если ты возьмешь под свое покровительство бедного уродца Щелкунчика, ибо мышиный король стережет его на всех путях и дорогах. Знай: не я, а ты, ты одна можешь спасти его; будь стойкой и преданной.

Победа

Вскором времени, как-то лунной ночью, Мари разбудило странное постукивание, которое, казалось, шло из угла. Там словно перебрасывали и катали камешки, а по временам слышался противный визг и писк.

— Ай, мыши, опять тут мыши!—в испуге закричала Мари и хотела было разбудить мать, но слова застряли у нее в горле, она не могла даже шевельнуться, когда увидела, как из дыры в стене с трудом вылез мышиный король и, сверкая глазами и коронами, принялся шмыгать по всей комнате, а затем одним прыжком вскочил на столик, стоявший у самой кроватки Мари.

— Хи-хи-хи! Отдай мне все драже, весь марципан, глупышка, нето я перегрызу твоего Щелкунчика, твоего Щелкунчика!— так пищал мышиный король и при этом противно скрипел и скрежетал зубами, а потом быстро скрылся в дырку в стене.

Мари так напугало появление страшного мышиного короля, что на утро она совсем осунулась и от крайнего возбуждения не могла и слова вымолвить. Сто раз собиралась она рассказать матери, Луизе или хотя бы Фрицу о том, что с ней приключилось, но думала: «Разве мне кто-нибудь поверит? Ведь меня же еще подымут насмех». Однако ей было совершенно ясно, что ради спасения Щелкунчика она должна будет отдать драже и марципан. Поэтому вечером она положила все конфеты, что у нее были, на нижний выступ шкафа. На утро супруга советника медицины сказала:

— Не знаю, откуда вдруг появились мыши у нас в гостиной; взгляни-ка, бедная моя Мари, они поели все твои конфеты.

Так оно и было. Марципан с начинкой совсем не пришелся по вкусу прожорливому мышиному королю, но он так обглодал

его острыми зубками, что остатки пришлось выбросить. Мари нисколько не пожалела о своих сластях: в глубине души она радовалась, так как думала, что спасла Щелкунчика. Но каково было ей, когда на следующую ночь у нее над самым ухом раздался писк и визг! Ах, мышиный король был тут как тут, и еще отвратительнее чем в прошлую ночь сверкали у него глаза и еще противнее пропищал он сквозь зубы:

— Отдай мне твоих сахарных и адраганговых куколок, глупышка, нето я загрызу твоего Щелкунчика, твоего Щелкунчика!

И с этими словами страшный мышиный король исчез. Мари была очень огорчена; на следующее утро она подошла к шкафу и печально поглядела на сахарных и адрагантовых куколок. Вечером она поставила всех сахарных куколок на нижний выступ шкафа, куда до того клала сласти.

— Нет, это слишком! — воскликнула на следующее утро жена советника медицины. — В стеклянном шкафу, несомненно, хозяйничает большая, прожорливая мышь: у бедняжки Мари погрызены и обглоданы все хорошенькие сахарные куколки!

Мари, правда, не могла удержаться и заплакала, но скоро улыбнулась сквозь слезы, потому что подумала: «Ну что же делать, зато Щелкунчик цел!» Вечером, когда мать рассказала старшему советнику суда про бесчинство, произведенное мышью в шкафу у детей, советник медицины сказал:

— Как неприятно, что не удается извести злополучную мышь, которая хозяйничает в стеклянном шкафу и пожирает у бедной Мари все сласти.

— Вот что, — весело перебил Фриц, — внизу, у булочника, есть прекрасный серый советник посольства; я заберу его к нам наверх: он быстро покончит с этим делом и отгрызет мыши голову, будь то хоть сама госпожа Мышильда или ее сын, мышиный король.

— Нет уж, пожалуйста, не нужно кота на ночь, — просила Луиза, не терпевшая кошек.

— Собственно говоря, Фриц прав,—сказал советник медицины,— а пока мы можем поставить мышеловку. Есть у нас мышеловки?

— Крестный Дроссельмейер сделает нам отличную мышеловку: ведь он же их изобрел! — закричал Фриц.

Все рассмеялись, а когда жена советника медицины подтвердила, что в доме нет ни одной мышеловки, старший советник суда заявил, что у него их несколько, и, действительно, сейчас же велел принести из дому отличную мышеловку.

Сказка крестного Дроссельмейера о твердом орехе ожила для Фрица и Мари. Когда кухарка поджаривала сало, Мари дрожала и трепетала и, все еще поглощенная сказкой с ее чудесами, сказала старой знакомой — кухарке Доре:

— Ах, госпожа королева, берегитесь госпожи Мышильды и ее родни.

А Фриц обнажил саблю и сказал:

— Пусть только придут, уж я им задам!

Но под плитой и на ней все было спокойно. Когда же старший советник суда привязал кусочек сала на тонкую ниточку и тихонько поставил мышеловку к стеклянному шкафу, Фриц воскликнул:

— Берегись, крестный-часовщик, как бы мышиный король не сыграл с тобой злой шутки!

Ах, каково пришлось бедной Мари на следующую ночь! У нее по руке бегали ледяные лапки и что-то шершавое и противное прикоснулось ей к щеке и запищало и завизжало прямо в ухо. На плече у нее сидел противный мышиный король, и, скрипя и скрежеща зубами, прошипел он на ухо оцепеневшей от ужаса Мари:

— Я ускользну — я в щель шмыгну, не трону сала — ты так и знай. Давай, давай картинки, платьице сюда, нето беда, предупреждаю: Щелкунчика я поймаю и искусаю... хи-хи... пи-пи... квик-квик!

Теперь Мари затосковала, а когда на утро мать сказала: «А гадкая мышь все еще не попалась», — Мари так побледнела и растерялась, что мать подумала, будто Мари грустит о сластях и боится мыши.

— Полно, успокойся, деточка,— сказала мать, — уж мы прогоним злую мышь. Не помогут мышеловки, пускай тогда Фриц приносит своего серого советника посольства.

Как только Мари очутилась в гостиной одна, она подошла к стеклянному шкафу и, рыдая, так заговорила с Щелкунчиком:

— Ах, милый, добрый господин Дроссельмейер, что могу сделать для вас я, бедная, несчастная девочка? Ну, отдам я на с'едение противному мышиному королю все свои книжки с картинками, отдам даже красивое, новое платьице, но ведь он снова будет требовать с меня еще и еще, так что

Ах, как чудно плыть по Розовому озеру!

под конец у меня ничего не останется, и он, пожалуй, захочет загрызть и меня вместо вас. Ах, я бедная, бедная девочка, ну что мне делать, ну что мне делать?

Покуда маленькая Мари так горевала и плакала, она заметила, что у Щелкунчика на шее с прошлой ночи осталось большое кровавое пятно. Она достала Щелкунчика с полки и принялась заботливо оттирать носовым платком кровавое пятно на шее. Но как оторопела она, когда вдруг ощутила, что дружок Щелкунчик у нее в руках потеплел и шевельнулся! Быстро поставила она его обратно на полку; тут губы у него приоткрылись, и Щелкунчик с трудом пролепетал:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, лучшая моя подруга, сколь многим я вам обязан! Нет, не приносите в жертву ради меня книжки с картинками, праздничное платьице, раздобудьте мне меч — меч, об остальном позабочусь я сам, даже будь он...

Тут речь Щелкунчика прервалась, и его глаза, только что светившиеся глубокой печалью, снова померкли и ничего не выражали. Мари не испугалась, напротив того, она запрыгала от радости, ибо теперь знала средство, как спасти Щелкунчика, не принося дальнейших тяжелых жертв. Но где достать для человечка меч? Мари решила посоветоваться с Фрицем, и вечером, когда родители ушли в гости и они вдвоем сидели в гостиной у стеклянного шкафа, она рассказала Фрицу все, что приключилось с ней из-за Щелкунчика и мышиного короля и от чего теперь зависит спасение Щелкунчика.

— В этом деле я могу помочь Щелкунчику,— сказал он,— только вчера я уволил в отставку с пенсией старого кирасирского полковника, и, значит, его прекрасная, острая сабля ему больше ненужна.

Упомянутый полковник проживал на выдаваемую ему Фрицем пенсию в дальнем углу, на третьей полке. Он был извлечен оттуда, Фриц отвязал и впрямь щегольскую серебряную саблю и пристегнул ее Щелкунчику.

На следующую ночь Мари не могла сомкнуть глаз от тревоги и страха: в полночь ей послышались из гостиной какая-то странная суматоха, звякание и шорох. Вдруг раздалось: «Квик!»

— Мышиный король! Мышиный король! — крикнула Мари и в ужасе соскочила с кровати.

Все было тихо; но вскоре кто-то тихонечко постучал в дверь и послышался тонкий голосок:

— Бесценная мадемуазель Штальбаум, откройте дверь и ничего не бойтесь! Добрые, радостные вести!

Мари узнала голос молодого Дроссельмейера, накинула юбчонку и быстро отворила дверь. За порогом стоял Щелкунчик с окровавленным мечом в правой руке, с зажженной восковой свечкой в левой. Увидя Мари, он тотчас же опустился на одно колено и заговорил так:

— О прекрасная дама, вы одна вдохнули в меня рыцарскую отвагу и придали мощь моей руке, дабы я поразил дерзновенного, который посмел оскорбить вас; коварный мышиный король повержен и купается в собственной крови. Соблаговолите, о дама, милостиво принять из рук до гробовой доски преданного вам рыцаря трофеи победы.

С этими словами маленький Щелкунчик очень ловко стряхнул семь золотых корон мышиного короля, которые он нанизал на левую руку, и подал Мари, принявшей их с радостью. Щелкунчик встал и продолжал так:

— Ах, моя бесценнейшая мадемуазель Штальбаум! Какие диковинки мог бы я показать вам теперь, когда враг повержен, если бы вы соблаговолили последовать за мною хоть несколько шагов! О сделайте, сделайте это, дорогая мадемуазель!

Кукольное царство

ДУМАЮ, дети, всякий из вас, ни минуты не колеблясь, последовал бы за честным, добрым Щелкунчиком, у которого не могло быть ничего дурного на уме. Тем более охотно сделала это Мари, так как знала, что она вправе рассчитывать на величайшую благодарность Щелкунчика, и была убеждена, что он сдержит слово и покажет ей много диковинок. Потому она и сказала:

— Я пойду с вами, господин Дроссельмейер, но только недалеко и ненадолго, так как я совсем еще не выспалась.

— В таком случае, — ответил Щелкунчик, — я избираю кратчайшую, хотя и не совсем удобную дорогу.

Он зашагал вперед, Мари за ним, покуда они не остановились в сенях, у старого

огромного платяного шкафа. Мари с удивлением заметила, что дверцы шкафа, обычно запертого на замок, распахнуты, так что ей хорошо было видно дорожную отцовскую лисью шубу, которая висела у самой дверцы. Щелкунчик очень ловко вскарабкался по выступу шкафа и схватил большую кисть, болтавшуюся на толстом шнуре, сзади на шубе. Не успел Щелкунчик изо всей силы дернуть за кисть, как из рукава шубы спустилась хорошенькая лестница кедрового дерева.

— Не угодно ли вам подняться, драгоценнейшая мадемуазель? — воскликнул Щелкунчик.

Мари так и сделала, но едва она поднялась через рукав, едва глянула из-за воротника, как ей навстречу засиял ослепительный свет и она очутилась на прекрасном, благоуханном лугу, который сверкал миллионами огней, словно блестящими самоцветными камнями.

— Мы на леденцовом лугу, — сказал Щелкунчик, — а сию минуту пройдем в те ворота.

Только теперь, подняв глаза, заметила Мари прекрасные ворота, возвышавшиеся в нескольких шагах от нее посреди луга. Казалось, что они сложены из белого и коричневого, испещренного крапинками мрамора; когда же Мари подошла поближе, она увидела, что вся масса состояла из миндаля в сахаре и изюма.

Щелкунчик ударил в ладоши, и тотчас же явились пастухи и пастушки, охотники и охотницы, такие нежные и белые, что можно было подумать, будто они из чистого сахара; они принесли очаровательное кресло из чистого золота, положили на него белую подушку из пастилы и весьма учтиво пригласили Мари сесть. Только она уселась, как пастухи и пастушки исполнили очень приятный балет, а охотники трубили в рога; затем все скрылись в кустарнике.

— Простите, бесценная мадемуазель Штальбаум,— сказал Щелкунчик,— простите, что танцы оказались столь мизерными; но это танцоры из нашего кукольного балета и потому вечно повторяют одно и то же. Но не угодно ли вам пожаловать дальше?

— Ах, это было все же так прелестно и мне очень понравилось,— сказала Мари, вставая и следуя за Щелкунчиком, шагавшим впереди.

Они шли вдоль сладко журчащего ручья, который благоухал чудными ароматами.

— Это апельсинный ручей,— ответил Щелкунчик на расспросы Мари,— но, если не считать его прекрасного аромата, он не может сравниться ни по величине, ни по красоте с лимонадной рекой, которая подобно ему вливается в озеро миндального молока.

И, в самом деле, Мари вскоре услыхала более громкий плеск и журчанье и увидала широкий лимонадный поток, который катил свои гордые светложелтые волны среди сверкающих как зеленые карбункулы кустов. Совершенно исключительной, свежей прохладой, услаждающей грудь и сердце, веяло от прекрасных вод. В некотором отдалении на берегу реки расположилась хорошенькая деревушка; дома, церковь, дом пастора, амбары были темнокоричневого цвета, но все скрашивали золотые кровли; а многие стены были расписаны так пестро, словно на них были налеплены миндалины и лимонные цукаты.

— Это—село Пряничное,—сказал Щелкунчик,— расположенное на берегу медовой реки; там живут красивые люди, но они почти всегда сердиты, так как сильно страдают зубной болью. Поэтому мы сейчас туда не пойдем.

Щелкунчик заторопился дальше, а Мари, сгорая от нетерпения, последовала за ним. Вскоре разнеслось дивное благоухание роз, и все словно озарилось нежным, струящимся розовым сиянием. Мари заметила, что это был отблеск розово-алых вод, плескавшихся и журчащих у их ног серебристо-розовой рябью, издавая несказанно сладкие, мелодичные звуки. По прелестным волнам, которые постепенно превратились в большое озеро, плавали замечательнейшие серебристо-белые лебеди с золотыми ленточками на шее и пели красивые песни, а бриллиантовые рыбки, словно в веселой пляске, ныряли и кувыркались в розовых волнах.

— Ах,— в восторге воскликнула Мари,— да ведь это же — то самое озеро, что как-то пообещал мне сделать крестный Дроссельмейер, а я та девочка, что хочет погладить миленьких лебедей!

Щелкунчик улыбнулся так насмешливо, как Мари еще ни разу не доводилось видеть, а потом сказал:

— Дяде никогда не смастерить ничего подобного: скорее это сможете сделать вы, милая мадемуазель Штальбаум; но не надо раздумывать над этим, лучше переправимся по Розовому озеру на ту сторону, в столицу!

Столица

МАЛЕНЬКИЙ Щелкунчик снова захлопал в ладошки, и Розовое озеро зашумело сильней, выше заходили волны, и вдали Мари заметила приближающуюся раковину, как солнце сиявшую яркими самоцветными камнями и влекомую двумя золоточешуйчатыми дельфинами. Двенадцать очаровательных арапчат в шапочках и передничках, сотканных из радужных перышков колибри, соскочили на берег и, легко скользя по волнам, внесли сперва Мари, а потом Щелкунчика в раковину, которая сейчас же понеслась по озеру. Ах, как чудно было плыть в раковине, овеваемой розовым благоуханием, омываемой розовыми волнами! Золоточешуйчатые дельфины подняли морды и выбросили хрустальные струи высоко вверх, а когда эти струи ниспадали с вышины сверкающими и искрящимися дугами, чудилось, словно пели два прелестных, нежных, серебристых голоска.

А вскоре поднялся оглушительный гул чудесных голосов, которые, казалось, плыли в воздухе и на озере; но Мари не обращала на них внимания: она смотрела в благоуханные волны, откуда ей улыбались прелестные девичьи лица.

— Ах,— радостно закричала она, хлопая в ладошки,— поглядите-ка, милый господин Дроссельмейер: там принцесса Пирлипат, она так ласково мне улыбается. Ах, поглядите-ка только, милый господин Дроссельмейер!

Но Щелкунчик печально вздохнул и сказал:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, это не принцесса Пирлипат, это вы, только вы сами, только ваше собственное прелестное личико ласково улыбается из каждой волны.

Тогда Мари быстро отвернулась, крепко зажмурилась и совсем переконфузилась. В то же мгновенье двенадцать арапчат подхватили ее и отнесли из раковины на берег. Она очутилась в небольшом лесочке.

— Мы в Цукатной роще,— сказал Щелкунчик,— а вон там столица.

Ах, что же увидала Мари? Как мне описать вам, дети, красоту и великолепие широко раскинувшегося на усеянной цветами роскошной поляне города, который предстал перед глазами Мари? Он поражал не только радужными красками стен и башен, но и причудливой формой строений, вряд ли имевших себе равных на земле. Ибо крышами домам служили искусно сплетенные венки, а башни были увиты такими прелестными пестрыми гирляндами, какие только можно вообразить. Когда они проходили через ворота, которые, казалось, были сооружены из миндального печения и цукатов, серебряные солдатики взяли накараул, а человек в парчевом шлафроке бросился Щелкунчику на шею со словами: «Добро пожаловать, любезный принц, добро пожаловать в Конфетенбург!»

Мари немало удивилась, когда заметила, что такой знатный вельможа называл господина Дроссельмейера принцем. Но тут она услышала столько тоненьких голосков, шумно перебивавших друг друга, столько ликования и смеха, столько пения и пляски, что не могла ни о чем другом и думать и сейчас же спросила Щелкунчика, что это означает.

— О любезная мадемуазель Штальбаум,— ответил Щелкунчик,— ничего особенного, дивиться тут нечему. Конфетенбург — многолюдный, веселый город, тут каждый день веселье и шум. Будьте любезны, пойдемте дальше.

Через несколько шагов они очутились на большой базарной площади, представлявшей великолепное зрелище. Все дома были украшены сахарными галлереями ажурной работы; посредине, как обелиск, возвышался сладкий пирог, осыпанный сахаром, а вокруг, из четырех искусно сделанных фонтанов, били вверх струи оршада, лимонада и других вкусных прохладительных напитков, а в бассейне набирались сбитые сливки, которые тут же можно было зачерпнуть ложкой. Но прелестнее всего были маленькие очаровательные человечки, которые сновали здесь тысячами; они шутили и пели.

Громкий крик удивления, больше того, неописуемого изумления вырвался у Мари, когда она вдруг очутилась перед ярко светящимся розово-алым сиянием замком с сотней воздушных башенок. Там и сям по стенам были рассыпаны роскошные букеты фиалок, нарцисов, тюльпанов, левкоев, темный блеск которых только оттенял ослепительную отливающую алым светом белизну фона. Большой купол центрального здания и остроконечные крыши башен были усеяны тысячами звездочек, сверкающих золотом и серебром.

— Перед нами марципановый замок,—сказал Щелкунчик.

— Перед нами марципановый замок,— сказал Щелкунчик.

Мари целиком погрузилась в созерцание волшебного дворца; но все же от нее не ускользнуло, что на одной большой башне не хватало крыши, восстановлением которой, повидимому, были заняты человечки, стоявшие на помосте из корицы. Она не успела еще спросить об этом Щелкунчика, как тот уже продолжал:

— Совсем недавно этому замку грозило жестокое опустошение, а может быть, и полная гибель. Великан-Сладкоешка проходил мимо, быстро откусил крышу того дома и принялся уже за большой купол, но жители Конфетенбурга умилостивили его, поднеся ввиде выкупа четверть города и значительную часть Цукатной рощи; он закусил ими и отправился дальше.

Вдруг тихо зазвучала приятная, нежная музыка; двери замка распахнулись, и оттуда вышли двенадцать крошек-пажей с зажженными факелами из стеблей гвоздики в маленьких ручках. Жемчужины служили им головой, туловище было из рубинов и смарагдов, а передвигались они на золотых ножках искусной работы. За ними следовали четыре дамы, почти такого же роста, как Клерхен, но в таких необыкновенно роскошных и блестящих нарядах, что Мари мигом признала в них прирожденных принцесс. Они обняли Щелкунчика с бесконечной нежностью и при этом воскликнули в блаженной печали: «О принц, драгоценнейший принц! О брат наш!» Щелкунчик, казалось, был очень тронут: он утирал часто набегавшие на глаза слезы, затем схватил Мари за руку и торжественно произнес:

— Вот мадемуазель Мари Штальбаум, дочь весьма достойного советника медицины и моя спасительница. Не брось она в нужную минуту туфли, не добудь она мне сабли вышедшего на пенсию полковника, меня загрыз бы проклятый мышиный король, и я лежал бы уже в могиле. О эта мадемуазель Штальбаум! Может ли сразняться с ней по красоте, достоинствам и добродетели Пирлипат, несмотря на то что та прирожденная принцесса? Нет, говорю я, нет!

Все дамы воскликнули: «Нет!» — и упали Мари на шею.

— О благородная спасительница нашего возлюбленного царственного брата, о несравненная мадемуазель Штальбаум!

Затем дамы отвели Мари и Щелкунчика в покои замка, в зал, стены которого сплошь состояли из цветного сияющего хрусталя. Но что понравилось Мари больше всего, так это хорошенькие стульчики, комодики, секретеры и т. п., расставленные вокруг и изготовленные из кедра и бразильского дерева с инкрустированными золотыми цветами. Принцессы уговорили Мари и Щелкунчика присесть и сказали, что они сейчас же собственноручно приготовят им угощение. Они тут же достали множество горшочков и мисочек из тончайшего японского фарфора, ложек, ножей, вилок, терок, кастрюль и прочей золотой и серебряной кухонной утвари. Затем они принесли прекраснейших плодов и сластей, каких Мари и не видывала, и принялись изящнейшим образом выжимать прелестными, белоснежными ручками фруктовый сок, толочь пряности, тереть сладкий миндаль,— словом, принялись так славно хозяйничать, что Мари поняла, какие они искусницы в кулинарном деле и какое роскошное угощение ожидает ее. Прекрасно сознавая, что тоже кое-что понимает в этом деле, она втайне желала сама принять участие в занятии принцесс. Самая красивая из сестер Щелкунчика, словно угадав тайное желание Мари, протянула ей маленькую золотую ступку, говоря:

— О нежная подруга, бесценная спасительница брата, потолки немножко карамелек.

Пока Мари весело стучала пестиком, так что ступка звенела мелодично и приятно, не хуже прелестной песенки, Щелкунчик начал очень пространную повесть о страшной битве его войск с полчищами мышиного короля, о том, как он сам был разбит из-за трусости своих войск, как потом противный мышиный король во что бы то ни стало хотел загрызть его, как поэтому Мари принуждена была пожертвовать многими его подданными, которые были у нее на службе, и т. д. Во время повествования Мари чудилось, будто слова и даже ее собственные удары пестиком звучат все дальше, все невнятнее, и вскоре глаза ей застлала серебряная пелена, словно поднялись легкие клубы тумана, в которые погрузились принцессы... пажи... Щелкунчик... она сама... зазвучало чудесное пение и гудение и жужжание, которое растворялось вдали; Мари словно несли вздымающиеся волны, все выше и выше... выше и выше... выше и выше...

Заключение

ТРР-БУХ!—и Мари упала с неимоверной высоты. То-то был толчок! Но она тут же открыла глаза. Она лежала у себя в постельке; было совсем светло, а перед ней стояла мама и говорила:

— Ну разве можно так долго спать!

Мои глубокоуважаемые слушатели, вы, конечно, уже понимаете, что Мари, совершенно ошеломленная всеми чудесами, которые видела, в конце концов заснула в зале марципанового замка и что арапчата или пажи, а может быть, и сами принцессы отнесли ее домой и уложили в постель.

— Ах, мама, милая мама, где только я ни побывала этой ночью с молодым господином Дроссельмейером, каких только чудес ни перевидала!

Затем она рассказала все почти так же подробно, как только что рассказал я, а мать смотрела на нее в изумлении. Когда Мари окончила, мать сказала:

— Тебе, милая Мари, приснился длинный прекрасный сон; но выкинь все это из головы.

Мари упрямо твердила, что видела все не во сне, а наяву; тогда мать подвела ее к стеклянному шкафу, вынула Щелкунчика, который, как всегда, стоял на третьей полке, и сказала:

— Ну как только можно, глупышка, верить, что эта нюрнбергская деревянная кукла может жить и двигаться?

— Но, мамочка,— перебила ее Мари,— я ведь знаю, что крошка Щелкунчик—молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, племянник крестного Дроссельмейера.

Тут оба — советник медицины и его супруга — громко расхохотались.

— Ах,— чуть не плача, продолжала Мари,— теперь ты, папочка, смеешься над моим Щелкунчиком, а он так хорошо отзывался о тебе, когда мы пришли в марципановый замок и он представил меня принцессам, своим сестрам; он сказал, что ты весьма достойный советник медицины!

Хохот только усилился, и теперь к родителям присоединились Луиза и даже Фриц. Тогда Мари побежала в другую комнату, быстро достала из своей шкатулочки семь корон мышиного короля и подала их матери со словами:

— Вот, мамочка, посмотри: это семь корон мышиного короля, которые прошлой ночью поднес мне в знак своей победы молодой господин Дроссельмейер.

Жена советника медицины с удивлением разглядывала крошечные коронки, сделанные из какого-то совершенно неизвестного, очень блестящего металла и столь тонкой работы, что едва ли это могло быть делом рук человеческих. Советник медицины тоже не мог насмотреться на коронки, затем они с матерью строго потребовали, чтобы Мари призналась, откуда у нее коронки. Но она стояла на своем, и когда отец стал ее журить и даже обозвал лгуньей, она горько разрыдалась и стала жалобно приговаривать:

— Ах я, бедная, бедная, ну что мне делать?

В это мгновенье открылась дверь. Старший советник суда вошел и сказал:

— Что случилось, что случилось? Моя маленькая крестница Мари плачет и рыдает? Что случилось, что случилось?

Советник медицины рассказал ему все, что произошло, и показал крошечные короны. Старший советник суда, как только увидел их, рассмеялся и воскликнул:

— Глупые выдумки, глупые выдумки! Да ведь это же коронки, которые я когда-то носил на цепочке от часов, а потом подарил маленькой Мари в день ее рождения, когда ей минуло два года. Разве вы позабыли?

Ни советник медицины, ни его супруга не могли этого припомнить. Когда же Мари убедилась, что лица у родителей опять стали ласковыми, она подскочила к крестному Дроссельмейеру и воскликнула:

— Ах, ведь ты все знаешь, крестный Дроссельмейер; скажи же сам, что мой Щелкунчик — твой племянник, молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, и что он подарил мне эти крошечные короны.

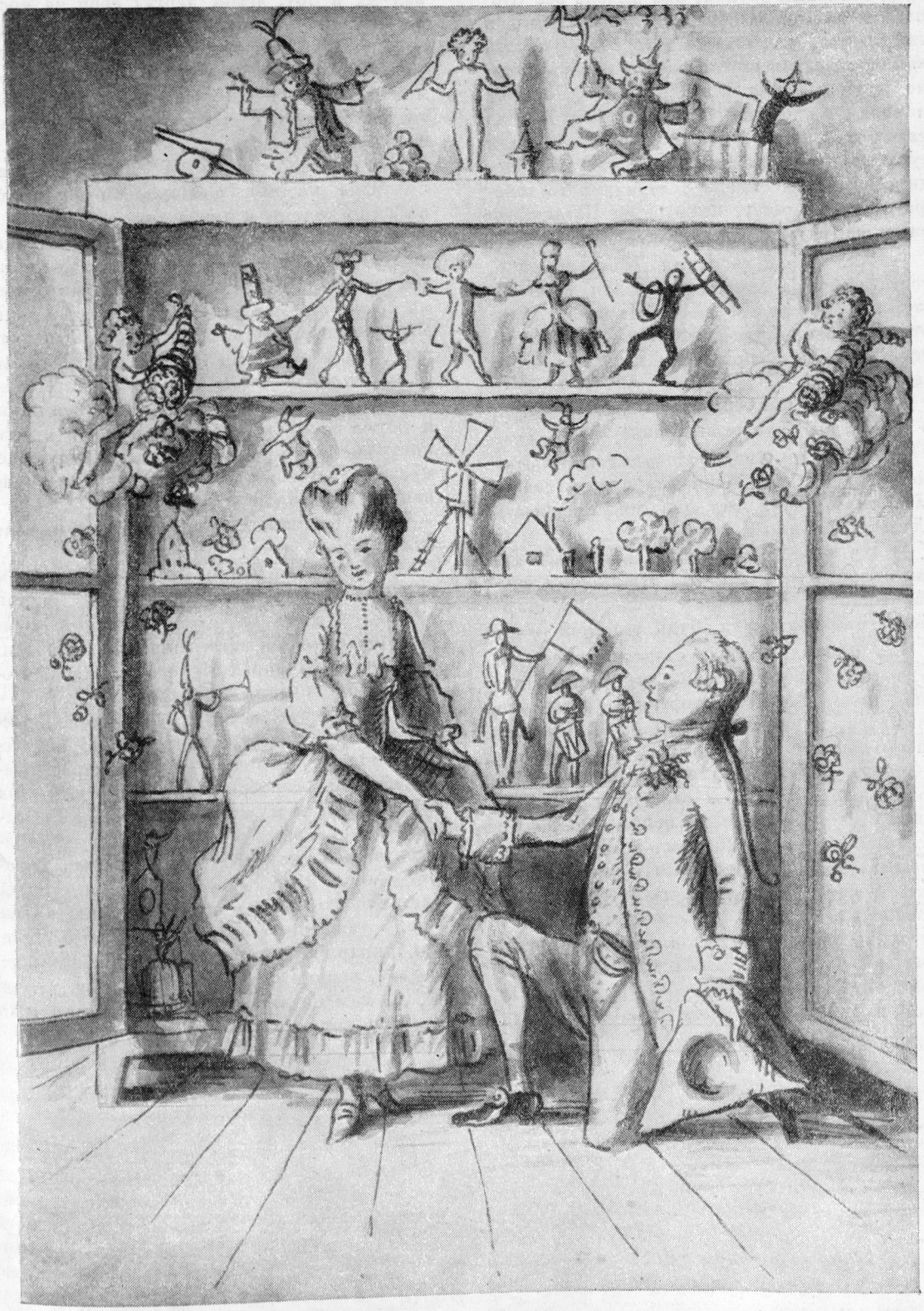
Старший советник суда сделал очень мрачное лицо и пробормотал:

— Глупые выдумки!

Тогда советник медицины взял маленькую Мари к себе на колени и сказал очень строго:

— Послушай, Мари, оставь раз навсегда выдумки и шутки; и если ты еще раз скажешь, что глупый уродец Щелкунчик — племянник господина старшего советника суда, то я выброшу за окно не только Щелкунчика, но и всех остальных кукол, не исключая и мамзель Клерхен.

Говорить о своем приключении Мари больше не смела. Но чудесные образы



— Разделите со мной королевство и трон!

сказочной страны витали над ней в переливах нежного шелеста и в очаровательных, ласковых звуках; она видела все снова, как только начинала об этом думать, и так вышло, что, вместо того чтобы играть как прежде, она могла часами сидеть смирно и тихо, уйдя в себя, почему ее все и звали маленькой мечтательницей. Раз как-то случилось, что старший советник суда починял часы в доме советника медицины; Мари сидела у стеклянного шкафа и, грезя наяву, глядела на Щелкунчика; и вдруг у нее вырвалось:

— Ах, милый господин Дроссельмейер, если бы вы на самом деле жили, я не поступила бы как принцесса Пирлипат и не отвергла бы вас за то, что вы из-за меня перестали быть красивым молодым человеком!

В тот же миг советник суда крикнул:

— Эй, эй, глупые выдумки!

Но в тот же миг последовал такой грохот и треск, что Мари без чувств свалилась со стула. Когда она очнулась, мать хлопотала около и говорила:

— Ну можно ли падать со стула?! Такая большая девочка! Из Нюрнберга сейчас приехал племянник господина старшего советника суда, будь умницей.

Она подняла глаза: старший советник суда снова нацепил свой стеклянный парик, надел желтый кафтан и довольно улыбался, а за руку он держал, правда, маленького, но очень складного молодого человека. Личико у него было кровь с молоком, одет он был в отличный красный шитый золотом кафтан, белые шелковые чулки и туфли, к жабо был приколот прелестный букет, голова была тщательно завита и напудрена, а по спине спускалась превосходная коса. Крошечная шпага у него на боку так сверкала, словно сплошь состояла из самоцветных камней, а подмышкой он держал шелковую шляпу. За столом учтивый молодой человек щелкал всей компании орешки; самые твердые были ему нипочем; правой рукой он совал их в рот, левой дергал себя за косу, и — щелк! — скорлупа разлеталась на кусочки. Мари вся зарделась, когда увидала учтивого юношу, а когда после обеда молодой Дроссельмейер предложил ей пройти в гостиную, к стеклянному шкафу, она стала пунцовой.

Как только молодой Дроссельмейер очутился наедине с Мари, он опустился на одно колено и повел такую речь:

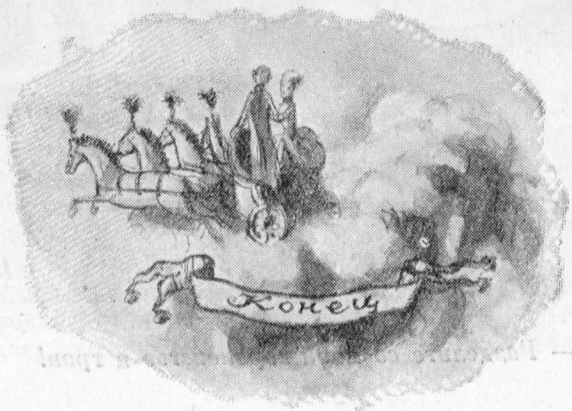
— О превосходнейшая, бесценная мадемуазель Штальбаум, взгляните: у ваших ног счастливый Дроссельмейер, которому на этом самом месте вы спасли жизнь. Вы изволили вымолвить, что не отвергли бы меня, как гадкая принцесса Пирлипат, если бы из-за вас я стал уродом. Тотчас же я перестал быть жалким Щелкунчиком и обрел мою былую, не лишенную приятности наружность. О превосходная мадемуазель Штальбаум, осчастливьте меня вашей достойной рукой!

Мари подняла юношу с колен и тихо сказала:

— Милый господин Дроссельмейер! Вы кроткий, добросердечный человек, а так как вы к тому же еще управляете прекрасной страной, населенной очень красивым, веселым народом, то я согласна, чтобы вы были моим женихом!

И Мари тут же стала невестой Дроссельмейера. Рассказывают, что по истечении года он увез ее в золотой карете, запряженной серебряными лошадьми, на свадьбе у них плясали двадцать две тысячи блистательных особ, сверкающих бриллиантами и жемчугом, а Мари, как говорят,— еще и поныне королева в стране, где, если только у тебя есть глаза, ты всюду увидишь сверкающие цукатные рощи, прозрачные марципановые замки,— словом, всякие чудеса и диковинки.

Вот вам сказка про Щелкунчика и мышиного короля.



П О Ч Т А

О дружбе

Письмо Беллы Немировской, которое мы напечатали во втором номере, заинтересовало ребят. Многие мальчики и девочки написали, что они думают о дружбе и как дружат ребята в их классе. Некоторые из этих писем мы напечатали в сегодняшней почте. Ребята пишут не только о дружбе между мальчиками и девочками, но и о многом другом. Когда вы прочтете их письма, подумайте, верно ли они пишут и так ли обстоит дело у вас. А когда подумаете хорошенько,— напишите нам.

Костя Турчин,

Западносибирский край, поселок Тальменка

Однажды я играл на перемене с девочками. Одна девочка нечаянно толкнула меня. Наш ученик Чигишев увидел это и говорит:

— Я бы ей отомстил.

Я ничего ему не ответил и пошел в класс.

Почему, если мальчик ударит девочку,— ничего, как будто так и должно быть, а если девочка даже случайно толкнет мальчика, то это считается чуть ли не оскорблением?

Не только у девочек бывает зависть к тем ребятам, которые отвечают хорошо, но и у мальчиков.

Один раз преподавательница математики вызвала меня отвечать урок к доске. Я как-то растерялся. А Коля Корнеев и Вася Лазаренко начали мне мешать: подсказывают, смеются надо мной. Наверно, они хотели, чтобы я получил плохо.

Чтобы сосредоточиться, я отвернулся от них к доске и тогда ответил правильно.

Касьян Михайлов (Ижевск)

Я с Беллой Немировской согласен: очень многие мальчики считают, что дружить с девочкой нельзя. Когда я пришел первый раз в класс и сказал не «девчонки», как говорили ребята класса, а «девчата», то меня подняли насмех и сказали: «У нас девчат нет, а есть девчонки». Это неверно. Разве девочки хуже мальчиков? Нет.

Оля Шуллер (Одесса)

По-моему, настоящий друг — это такой человек, с которым сходишься во всем: в мнениях, характерах, рассказываешь друг другу все свои секреты без утайки.

У меня есть подруга. С ней я дружу с малых лет. Мы любим и уважаем друг друга, но у нас совершенно разные характеры, и мы часто ссоримся. И она и я никогда не уступаем друг другу. Летом 1933 года произошел один случай, после которого мы очень сблизились. Наша семья и семья моей подруги поехали на лето в деревушку Люстдорф. Эта деревня находилась на берегу моря и со всех сторон была окружена полями. Местность там была очень хорошая. Мы купались в море, читали книги, ходили в поле за цветами.

Как-то я поссорилась с подругой, и мы долго не разговаривали друг с другом.

Утром я сказала маме, что вечером пойду к балке собирать цветы. Перед закатом солнца я пошла по пустынной дороге к балке. Вдруг слышу за собой поспешные шаги. Я обернулась и увидела запыхавшуюся от быстрой ходьбы Таню. Добежав до меня, она схватила меня за руку и потащила назад. Я хотела вырваться, Таня перевела дыхание и сказала мне:

— Оля! Не ходи к балке. Я слышала, что там убили и ограбили одного человека. Я сейчас узнала, что ты пошла туда, и побежала предупредить тебя.

Мы вернулись домой вместе. Я не знаю, жили ли на самом деле разбойники у балки, но я поняла, что Таня—действительно хороший товарищ.

Рената Евангулова (город Киров)

Если девочка разговаривает с мальчиками, то все очень косо смотрят на нее. У нас в школе нельзя разговаривать с мальчиком как с другом. Надо его называть «дураком», «идиотом», смеяться над ним. Это считается храбростью.

Я очень люблю читать, и у нас дома очень много интересных книг. Все мои подруги берут у меня их почитать, но когда я даю книги кому-нибудь из мальчиков, то все подсмеиваются надо мной: дескать, с чего это я с ними дружбу завела.

Как-то я хотела одному из учеников (он в интернате живет) дать на выходной день что-нибудь почитать. Он знал, где я живу, и мы условились, что он зайдет ко мне домой. Но он не пришел, а на другой день сказал, что не было времени. После я узнала, что его просто все засмеяли, что он к девочке идти хочет.

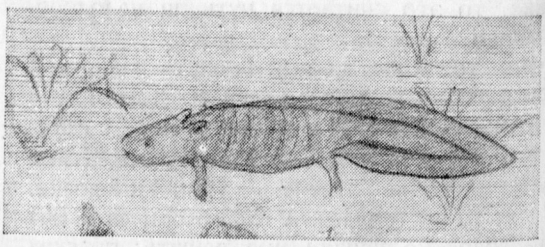
Но несмотря на это я всегда стараюсь давать интересные книги не только девочкам, но и мальчикам. Также и дружить с мальчиками очень интересно. Они придумывают разные игры, не ссорятся, как это очень часто бывает у девочек, и так иногда обидно, что нельзя с ними так же дружить, как с девочками.

Как я превращал аксолотля в амблистому

Володя Соседов

Москва, Костянский пер. кв. 42

У меня в комнате стоят аквариумы. В них плавают рыбы: аксолотли, тритоны. На кухне живут морская свинка и белая крыса «Петька». Больше всего меня интересует жизнь аксолотлей. Вначале мне казалось, что аксолотли животные вроде рыб. Они тоже живут в воде. Но я несколько раз замечал, что аксолотли время от времени стараются выйти из воды, карабкаются по стенкам аквариума. Это навело меня на мысль, что аксолотли нуждаются в атмосферном воздухе больше чем рыбы. Я стал читать книги про аксолотлей и узнал, что аксолотль — земноводное животное. Почти



Черный аксолотль плавает в моем аквариуме перед превращением в амблистому.

все время аксолотль находится в личиночном состоянии, но его можно превратить в амблистому [1].

[1] Амблистома относится к числу хвостатых земноводных животных. Она бывает довольно крупных размеров — до 25 сантиметров в длину.

Аксолотль — это личиночная стадия амблистомы. Аксолотлей часто разводят в различных лабораториях и широко используют их для биологических наблюдений. Родина почти всех амблистом—Америка. Живущие у нас аксолотли — это личинки мексиканской или североамериканской амблистомы и в неволе обычно никогда не превращаются в амблистому. Они всю жизнь сохраняют жабры, спинной и хвостовой плавники. Это — очень интересное животное, которое обладает редкой способностью размножаться, находясь в личиночной стадии (аксолотль откладывает икру).

Я задумался над этим вопросом и решил сделать такой опыт.

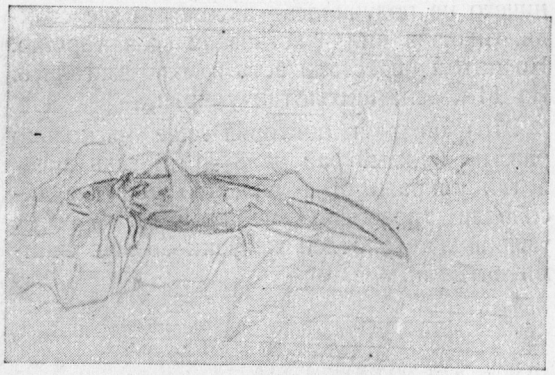
Взял аквариум, насыпал на дно его чистого речного песку, положил кусок роголистника и налил до половины аквариума воды температурой 10 градусов по С. Потом взял двух семимесячных аксолотлей: самца и самку (самец черный, а самка белая). Перед тем как посадить их в аквариум, я их взвесил. Черный — самец — весил 32 грамма, а белый — 38 граммов. Потом я посадил их в воду, дал мотыля и положил полтаблетки чистого тиреоидина [1].

Прошло десять дней, но с аксолотлями никаких изменений не произошло. Меня это удивило, так как за это время некоторые изменения должны были произойти. Я вспомнил, что у аксолотля во время превращения в амблистому развиваются легкие, а жабры отмирают. А поэтому он должен больше дышать воздухом и меньше находиться в воде. А у меня в аквариуме было слишком много воды. Половину воды я отлил, и через 17 дней я увидел, что аксолотли стали есть мало обычного корма и глотать много воздуха.

Как-то я принес двухмесячного малька аксолотля (у него даже задние ноги были плохо развиты). Свободной банки у меня не оказалось. Я пустил его к взрослым аксолотлям в аквариум. На другой день малек исчез. Должно быть, его с'ели взрослые аксолотли, потому что аквариум был высокий и вылезть из него аксолотль не мог.

На 25-й день у аксолотлей наступил период линьки—они стали сбрасывать с себя кожу. Они вырывали головой углубление в песке и влезали туда до половины. Иногда из воды вылезали на песок. Но тут случилось несчастье — аксолотль-самец издох. Я думаю, что аксолотль умер потому, что аквариум стоял на солнце, воду я менял редко и от разложения тиреоидина она испортилась.

А самка-аксолотль продолжала превращаться, только очень медленно. Мне захотелось ускорить превращение. Я влил ей в рот раствор тиреоидина. Трудно сказать, ускорилось ли от этого превращение, так как больше я этого не повторял. Но через две недели жабры у самки исчезли, хвост округлился, тело стало более подвижно. Вес ее уменьшился на 6,5 грамма. Аксолотль стал амблистомой. Все превращение длилось 44 дня, закончилось оно в середине марта прошлого года.



Аксолотль во время линьки.

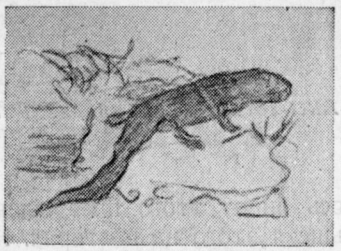
В мае в зоологических магазинах мотыля не бывает. А у меня, кроме аксолотлей и амблистомы, жили еще другие животные. Надо было их кормить. Поэтому мне приходилось очень экономить корм. Я решил давать аксолотлям мотыля по порциям, в питейках (баночках). Сначала я даже и не думал, что аксолотли будут есть из банок, но оказалось, что я был неправ. В тот день, когда аксолотль, вероятно, проголодался, я попробовал дать ему корм в питейке. Он подполз к питейке, приподнялся на задних ногах, передними ногами оперся на край банки, потом приподнял правую заднюю ногу и тоже уцепился ею за край питейки. Усевшись таким образом на краю банки, он потом вытянул шею, опустил голову и стал есть. Наевшись, аксолотль медленно слез с питейки. Так я приучил его есть из банки.

После этого опыта с семимесячным аксолотлем я решил то же проделать с аксолотлями в возрасте 2 — 3 месяцев. Но у меня

[1] Тиреоидин — это порошок высушенной щитовидной железы, обычно от крупного рогатого скота (быка или коровы). Он вводе таблеток употребляется как лекарство для больных людей, у которых щитовидная железа работает плохо.

ничего не получилось—аксолотли все сдохли. Сначала они чувствовали себя хорошо. Но потом перестали есть и мало двигались. На 11-й день аксолотли умерли.

Этот опыт я повторял еще несколько раз, но каждый раз на 8—12-й день аксолотли умирали. Я думаю, что молодые аксолотли тиреоидина не выносят: у всех умерших аксолотлей желудки были с синими пятнами.



Тогда я решил превратить аксолотля в амблистому без тиреоидина. Постепенно я снижал уровень воды в банке. Через три недели я снизил уровень воды на столько, что аксолотли плавать уже в ней не могли. Гребни и жабры у них стали уменьшаться.

Через 4½ месяца аксолотли превратились в амблистом.

Мне приходилось слышать, что аксолотли жестоко дерутся между собой. Но видеть мне этого долго не удавалось. И вот однажды я увидел, как они дерутся. Белый аксолотль погнался за черным, настиг его и откусил ему конец хвоста. Черный быстро обернулся и схватил белого за переднюю ногу. Раздался пронзительный писк. Аксолотль рванулся, но уже было поздно. Черный откусил ему ногу. После этого аксолотли разошлись в разные стороны, стали подкрадываться друг к другу, толкались, стараясь укусить.

Вдруг черный схватил белого за жабры. Тот стал отчаянно биться и вырвался. Через несколько минут бой кончился и оба аксолотля изуродованными ушли в разные стороны аквариума.

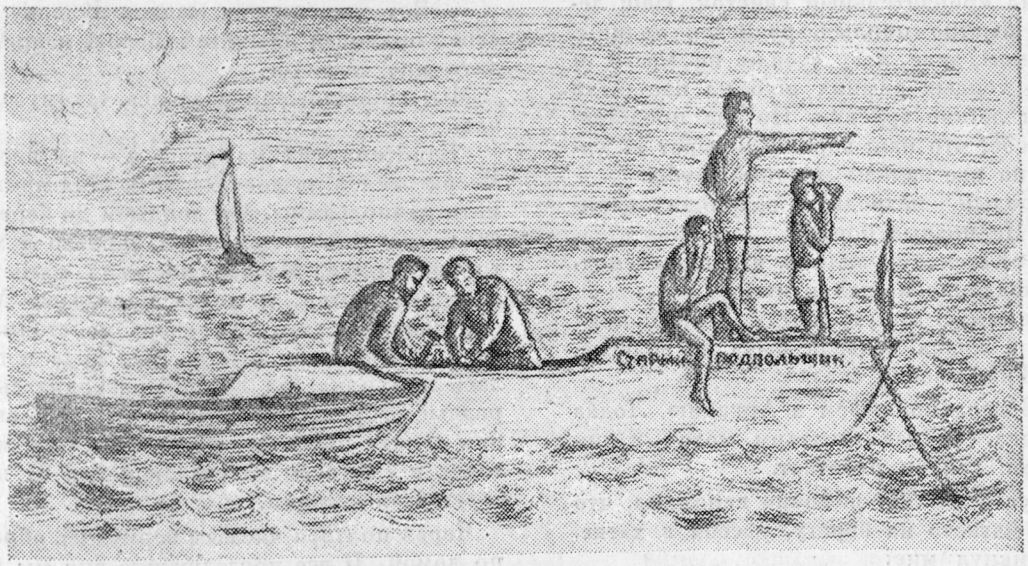
Наблюдения Володи Соседова о превращении аксолотлей в амблистом очень интересны. Володя умеет хорошо наблюдать. Его предположение, что молодые аксолотли в возрасте до двух месяцев не выносят тиреоидина, близко к истине. Очевидно, тиреоидин для таких молодых аксолотлей ядовит. А до двух месяцев аксолотли вообще не могут быть превращены в амблистом. Ученые производили специальные опыты и убедились в этом. Впервые превратить аксолотлей в амблистом удалось в 1865 году в Парижском ботаническом саду. Постепенно изменяя условия и заставляя аксолотлей переходить от водного образа жизни к наземному, Мария де Шовен добилась превращения аксолотля в амблистому. Оказалось, что при этом очень важную роль играет тепло и избыток корма.

Превратить аксолотля в амблистому очень трудно и требует большого уменья. Опыт Володи говорит, что у него есть и терпенье и уменье.

М. Мацкевич,

старший научный сотрудник биологического института им. Тимирязева

□ □ □



— Белый медведь! На правый борт!

Дальнее плавание

Письмо Леопольда Блау

Одесса, ул. Тарло, д. 19, кв. 16

Рисунок Глеба Баскакова (Москва)

Я живу на берегу Черного моря в Одессе.

Летом наша семья выезжала на дачу на Средний фонтан, 11-ю станцию. Целые дни мы проводили на море: купались, загорали, барахтались в горячем песке. И вот однажды я и мой товарищ Пава Черный со своим братом Лесиком (Лесику было 8 лет) пошли на море; погода была очень хорошая, и мы решили прокатиться на лодке от 11-й до 12-й станции. Я пошел к знакомому мне рыбаку и попросил лодку, но он нам не дал и говорит: «В другой раз дам, а сейчас нет: нужно отвезти мастера, чтобы он починил моторную лодку, которая стоит в море на якоре. Да и гарышник начинает дуть. Еще унесет вас».

А гарышник — это северовосточный ветер, которого очень боятся рыбаки.

Мы сделали печальные лица, но не уходили. Я знал, что старик — очень добрый человек, не утерпит и даст нам лодку.

Немного подумав, он сказал: «Ну, ладно, мастер приедет, я вас прокачу немножко».

Мы втроем сели и с нетерпением стали ждать, когда приедет мастер. Через полчаса приехал мастер; он сел с Иваном Трофимовичем (так звали рыбака) в лодку, взял нас с собой, и мы поехали. Доехали до моторной лодки «Старый подпольщик», сели в нее, пошли на нос и стали воображать, что мы во льдах Арктики. Я изображал Шмидта, Пава—Воро-

нина, а Лесик—Кренкеля. Капитан Воронин дал пронзительный свисток. Наш ледокол быстро поплыл, разрезая льдины. На самом деле мы стояли на месте, и вместо теплых зимних шуб на нас были надеты легкие трусики. Но мы представляли себе, что наш корабль плывет 17 узлов и на нас надеты меховые шубы.

— Белый медведь! — закричал капитан.— На правый борт!

Мы с Лесиком увидели, как белый медведь медленно пошел к нам.

В ту самую минуту, когда Лесик поднял ружье и жизнь медведя была на волоске, Иван Трофимович сказал:

— Завтра поплывем в Аркадию. Лодка починена. Сейчас запустим мотор и попробуем, как он работает.

Вдруг Иван Трофимович вспомнил, что забыл магнето на берегу, у себя в хатке. Он крикнул мне:

— Эй ты, капитан, иди-ка сюда!

Когда я подошел, он сказал:

— Вот что, парень, садись в лодку со своей оравой и плывите к берегу и привезите мне магнето.

Мы, конечно, обрадовались такому случаю.

«Капитан» сел на руль, я — на весла, Лесик уселся на носу лодки и стал принимать радиограммы. Мы доплыли до берега, взяли магнето и приплыли обратно к моторной лодке. Мастер поставил магнето, закрутил мотор, и лодка понеслась. Мы обрадовались, что мы теперь не стоим, а едем, да еще так быстро, что вода пенилась и бурлила за лодкой, расходилась в разные стороны. Мы думали, что весь свет нам сейчас завидует, а мы гордо стояли в лодке и смотрели на удаляющийся от нас берег 11-й станции.

Через полтора часа мы вернулись обратно домой. И все последующие дни мы говорили о нашем дальнем плавании.

Наша козочка

Письмо и рисунок Люси Сущенцевой

Пермь, неполная средняя железнодорожная школа № 18

Была у нас молодая козочка, очень капризная и большая проказница. Звали ее Зоя Ивановна. Редкий день проходил без того, чтобы Зоя Ивановна не натворила беды. То в сад зайдет, где посажена малина, и листья с деревьев об'ест, то в огород заберется. Уследить за ней было трудно. Один раз пасли мы ее в лесу. Я заговори-

лась с подругами. А наша Зоя Ивановна в это время ушла далеко от нас, и мы этого не заметили. Спохватились мы, а козы и след простыл. Искали мы ее, искали и, наконец, нашли в чужом саду. Мы очень обрадовались, что нашли ее, и, пока хозяева чужого сада не увидели ее, увели домой.

Гроза

Стихотворения и рассказ Леонида Миронычева
Тула, Большая Заречная, № 28.

Настал вечер. Я был дома, а брат на улице. Вдруг кругом все стемнело: надвигалась туча. Сверкнула молния, загремел гром, и первые капли дождя упали на землю. Мама стала занавешивать окна. Она занавесила все окна и говорит: «Ложитесь спать». Вдруг молния сверкнула и осветила всю комнату. Я с испугу и не помню, как разделся, одним прыжком очутился в кровати и закутался в одеяло с головой. Вдруг слышу маму жиличка зовет:

— Анастасия Михайловна!

— Что? — говорит мама.

— Подите сюда, никак рядом пожар начался.

— Да что вы говорите? — сказала мама.

Мама встала и вышла в комнату жилички. Оказалось, это был не пожар. Ходили со свечой, занавешивали окна. Но занавески не держались и падали, а у свечки огонь мелькал.

БУДЕННЫЙ

Несется Буденный на белом коне,
Несется он быстро и саблею машет.
За ним его бойцы.
Несутся они быстро и саблями машут.
Врезались в гущу бойцы удалые,
Разогнали врагов они быстро,
И смело они скачут за командиром
своим после битвы.
Несется Буденный на белом коне,
Несется Буденный на быстром коне.
За ним его бойцы.

В ЛЕСУ

Сижу я на поваленной сосне
И смотрю кругом,
А кругом все лес и лес.
Налево от меня завод кирпичный,
За заводом — лес и лес.
Слез я с поваленной сосны и пошел.
Иду, а надо мною сосны шепчутся тихо
и грустно,
Как будто хотят они мне рассказать
про обиды свои.
Вот вышел я на дорогу и поспешил домой.

Рыбная ловля

Письмо и рисунок Юры Коринец

Москва, Каляевская ул., д. 5, кв. 74.

Над рекой заходило солнце. Воздух был прозрачный и душистый, как часто бывает в летние вечера.

Мы с товарищем ловили рыбу. Мы сидели под обрывистым берегом, у тихой речки. Густые ивовые кустики, «золотые», как называют их, росли у самого берега. Иногда ветерок заставлял шевелиться тонкие листики кустов, и они так блестели в лучах солнца, что кусты и вправду казались золотыми.

В чистой, прозрачной воде спокойно плавали стаи рыб, поблескивая чешуей, и лишь толстые, большие пескари угрюмо лежали на дне, почти сливаясь с ним. На поверхности воды плавали веселые и глупые уклейки. Иногда они выпрыгивали из воды и нарушали тишину реки звонким всплеском. Крупные подуздцы важно плавали у берега, проплывая мимо нашей наживки, будто ее не замечая, как мы ни старались подсунуть ее им под самый нос.

В сумке у нас уже были пять пескарей и четыре подуздца, которых мы поймали раньше, на другом месте.

Вдруг мой поплавок стал медленно ползти и внезапно исчез под водой. Я подсек и почувствовал крупную рыбу. Моя удочка изогнулась, а леска ушла куда-то в глубину.

Ванька, мой товарищ, вскочил и хотел было мне помочь, но я ловко выбросил жирную плотву на берег. Мы оба кинулись к трепещущей рыбе. Рыба была очень крупная. Иногда она поводила своими красивыми красными плавниками и открывала большой рот.

Мы бережно опустили ее в сумку и снова уселись около воды. Зашло солнце, молочный туман медленно окутал землю, и обрывистые берега речки постепенно стали расплываться.

Удочка изогнулась...

ДУНЬКА

Рассказ зоотехника Г. Кошелевой

Однажды камчатские охотники убили большую медведицу, а медвежонка принесли в мешке в лагерь нашей экспедиции. Мешок развязали, и из него, жалобно ворча, вылез маленький вз'ерошенный мохнатый медвежонок. Вид у него был обиженный и недоверчивый. Мы назвали медвежонка Дунькой.

С первого же дня она напугала своим ревом корову: задравши хвост, корова умчалась в лес, ее нашли только вечером. А поросята сразу стали дунькиными врагами: они с'ели ее кашу; и с тех пор стоило появиться поросенку, как Дунька опрометью удирала, уступая ему даже свою любимую «толкушу» — давленые ягоды с сахаром.

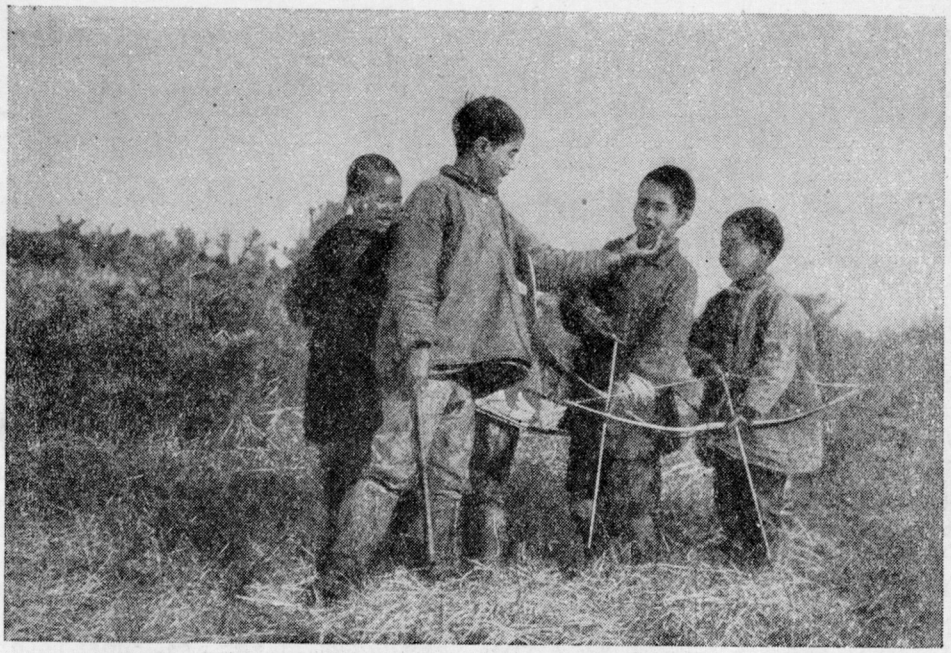
Через короткое время Дунька совсем освоилась. Ко мне она очень привязалась, сопровождала меня повсюду: в лес и в тундру, на речку и в питомник чернобурых лисиц, который находился в двух километрах от нашей базы.

В питомник вели две дороги. Более короткая дорога — через речку. Как-то провожала меня Дунька в питомник и ушла вперед по короткой дороге. Переплыла речку, сидит, ждет и сердито рычит: удивляется, почему я не лезу в воду. Но я пошла в обход. А Дуньке одной стало скучно — она переплыла речку обратно, подошла ко мне и насухо вытерлась о мои ноги.

Однако скоро я перестала брать с собой Дуньку в питомник, потому что лисицы пугались дунькиного рычанья. Сядет, бывало, Дунька около клетки, смотрит и дружелюбно ревет, а лисицы мечутся. Рычала Дунька почти все время: то сердито, то обиженно, то ласково. С первых же дней нашего знакомства Дунька повадилась забираться ко мне на колени. При этом ее надо было чесать за ухом.

Когда она выросла с большую собаку, то помещалась на коленях только тремя лапами, а четвертая оставалась на земле как подпорка. Влезет, лижет руки и ласково рычит. Иногда мы бегали с ней вечером вдоль берега моря по тундре и догоняли друг друга. Догонит она меня, ударит лапой, повалит на землю и рычит: пугает. А на самом деле только играет. Мальчики-коряки устраивали игру-облаву на Дуньку, и Дунька никогда их не обижала.

Лето на Камчатке короткое. Сразу за-



Мальчики-коряки играют в охоту на Дуньку.

цветают все цветы, быстро созревают ягоды: морошка, голубика, костяника, — а в тундре появляются целые заросли красных грибов. Ягод так много, что местные жители ходят с маленькими совками и ими прямо черпают ягоды с травы Но Дунька сама рвать ягод не желала: я ее очень избаловала, и приходилось для нее ягоды собирать и давать из рук.

Однажды я пошла за грибами и Дунька — со мной. Пошел с нами и зоотехник Егор Иванович. Набрали мы грибов полные корзины, так что тащить было тяжело. А грибы, как на зло, так в глаза и лезут, и все крепкие, яркие, как на подбор. Решили мы с Дунькой больше грибов не собирать. Сидим и отдыхаем. А Егор Иванович никак от грибов не оторвется, собирает и горкой накладывает в корзину. Дунька подошла к его грибам, понюхала, выбрала большой крепкий гриб и с'ела его.

— Ах ты! — закричал на нее Егор Иванович и запустил в Дуньку палкой.

Дунька обиделась, бросилась ко мне. Влезла на колени и долго ревела. Обиделась — еще бы: грибов уйма, а ей один гриб пожалели. Я стала ее утешать. Дунька успокоилась, слезла с коленей, улеглась, но на Егора Ивановича все сердито глядела.

А он поставил свои корзины на пригорок и закурил трубку. Смотрю: встала моя Дунька и, переваливаясь, тихо побрела к корзинам. Ну, думаю, опять гриб утащит. Вдруг Дунька подскочила к корзинам и ударила по ним изо всей силы носом. Грибы покатились под откос.

Егор Иванович очень рассердился, а мы с Дунькой скорей побежали домой.

Наступила осень. Стало холодно. Выпал снег. По морю пошли первые льдинки. Дунька из маленького медвежонка превратилась в здоровенную медведицу. Шерсть ее побурела и стала очень густой. Многие стали побаиваться Дуньки и при встрече с ней почтительно уступали ей дорогу.

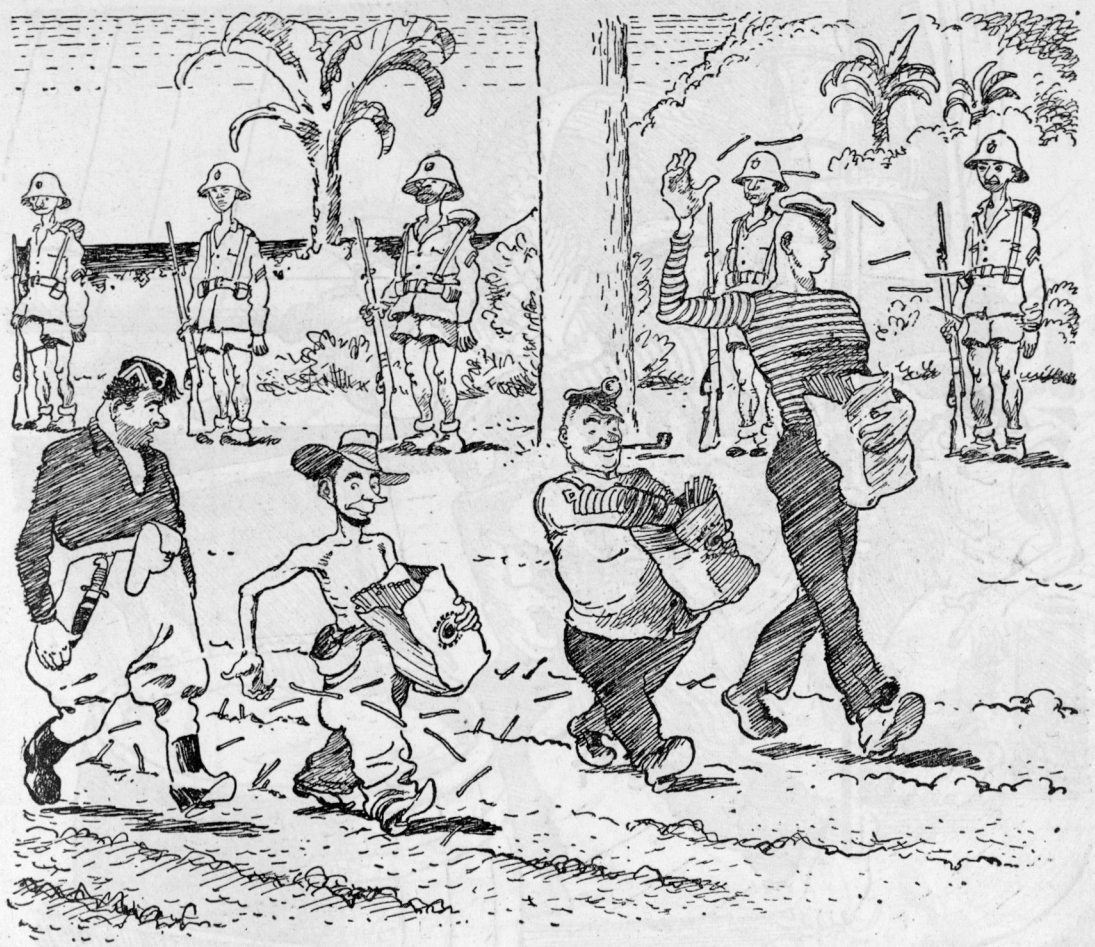
Мы собирались уезжать и ждали парохода. Но как быть с Дунькой?

Пришел пароход. Но капитан отказался наотрез взять Дуньку.

Пробовала я отвести Дуньку в лес. Но Дунька все время следила за мной, чтобы не потеряться и вместе вернуться домой.

Наступил час от'езда. В последний раз потрепала я мохнатую голову Дуньки и села в катер, который быстро пошел к пароходу. А Дунька бегала по берегу и пыталась броситься в воду, чтобы плыть за катером. Я видела, как ее схватили и заперли в сарай. Мне было ее очень жаль, и я даже заплакала.

Через год я получила письмо, в котором мне писали, что Дунька стала после нашего от'езда очень злая и вскоре сама убежала в лес.



Приключения капитана Врунгеля

(Продолжение)

А. Некрасов *Рис. К. Ротова*

«Беда» шла у берегов Эритреи. Вдруг на рассвете я слышу раздирающий душу вопль.

— Человек за бортом! — скомандовал я.

Ну приняли меры и извлекли потерпевшего. Гляжу: офицер. Он взял под козырек:

— Сержант итальянской армии Джулико Бандитто к вашим услугам. Если не затруднит, ссадите меня вон туда.

Я причалил, подал сходню. Тут мой сержант опять берет под козырек:

— Благодарю вас, капитан, а теперь потрудитесь сойти на берег.

Я говорю:

— Полноте, батенька, некогда мне...

Тут он достает свисток, и вдруг, понимаете, из-за скал налетает рота головорезов, подхватили нас подмикитки и поволокли. Привели в лагерь, доложили полковнику.

— Ага, — говорит полковник, — вторглись на итальянскую территорию? Все ясно: судно конфисковать, людей поставить на полевые работы.

Ну и поставили. За день мы намучились, проголодались. Хорошо, Фукс стянул у мула горсть овса — только и поели.

А к ночи приходит сержант Джулико: сжалился, принес тарелку макарон.

Мы с Ломом накинулись, а Фукс, гляжу, нос воротит.

— Разве это макароны? — говорит. — Это же подделка. У вас здесь такой благодатный климат, господин сержант, тут можно замечательную макаронную плантацию развести, на всю Италию хватит. Доложите полковнику, я, если угодно, сделаю опытную посадку. У меня и рассада есть на судне...

Доложили. И полковник этот развесил уши, приказал отвести нам участок. Фукс наломал макарон, посадил, поливает...

И представьте, взошли! Сперва этакие зеленые росточки, потом листики... Ну и поверили итальянцы, да и я поверил. И вот этот полковник спрашивает:

— Нельзя ли засеять все поле?

— Можно, — говорит Фукс, — только у меня семян мало, а ваши если сеять, — спиртом надо поливать.

Выкатили цистерну спирту, мы засеяли поле, и пошла поливка... Такое началось веселье: песни, шум, к вечеру драки... А мы скорее на берег, подняли паруса и пошли...

— Ну, Фукс,— говорю я,— вам не матросом, вам агрономом быть. Ведь это — чудо, чтобы макароны проросли.

— Никакого чуда, Христофор Бонифатьевич, — отвечает он, — просто ловкость рук: у меня овес остался в кармане, а с овсом не только макароны: окурки — и те взойдут.

На другой день я обогнул мыс Гвардафуй.

Океан встретил нас ровным пассатом. Идем, приближается к экватору.

Экватор, как вам известно, — линия воображаемая, однако вполне определенная. Переход ее с давних пор сопровождается небольшим самодеятельным спектаклем на корабле: якобы морской бог Нептун приходит на судно и после непродолжительной беседы с капитаном купает моряков, впервые посетивших его владения.

Я решил тряхнуть стариной и возродить этот старый обычай. С утра приказал выставить бочку с водой, затем сказался больным, заперся в каюте и занялся подготовкой: сделал бороду из швабры, соорудил трезубец, корону, прицепил рыбий хвост и в полном облачении поднялся на палубу...

Лом и Фукс замерли в оцепенении. Наконец, оправившись от изумления, Лом смущенным голосом произнес:

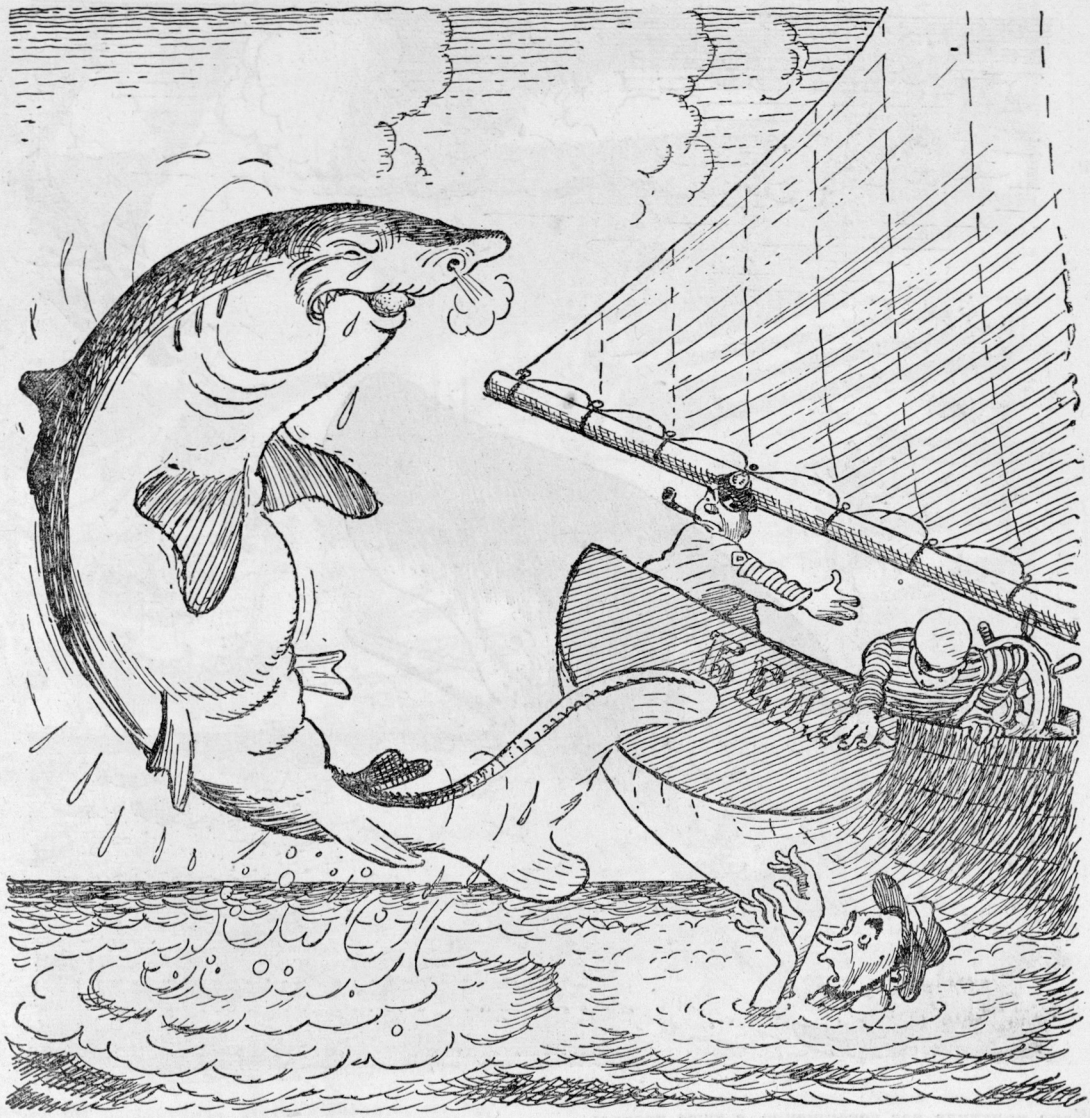
— Что с вами, Христофор Бонифатьевич?

Я заранее подготовил ответ в стихотворной форме:

«Я Нептун, морское чудо,
Мне подвластны вся вода,
Рыбы, ветры и суда.
Рапортуйте мне: откуда
И куда идет «Беда»?»

Лицо Лома выразило мгновенный испуг, потом он бросился как леопард, облапил меня своими ручищами и потащил к бочке.

— Старика хватил солнечный удар, надо остудить ему голову! — крикнул он и принялся окунать меня в воду.



Корона моя размокла, трезубец упал, положение прискорбное и почти безвыходное, но я собрался с последними силами и в момент между двумя погружениями бодро скомандовал:

— Отставить макать капитана!

— Есть отставить макать капитана! — гаркнул Лом и вытянул руки по швам.

Я ухнул в воду... Одни ноги торчат. Мог бы и захлебнуться, хорошо, Фукс догадался: завалил бочку на бок.

Вы сами понимаете, какой ущерб моему авторитету нанесло это событие. А тут еще мы потеряли пассат. Наступил мертвый штиль, и безделие воцарилось на яхте.

От скуки я предложил играть в шахматы.

Вот так однажды мы с Ломом засели с утра доигрывать незаконченную партию. Жара стояла убийственная. и Фукс, свободный от игры, полез купаться. Вдруг слышу: кричит.

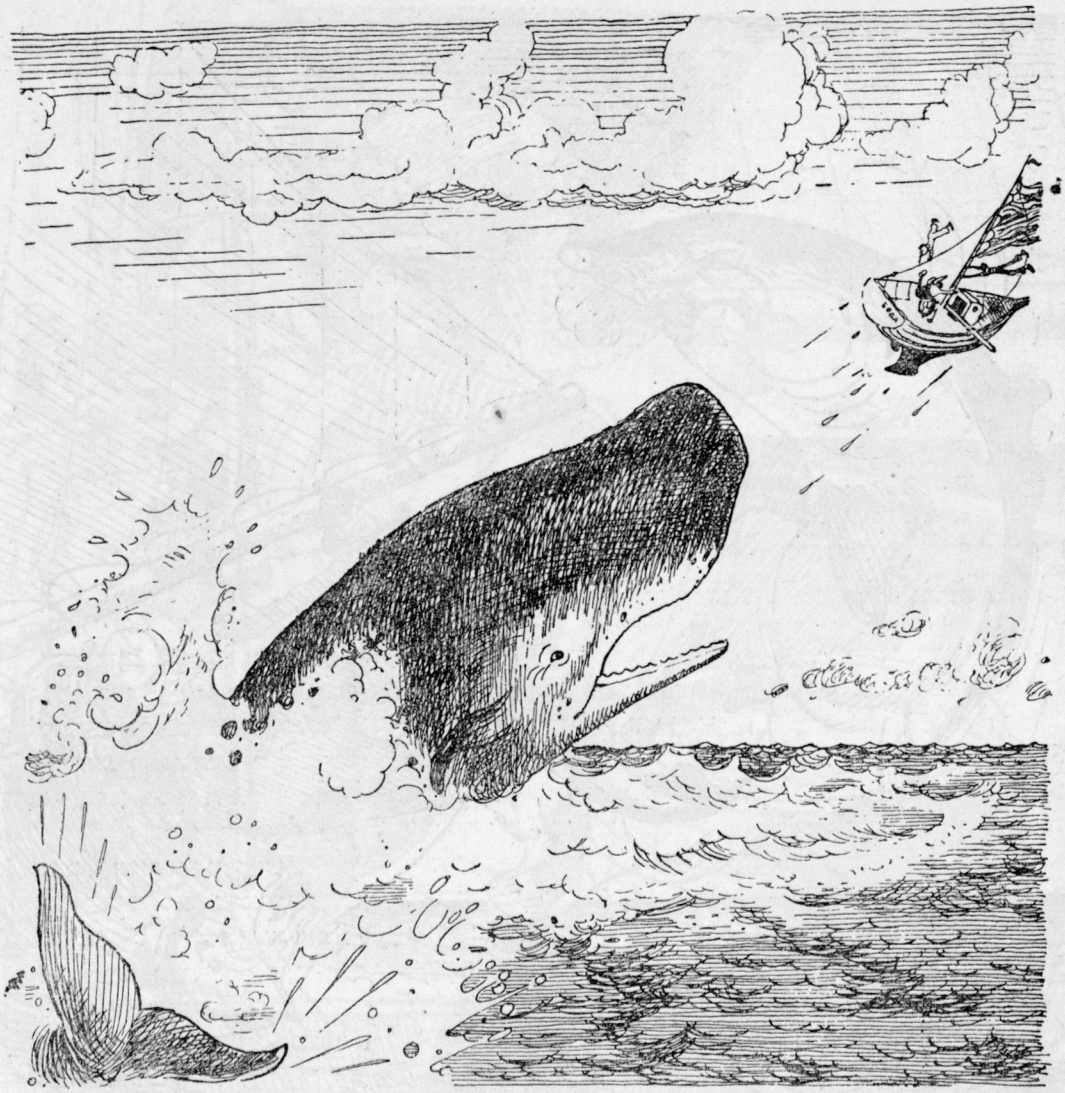
Взглянув, я увидел над водой шляпу Фукса (он купался в головном уборе, опасаясь солнечного удара). Отчаянно вопя, Фукс бил по воде руками и ногами, поднимал тучи брызг и медленно приближался к «Беде». А за ним, рассекая лазурную гладь моря, бесшумно скользил над водой спинной плавник огромной акулы.

Настигнув несчастного, она перевернулась на спину, разинула свою огромную пасть, и я, невольно закрыв глаза, схватил что-то со стола и изо всей силы швырнул в морду хищника.

Результат получился поразительный: зубы чудовища мгновенно сомкнулись, и в ту же секунду, бросив преследование, акула завертелась на месте. Она выпрыгивала из воды, жмурилась и, не разжимая челюстей, отплевывалась во все стороны.

Фукс тем временем успел вскарабкаться на борт и в изнеможении подсел к столу. Он пытался что-то сказать, но от волнения глотка его пересохла, и я поспешил налить ему чаю.

— Вам с лимоном? — спросил я, протянув руку к блюдцу, но блюдце оказалось пустым. Тогда я все понял: в минуту смертельной опасности лимон подвернулся мне под руку. Он-то и спас Фукса. Акулы, знаете, непривычны к кислому. Да что там акула, вы сами попробуйте лимон целиком, так скулы сведет, что рта не откроете.



Жара измучила нас совершенно, я даже несколько похудел и не знаю, чем бы все это кончилось, если бы однажды не подул ветерок.

Изнуренный бездельем, экипаж проявил максимум энергии. Мы мгновенно поставили паруса, и «Беда», набирая ход, пошла дальше на юг.

Вас, может быть, удивит взятое мной направление? Не удивляйтесь, взгляните на глобус: идти вокруг света вдоль экватора долго и трудно. Многие месяцы потребует такой путь. У полюса же вы легко можете хоть пять раз за день обойти землю кругом, тем более что и дни там бывают до 6 месяцев продолжительностью.

Вот мы и стремились к полюсу. И с каждым днем спускались все ниже и ниже. Прошли умеренные широты, приблизились к Полярному кругу. Тут уже, понимаете, холодок дает себя знать. И море не то: вода серая, туманы, низкая облачность. На вахту выходишь в шубе, уши мерзнут, на снастях сосульки...

И вот однажды, в морозную погоду, мы идем неспеша. Вдруг как ухнет! Взрыв — не взрыв, гром — не гром — не поймешь.

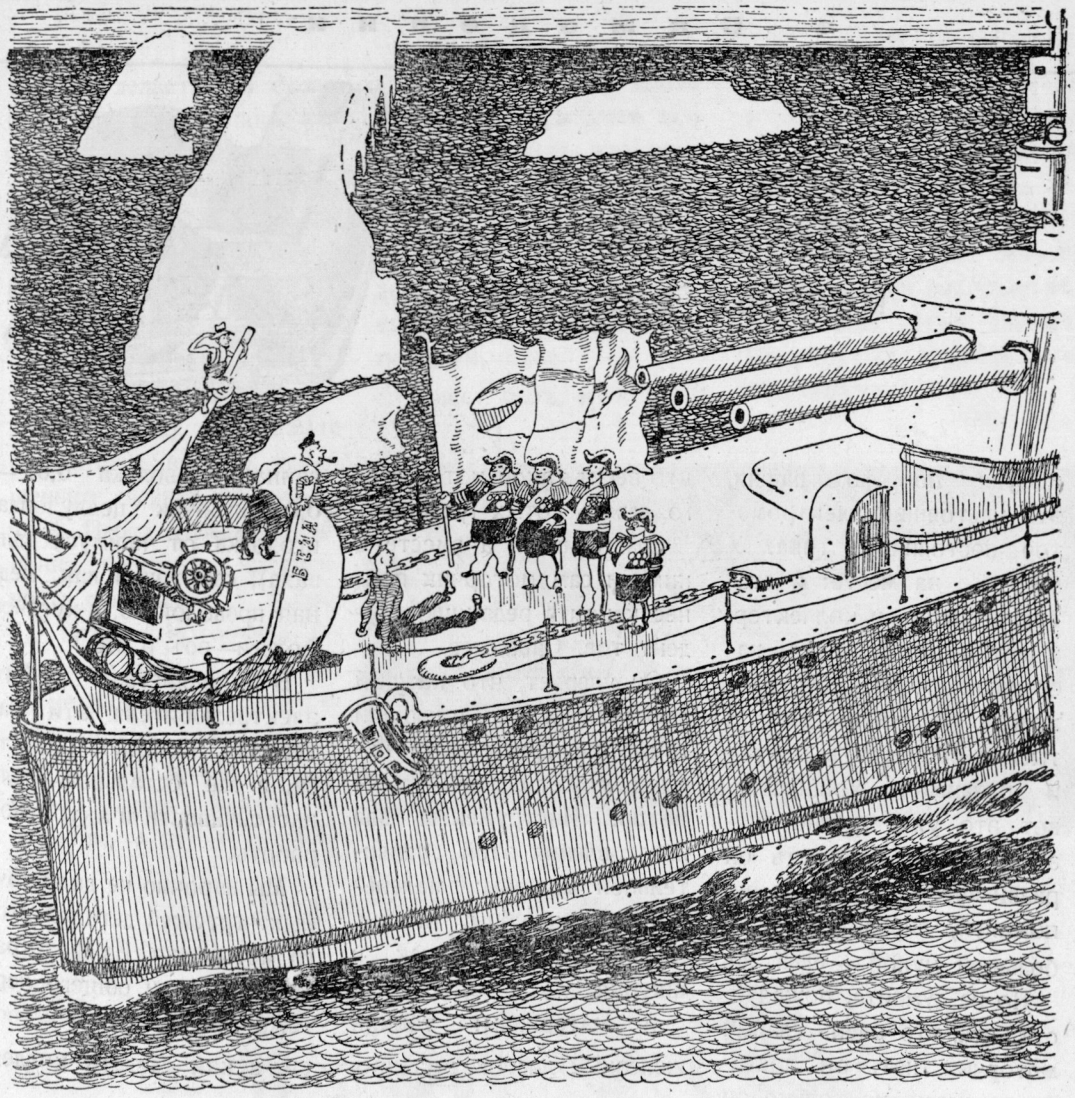
Подождали, прислушались — тишина, потом снова — бабах! — и опять тишина.

Я заинтересовался и повел «Беду» навстречу загадочному явлению.

И вот видим: на горизонте облако тумана. Вдруг из средины его вздымается столб воды, фонтаном падает в море, при этом глухой раскат снова разносится по океану.

Любопытство и стремление обогатить науку разгадкой непонятного явления победили во мне чувство осторожности. Я встал в руль и ввел судно в туман. Иду, смотрю: сосульки с бортов начинают падать, да и так заметно значительное потепление. Сунул руку за борт — вода только что не кипит. А перед носом в тумане вырисовывается нечто огромное, вроде сундука. И вдруг этот сундук: «Ап-чхи!»

Ну тогда я все понял: кашалот, понимаете, зашел из Тихого океана, простудился во льдах Южного полюса, подхватил грипп, лежит тут и чихает. А раз так, не удивительно и нагревание воды: инфекционные заболевания обычно сопровождаются повышенной температурой.



Можно бы загарпунить этого кашалота, но неудобно пользоваться болезненным состоянием животного. Не в моих это принципах. Напротив, я взял на лопату хорошую порцию аспирина, нацелился, только хотел сунуть ему в пасть, вдруг, понимаете, налетел ветерок, подкатила волна, ну и, знаете, промахнулся, не попал. Аспирин рассыпался и вместо рта да в дыхало, в ноздрю, так сказать.

Кашалот вздохнул, замер на секунду, потом опять как чихнет да прямо на нас! Ну уж чихнул, так чихнул!

Яхта взвилась под самые облака, потом пошла на снижение, перешла в штопор, и вдруг... хлоп!

От удара я потерял сознание, а когда очнулся, смотрю: прямо на меня глядят жерла дальнобойных орудий, и под защитой их приближается небольшая группа в чинах, судя по мундирам, не ниже адмиральских.

Я представился. Они со своей стороны об'яснили, что являются международным комитетом по охране китов от вымирания, и тут же, на палубе, допросили меня. Я рассказал своими словами: так, мол, и так: встретил, оказал посильную помощь.

Они выслушали, пошептались и удалились на совещание, а мы сидим, ждем, тоже совещаемся.

— Вынесут благодарность, может, медаль дадут,— говорит Лом.

— Что медаль! — возражает Фукс.— По мне, лучше что-нибудь деньгами...

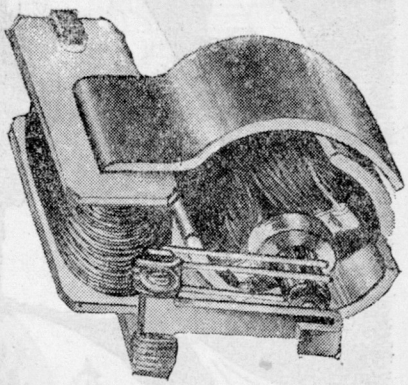
Ну а я воздержался, промолчал, а потом пошел послушать.

Сел тихонько в уголке, а там уже идут прения. Как раз слово взял представитель Японии — адмирал Кусаки.

— Наша общая цель, — сказал он, — охрана китообразных от вымирания. Для достижения этой высокогуманной цели у нас есть одно средство — уничтожение китов, ибо с уничтожением их некому будет вымирать. А что сделал этот жестокий человек — капитан Врунгель? Имея полную возможность уничтожить кашалота и тем спасти его от вымирания, он отстранился от выполнения своего долга. Я предлагаю наказать нарушителя и отобрать его судно.

(Продолжение следует)

Моторчик меньше мухи



Судя по фотографии, это настоящий электромотор постоянного тока. У него все на месте: и статор, и ротор, и коллектор, и щетки. Да это и есть настоящий мотор. Он прекрасно работает: дает 3 тысячи оборотов в минуту и развивает мощность... вот это уже трудно сказать, какую мощность он развивает. С комаром он, пожалуй, справится, а с большой мухой — едва ли.

Но не думайте, пожалуйста, что это очень слабый моторчик, нет, он достаточно силен, но только он очень маленький. На фотографии он сильно увеличен, а вот тут же, внизу, есть другая фотография, там этот моторчик снят на ногте. И чтобы он не казался крупинкой, пришлось и этот снимок увеличить в три раза.

Есть еще снимок, где он снят рядом с мухой. Там уж ясно, что этот моторчик — действительно карлик, и, глядя на этот снимок, нетрудно поверить, что весит такой мотор всего девять сотых грамма.

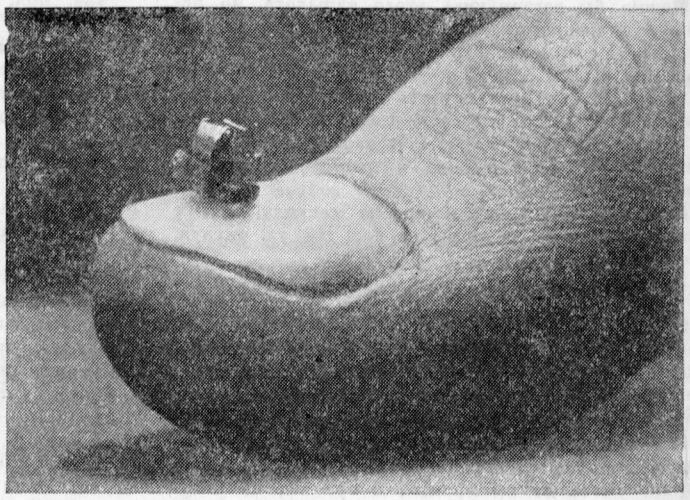
Эти снимки, а вместе с ними и сам моторчик принес к нам в редакцию студент тов. Сараджев.

Он уверяет, что каждый электролюбитель, имеющий самые незначительные навыки, может сделать такой мотор. Инструменты для изготовления этой удивительной машины: маленькие плоскозубцы, иголки, ножницы, напильничек и шкурка.

А материалы: тонкий железный листок, эмалированная проволока 0,05 — 0,03, кусочек целлулоида, иголочка от примуса (для вала), спиртовый лак, медная проволока 0,1, кусочек фольги—вот и все.

В хозяйстве любого электролюбителя эти материалы, конечно, найдутся, а все остальное—дело настойчивости и акуратной работы.

Мы нарочно не дали точных чертежей деталей этого моторчика. Из фотографий, схемы и общего чертежа видно, как он устроен, а как сделать коллек-

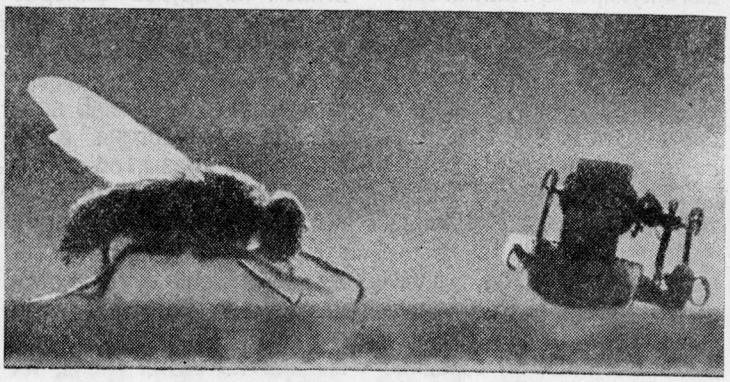


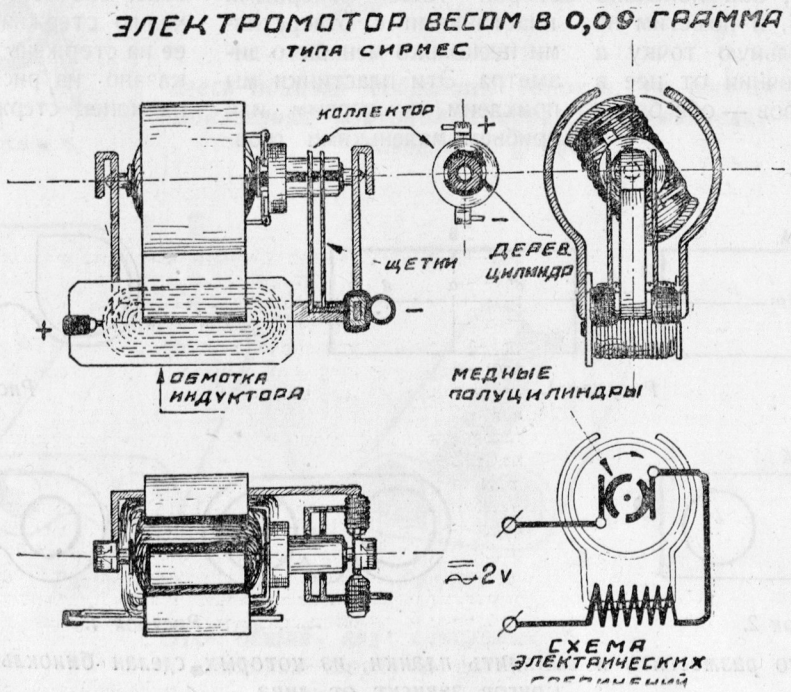
тор (он делается из фольги и дерева), как посадить якорь на вал, как выкроить из одного куска железа весь статор вместе с подшипниками, вы подумайте сами.

Мы только дадим несколько советов: под обмотку подматывайте папиросную бумагу, покрывайте ее лаком и, вообще, хорошенько следите за изоляцией. Перед пуском непременно проверьте правильность соединений по схеме. Для питания моторчика достаточно одной батарейки, но не включайте ее напрямую: может разнести или сжечь ваш мотор. Включайте через карманную лампочку — это будет как раз.

Соединения лучше пропаивайте, но при этом особенно берегите изоляцию. Когда будете «кроить» статор, оставьте кусочек железа, чтобы было за что держать выкройку, потом его нужно обрезать. Вот, пожалуй, и все.

Может быть, кто-нибудь сумеет еще упростить этот и так очень простой моторчик, тогда, значит, удастся сделать его еще легче. Сараджев уверяет, что, попрактиковавшись, можно сделать такой моторчик весом в три сотых грамма. Попробуйте и напишите, что получится.





Чертежи и схема соединений электромоторчика.

Бинокль

Д. Криволапов

Чтобы сделать бинокль, надо достать 4 линзы: две увеличительных, с фокусным расстоянием по 15 — 20 сантиметров для об'ектива, и две уменьшительных, с фокусным расстоянием по 4—5 сантиметров для окуляра. С такими линзами можно сделать бинокль, который даст увеличение в $3^3/_4$ — 4 раза. Линзы можно купить в оптическом магазине, стоят они недорого.

Теперь займемся изготовлением самого бинокля.

Возьмем 10 — 12 кусочков фанеры любой толщины размером 12 × 5 сантиметров (рис. 1 *А*). На каждой пластинке, по середине ее, вдоль, прочертим прямую линию, как показано на рис. 1 *Б*, и пометим на ней центральную точку *а* и на расстоянии от нее в 6 сантиметров — обе боковых: *б* и *в*.

Для укрепления об'ективных линз на одной пластинке (из точек *а* и *в*) опишем окружности, равные окружности об'ективных линз, и выпилим эти отверстия (рис. 2 *А*). Точно такую же работу проделаем на другой фанерке для окулярных линз. Отверстия можно или выпиливать лобзиком или акуратно вырезать ножом. В проделанные отверстия вставим наши линзы, об'ективные и окулярные, так, чтобы их поверхности были вровень с поверхностями фанерной пластинки и не возвышались над ней. Чтобы линзы не выпали из своих гнезд, их надо закрепить с обеих сторон тоже фанерными пластинками с отверстиями несколько меньшего диаметра. Эти пластинки мы приклеим к первым или прибьем маленькими гвоздиками. Из оставшихся фанерок возьмем 2 пластинки и сделаем в них отверстия, как показано на рис. 3. Остальные же фанерки вырежем, как это показано на рис. 4 *А* и *Б*. Надо стараться, чтобы совпадали все центры отверстий и рисунки одинаковых фанерок.

Когда все фанерки будут вырезаны, приготовим небольшой прямоугольный стержень толщиной 1 × 2 и длиной приблизительно в 15 сантиметров (окончательно длина стержня будет зависеть от фокуса линз об'ектива и будет найдена потом опытным порядком). Пропилим в центре пластинки об'ектива отверстие, соответствующее сечению стержня, и наденем ее на стержень, как это показано на рис 5. Потом, на конец стержня прибьем

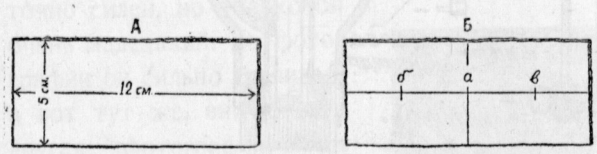


Рисунок 1.

Рисунок 3.

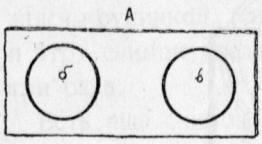


Рисунок 2.

Рисунок 4.

Так нужно разместить и выпилить планки, из которых сделан бинокль. Диаметр кругов зависит от линз.

гвоздиками с одной стороны окулярную пластинку, а с другой — пластинку с вырезами без линз (рис. 6). При этом надо строго следить, чтобы центры отверстий и линз при посадке пластинок на стержень совпадали. Передвигая об'ективную пластинку по стержню и глядя в окулярную пластинку, уже можно обнаружить, есть ли перекосы при насадке пластинок на стержень. Если перекосы есть, то изображение в бинокле будет казаться двойным и искаженным. Если стержень окажется слишком длинным, его можно подрезать. Запас нужно оставить не больше 5 сантиметров. Длину запаса нетрудно узнать, отыскивая фокус бинокля, т. е. наводя его то на дальние, то на ближние предметы. Затем надо взять кусок плотного картона и оклеить им остов бинокля так, как это показано на рис. 7 и 8. Лучше весь бинокль внутри зачернить, чтобы в нем не было отражения лучей. Можно покрасить бинокль и сверху, а еще лучше оклеить его материей, цветной бумагой и т. д.

К биноклю теперь осталось сделать футляр из картона и приделать с боков ушки из проволоки, чтобы было удобно носить бинокль через плечо.

Рисунок 5.

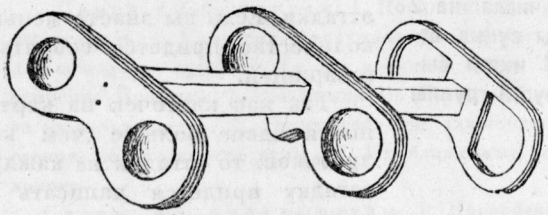


Рисунок 6.

Здесь показан собранный бинокль, но еще не обклеенный картоном, с приспособлением для наводки на фокус.

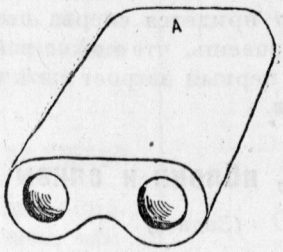


Рисунок 7.

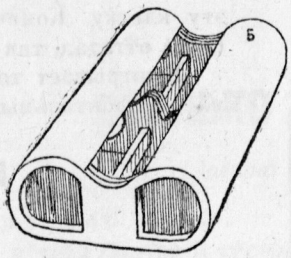


Рисунок 8.

Это общий вид самодельного бинокля сверху и снизу.

Загадки, задачи, игры и фокусы

ЗАДАЧА ЧИСЕЛ

Даны 9 чисел: 1, 12, 15, 17, 24, 30, 55, 63 и 89.

Требуется:

1. Разбить эти числа на 3 группы по 3 числа так, чтобы суммы чисел каждой группы были равны 102.

2. Разбить эти числа на 2 группы так, чтобы сумма одной группы из 3 чисел была равна сумме другой группы из 6 чисел.

ГОЛОВОЛОМКА

В этом прямоугольнике надо заменить слово «волк» словом «коза».

Но сделать это надо не сразу, а в четыре приема, так, чтобы в каждой строчке прямоугольника оказалось новое слово, отличающееся только одной буквой от предыдущего.

Попробуйте.

В	О	Л	К
К	О	З	А

Загадочное лото

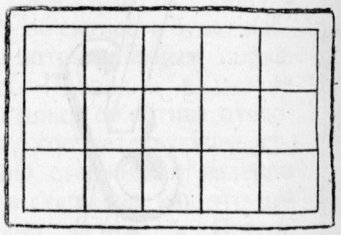
(Самодельная настольная игра)

Нарежьте из плотной бумаги 12 листков размером 10 × 16 сантиметров и разграфите их, как показано на рисунке.

Затем из такой же бумаги нарежьте 100 квадратиков размером 3 × 3 сантиметра.

И листки и квадратики лучше наклеить на картон.

На квадратиках напишите загадки, а в клетках листков — отгадки. Если вы знаете меньше ста загадок, то недостающее количество придется собрать у товарищей.



Так как клеточек на картах почти вдвое больше чем квадратиков, то отгадки на каждую загадку придется написать на клетках по два раза.

Для того чтобы во время игры не было споров, правильно или нет отгадана загадка, на обороте каждого квадратика напишите ответ на ту загадку, которая на нем написана.

Игра идет почти так же, как и в обыкновенное лото: каждый участник получает по одной или по две карты (листочка), а один (поочереди) вытаскивает из мешочка квадратики и читает загадки. Тот играющий, у которого в одной из клеток на карте окажется отгадка этой загадки, закрывает эту клетку. Конечно, тут придется сперва отгадать загадку (а не отгадал, так и не узнаешь, что можно закрыть клетку).

Выигрывает тот, кто первый закроет пять клеток одного из горизонтальных рядов.

Груши, яблоки и сливы

(Задача)

Было у меня 2 рубля 50 копеек. Пошел я на базар, вижу: продают груши, яблоки и сливы.

— Что почем? — спрашиваю.

— Груши «Дюшес» — по 30 копеек штука, яблоки — по гривеннику, а сливы почти даром — по копейке.

Ну я и купил фруктов на все свои деньги.

Угадайте, сколько я купил в отдельности груш, яблок и слив, если всего фруктов у меня оказалось 60 штук.

РАЗРЕЖЬТЕ

1. Какой предмет можно разрезать на 8 частей тремя прямыми разрезами?
2. Что можно разделить на 6 частей двумя прямыми разрезами?
3. Что можно разрезать больше чем на 100 частей одним разрезом?

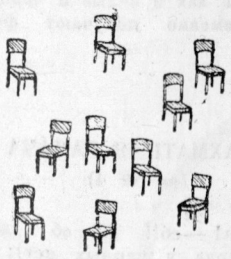
ДВА СТОЛА И ОДИН СТУЛ

(Шуточная головоломка)

Сможете ли вы посадить шесть своих товарищей на два стола и один стул так, чтобы и на стуле и на каждом из столов сидело бы нечетное количество людей. Хотя предприятие и кажется неосуществимым,— оно имеет три решения.

ДЕСЯТЬ СТУЛЬЕВ

Головоломка прислана Борей Седовым из города Ульяновска, Куйбышевской области.

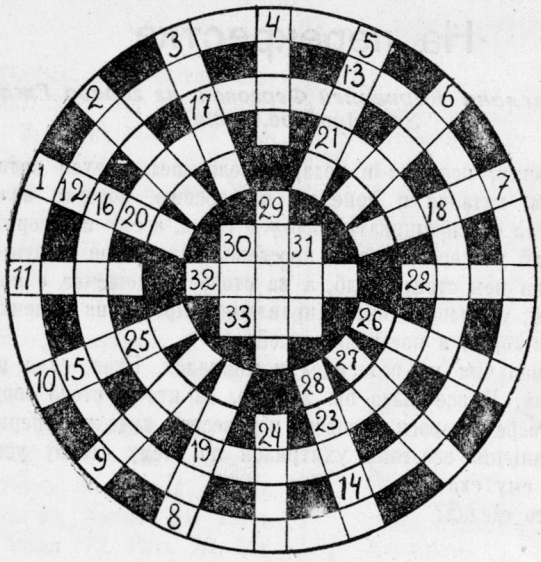


В комнате десять стульев. Надо расставить их так, чтобы у каждой стены было одинаковое количество.

12 ЧЕЛОВЕК И 12 ХЛЕБОВ

12 человек, среди которых были мужчины, женщины и дети, несли 12 хлебов. Каждый мужчина нес по два хлеба, женщины — по полхлеба, и дети — по четверти хлеба.

Надо узнать, сколько в отдельности было мужчин, женщин и детей.



Кроссворд

Составил Женя Лютиков (Москва)

Слова по радиусам: 1. Поругание. 2. Оружие. 3. Драгоценный камень. 4. Комиссия, присуждающая премии. 5. Приспособление для освещения сцены. 6. То, что читают в книге. 7. Мораль. 8. Стихотворение Пушкина. 9. Розыгрыш. 10. Серьезный недостаток. 11. Охота на вальдшнепов. 22. Приспособление для письма. 24. Зерновое растение. 26. Колебание воды. 27. Приближенные короля. 28. Большая дорога.

Слова по окружностям: 1. Наводнение. 3. Французская колония в Африке. 7. Исторический период. 8. Человек, отказывающий себе в самом необходимом. 12. Сияние. 13. Взятие под стражу. 14. Римлянин, добивавшийся разрушения Карфагена. 15. Созвездие. 16. Изменение в цвете кожи от действия солнечных лучей. 17. Город на Оке. 18. Совершенство. 19. Головной убор мусульман. 20. Стадо овец. 21. Бесплодная почва. 23. Город в Польше. 25. Тесто.

Слова в центре. По вертикали: 29. Морской разбойник. 30. Машинно-тракторная станция. 31. Шеренга. По горизонтали: 30. Вселенная. 32. Часть пионерской организации. 33. Предмет заботы садовника.

СКОЛЬКО ИХ?

(*Задача*)

Спросили у одной девочки:

— Есть у тебя братья и сестры?

— Есть, — отвечает девочка.

— А сколько их?

— У меня братьев и сестер поровну. А вот у моего брата сестер вдвое больше чем братьев.

Удивительный случай! В самом деле, сколько же их всех вместе с этой девочкой?

На перекрестке

Задача прислана Корнелией Ферговой из города Гжатска, Западной области

Один мальчик, получив в подарок велосипед, поехал кататься за город. Катался, катался и приехал в деревню, которая называлась Ивановкой. Стал он спрашивать дорогу в город, а ему и говорят:

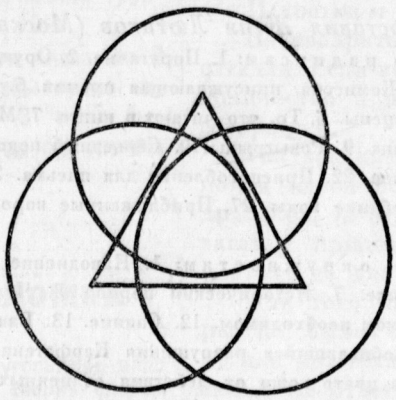
— Поезжай по дороге прямо, проедешь километров десять — будет перекресток, на нем стоит столб, а на столбе — дощечка с надписями и со стрелками, указывающими направление. Прочти на дощечке, какая дорога ведет в город, и поезжай по ней.

Вскочил мальчик на велосипед и помчался. Ехал, ехал и доехал до перекрестка. И все было бы хорошо, да кто-то столб своротил, и валяется он посреди дороги, и совсем неизвестно, куда же теперь ехать...

Однако мальчик все-таки ухитрился по этому столбу узнать, по какой дороге ему ехать.

Как он это сделал?

ГОЛОВОЛОМКА



Начертите эту фигуру не отрывая карандаша от бумаги, не проводя дважды по одной линии и так, чтобы линии нигде не пересекались.

Ответы на задачи, помещенные в № 3

История с часами

Уходя из дому, я завел часы и записал время. Придя к товарищу, я сразу же заметил, сколько показывают его часы. Уходя, опять посмотрел на часы и запомнил, сколько времени я просидел.

Придя домой, я посмотрел на свои часы и узнал, сколько времени меня не было дома. Из того времени, в которое меня не было дома, я вычел время, проведенное у товарища, и узнал, сколько минут я затратил на ходьбу к товарищу и обратно. Эти минуты я разделил пополам (чтобы узнать, сколько я затратил только на возвращение от товарища), прибавив их ко времени, которое показывали часы товарища, когда я уходил от него, после чего и поставил свои часы верно. Вот как просто.

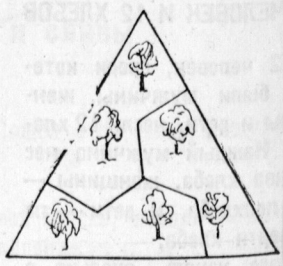
Все верно

Если белый король погонится за черной пешкой, то он не догонит ее. Если он двинется к своей пешке, то не успеет подойти, так как ее побьет черный король. Но если он в одно и то же время будет и догонять черную пешку и приближаться к своей пешке, то черные выиграть не смогут. Итак: 1. Крh8 — g7!! h5 — h4; 2. Крg7—f6 h4—h3; 3. Крf6—e7! и ничья, потому что если черные теперь сыграют 3 . . . . . h3 — h2, то и белые двинут свою пешку, 4. c6 — c7 Крd6 — b7; 5. Крe7 — d8 и ничья. Правда, черные могут не сразу двигать пешку, например: 1. Крh8 — g7 Крa6 — b6; 2. Крg7 — f6 h5 — h4 (если черные и теперь не двинут пешку, то белые просто сыграют 3. Крf6 — g5 и догонят ее); 3. Крf6 — e5, h4 — h3 (движение пешки опять вынуждено, иначе 4. Крe5 — f4 и эта пешка погибает); 4. Крe5 — d6! и ничья, так как если теперь 4 . . . . . h3 — h2, то 5. c6 — c7 Крb6 — b7; 6. Крd6 — d7 и ничья, так как и белые и черные одновременно получают ферзей.

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА
(из № 4)

1. Ch1 — c6!! b7 : c6 (другого хода у черных нет); 2. Крd7 — c8 (если 2. Крd7 : c6, то пат!); c6 — c5; 3. Ка6—c7✕

ТРЕУГОЛЬНИК НАДО РАЗДЕЛИТЬ ТАК:



КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Кук. 7. Ира. 12. Пекин. 13. Константинополь. 21. Магнитогорск. 27. Италия. 30. По. 31. Никарагуа. 35. Патагония. 40. Ракета. 41. Рур. 43. Три. 45. Кол. 46. Да. 48. Суд. 49. Ум. 50. Псков. 52. Ку. 53. Рио. 54. Спирт. 55. Дол. 57. Он. 58. Али. 59. Томат. 62. Або. 63. Сардиния. 66. Бои. 67. Мыс. 69. Ода. 70. Баня. 72. Ванты. 73. Икра. 74. На. 75. Зуд. 76. Ван. 77. Шило. 80. Овод. 81. Анк. 82. Уда. 83. Имя. 85. Кабан. 86. Итог. 87. Сад. 88. Луара. 89. Каюта. 90. Негр. 91. Токарь. 92. Наст.

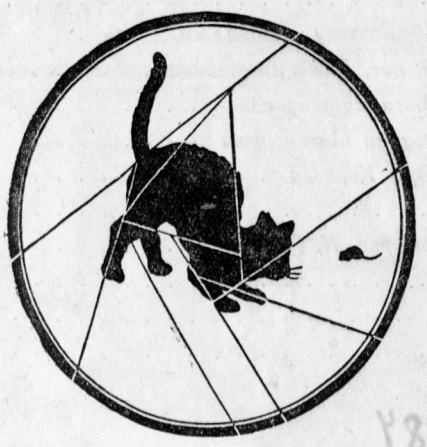
По вертикали: 1. Килиманджаро. 2. Петропавловск. 3. Куба. 4. Иран. 5. Мексика. 8. Апеннины. 9. Инвалид. 10. Да. 11. Морг. 13. Кий. 14. Тростник. 15. Нанду. 16. Иркутск. 17. Ота. 18. Кот. 19. Акр. 20. Рой. 21. Москва. 22. Гвиана. 23. Иртыш. 24. Ока. 25. Ге. 26. Ракита. 28. Толокно. 29. Яд. 32. Амо. 33. Апатиты. 34. Око. 35. Пуд. 36. Тина. 37. Грязь. 38. Норд. 39. Ява. 42. Удав. 44. Ром. 47. Аббат. 51. Сбыт. 56. Лодка. 60. Аванс. 61. Тана. 64. Ар. 65. Инд. 66. Боа. 68. Сааз. 71. Ямал. 73. Иго. 78. Ил. 79. Лук. 82. Ура. 84. Яр.

В этом кроссворде допущена ошибка: в 8-м слове по вертикали «Апеннины» пропущена буква «н».

Любитель головоломок

Второму любителю головоломок было 15 лет.

СЛОЖИТЕ КРУГ



ВОТ ЧТО ПОЛУЧИТСЯ

В № 5 журнала фамилия автора «Рассказов о мужестве» тов. Рыклина дана с неверным инициалом: напечатано «А. Рыклин», следует читать: «Г. РЫКЛИН».

КТО ОТВЕТИЛ

Ответили на все задачи, помещенные в № 3 «Пионера»:

1. Ильин М. (Кустанай).
2. Сроговичи (Минск).
3. Мойсеенко (Борзна, Черниговской области).

Решили кроссворд («Пионер» № 3):

Дуся Князятова.
Леня Хазов.
Миля Пиковский.
Нона Зельбот.
Татя Дынина.
Лиза Левандовская.
Ира Зайцева.
Галя Лясина.
Люся Кузнецова.
Ханецкий.

«Любитель головоломок» решили:

Лиля Ройхель
Иосиф Пацей.
В. Юдин.
В. Старцев
Ханецкий.

«Часы» решили:
Женя Проломова.
Нина Чернова
Минаков.
Трубников.
Смольников.

«Треугольник с деревьями» решили:

Григорьев Витя.
Колесников Боря.
Максимов Леня.
Неструх Наташа.
Феоктистов Шура.
Мамыковская Рита.

Первыми прислали правильное решение шахматной задачи, помещенной в № 4 «Пионера»:

Женя Фукс (Москва).
Аполлон Виноградов (Москва).
Неклепаев (43-я школа ФОНО, Москва).
Мотя Хасин (Москва).
Вилли Сандерев (Москва).
Леон Лернер (Москва).
Ада Гиринис (Москва).
Сергей Тарасов (Москва).

Ответ. редактор Б. ИВАНТЕР
Зам. редактора В. Фраерман Отв. секретарь В. Поддубная Худ. редактор М. Аскинази
Сдано в набор 19/V 1937 г. Подписано к печати 15/VI 1937 г. Изд № 428
Уполномоченный Главлита № Б—19995 82×1 0 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе 14 п. л.
Типография газеты „Правда" им. Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 1083. Тир. 90 000

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Акулы — *рассказ К. Золотовского, рис. Е. Шевякова* 3
На линкоре 11
Алексей Максимович Горький *(к годовщине со дня смерти)* 14
На реке — *рассказ Р. Фраермана, рис. П. Кузьмичева* 15
Чудесное вещество — *И. Петрянов* 18
Рассказы о Щорсе — *Е. Герасимов и М. Эрлих* 25
Как узнать температуру без термометра 45
Витязь в тигровой шкуре — *Шота Руставели, перевод и обработка Н. Заболоцкого* 46
Научный телеграф 54
Эрнст-Теодор-Амадей Гофман — *Вера Смирнова* 58
Щелкунчик и Мышиный царь — *Э.-Т.-А. Гофман, перевод И. Татариновой, рис. Ю. Кискачи* 60
ПОЧТА:
О дружбе 89
Как я превращал аксолотля в амблистому — *Володя Соседов* 90
Дальнее плавание — *Леопольд Блау, рис. Глеба Баскакова* 93
Наша козочка — *письмо и рисунок Люси Сущенцевой* 94
Гроза — *стихотворения и рассказ Леонида Миронычева* 95
Рыбная ловля — *письмо и рисунок Юры Коренец* 96
Дунька — *рассказ Г. Кошелевой* 97
Приключения капитана Врунгеля — *А. Некрасов, рис. К. Ротова* 99
Самоделки: Моторчик меньше мухи 104
Бинокль 106
Загадки, задачи, игры, фокусы 108

не Х-5684

На обложке: картина художника М. Гурвича „Карнавал".

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

Ц. 1937 г.
Инв. № 139

ПРОДАВАЙТЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СТАБИЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ

РОДИТЕЛИ
И
УЧАЩИЕСЯ!

ВСЕМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ КОГИЗА ПРОИЗВОДИТСЯ

ПОКУПКА и ПРОДАЖА

ПОДЕРЖАННЫХ СТАБИЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

УСЛОВИЯ ПОКУПКИ И ПРОДАЖИ БЫВШИХ В УПОТРЕБЛЕНИИ СТАБИЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ВЫВЕШЕНЫ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ КОГИЗА.

ПРОДАВАЙТЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СТАБИЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ

Цена 1 р. 50 к.

М 35 9

П 29
34